

ISSN 0207-4621

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

653

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ПОЗНАНИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Труды по философии

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 653 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ПОЗНАНИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Труды по философии

ТАРТУ 1983

Редакционная коллегия:

Л.Н. Столович (ответственный редактор), Р.Н. Блум, Э.Н. Лооне,
В.В. Зибен, Ю.Н. Чертин (секретарь).

KUSTUTATUD

Arch.

Tartu Ülikooli
Raamatukogu

7734

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 653.
СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.
Труды по философии.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
СССР, 202400, г.Тарту, ул.Вийкооли, 18.
Ответственный редактор Л. Столович.
Корректор И. Пауска.
Сдано в печать 14.10.1983.
МВ 08586.
Бумага писчая.
Формат 60x90/16.
Машинопись. Фотопринт.
Учетно-издательских листов 8,27.
Печатных листов 8,75.
Тираж 400.
Заказ № 1080.
Цена I руб. 20 коп.
Типография ТГУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Паюсона, 14.
I - 7

О ПРАВЕ КАК ФЕНОМЕНЕ КУЛЬТУРЫ

И.Н. Грязин

"Право справедливо называется великим антропологическим документом. Оно отражает и олицетворяет наиболее значимые достижения цивилизации не в меньшей мере, чем самые прекрасные ее цветки — великие творения художников и поэтов".

(Felix Frankfurter)

Летом 1979 г. внимание советской научной юридической общественности было приковано к дискуссии ведущих ученых юристов вокруг проблем определения советского права. Материалы "круглого стола", организованного редакцией "Советского государства и права", были опубликованы в № 7 и 8 журнала за 1979 г. Сложный и комплексный характер предмета дискуссии выявил ряд фундаментальных методологических проблем правовой науки. Приведем некоторые высказывания.

А.М. Васильев: "Понятие права представляет собой совокупность целого ряда абстрактных определений, которые вырабатываются в результате изучения всех его сторон и проявлений. Следовательно, не только возможны, но и необходимы различные определения права, и понятие права не сводимо ни к одному из них".

В.А. Туманов: "... Право не остается чем-то раз и навсегда данным. Оно постоянно изменялось и изменяется в ходе исторического процесса".

Б.Д. Зорькин: "Право есть одна из сфер социальной жизни... Но социальная действительность — это не только нормы, а отншения и действия, поступки людей". И далее: "... Как показывает становление правовых систем, правоотношения генетически предшествуют норме".

Таким образом, в ходе дискуссии была высказана мысль о необходимости различных подходов к праву и о его рассмотрении в различных контекстах. При этом В.А.Туманов и Б.Д.Зорькин специально подчеркнули идею о несводимости права к его чистонормативному аспекту. Отстаивалась и иная точка зрения,

согласно которой считалось недопустимым расширение понятия права за счет источников права (И.С. Самощенко), "предзаконных" и "постзаконных" факторов (А.Ф. Черданцев), признания существования права, не санкционированного государством (Б.Л. Назаров), и т.д.

Убедительная аргументация сторон послужила лишним раз свидетельством тому, что истина всегда конкретна и что ценность понятия права во многом зависит от того, в каких практических или научных целях оно применяется, а также, что наиболее конкретное и адекватное понимание права складывается как диалектическое единство его различных определений.

Тем не менее в этой статье мы попытаемся обратить внимание на один возможный аспект широкого понимания права. Актуальность проблемы, на наш взгляд, вызвана процессом формирования нового исторического типа — советского общенародного права. Суть вопроса сводится к следующему. Вполне очевидно, что в условиях развитого социализма и общенародного государства право постепенно начинает терять свою прямую классовую направленность при более рельефном выделении общерегулятивного аспекта, оставаясь при этом все же правом или становясь, так сказать, "не совсем" правом. С познавательной точки зрения, эта ситуация — ситуация диалектического скачка — представляется наиболее трудной, что, собственно, и вызвало упомянутую дискуссию.

Аналогичным моментом диалектического скачка можно считать возникновение права, процесс его становления из "еще-не-права" в право. В свете решения этих проблем нам представляется целесообразным рассмотрение права, абстрагируясь от некоторых моментов, характерных отдельным периодам его развития. С точки зрения проблемы судеб права, некоторый интерес может представить даже абстрагирование от отдельных специфических характеристик, присущих всей истории существования права. То, что в одном контексте представляет собой диалектический скачок (возникновение права, выражающего волю господствующего класса), может в другом контексте (например, культуре) выразиться как поступательная историческая эволюция и тем самым несколько прояснить природу самого этого скачка. Интерпретация полученных выводов требует при этом особой осторожности в силу ограниченного значения этого приема. (Развитие права может стать нам более понятным в контексте общего развития культуры, но на этом уровне право не может быть исчерпывающе объяснено и определено).

Тем самым целью данной статьи является рассмотрение некоторых взаимосвязей культуры и права, что, возможно, раскрывает некоторые исходные методологические позиции для дальнейшего изучения права.

Уровень юридической техники и правовых абстракций, присущий римскому праву, не оставляет сомнений насчет того, что правотворчество относится к достижениям мировой культуры. С другой стороны, многое, что мы знаем об истории человечества, стало нам известно из источников юридического характера. (Так, например, для средневековья служат важным источником записи варварских правд, разного рода грамоты, привилегии и т.п.). Следовательно, возможен вывод об определенной взаимосвязи культуры и права. Это суждение, однако, основано на поверхностном наблюдении и требует развития.

Обществу известно огромное количество достаточно различных определений феномена культуры. Такое положение неизбежно в силу парадоксальности ситуации ее определения - общественная наука, определяющая культуру, является сама фрагментом некой культуры и склонна особо выделять в определении те части культуры, которые являются наиболее характерными тому типу культуры, частью которого эта наука является. Таким образом, речь может в данном случае идти в первую очередь о некоем минимальном определении культуры, точнее - о выделении признака (или признаков), без которых определенный феномен уже не может считаться культурой. Причем этот признак должен в то же время являться инвариантом для всех типов известных нам культур. Отметим среди возможных таких признаков один, на наш взгляд, наиболее существенный: "Все многообразие отграничений культуры от некультуры, по сути дела, сводится к одному: на фоне некультуры культура выступает как знаковая система"^I.

При этом, однако, необходимо подчеркнуть, что все содержание и смысл культуры далеко не сводимы лишь к этому определению. "Цель" творца культуры, как правило (или, во всяком случае - во многом), не заключается в некотором знакотворчестве, являющимся самоцелью. Так, например, орудия труда создаются в первую очередь для достижения неких практических целей преобразования материального мира. Каменный топор, фрагмент материальной культуры, не является для первобытного

^I Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 284. Тарту, 1971, с. 145.

человека в первую очередь знаком, хотя эта знаковость (степень отделки, следы приемов его изготовления, возможные украшения и т.п.) в нем и присутствует. Со временем она даже вырисовывается более четко, по мере того, как каменный топор превращается из орудия труда в символ эпохи, памятник старины, археологический источник и т.п.

Представляется, что знаковость культуры не просто эмпирический факт (все известные нам культуры были знаковыми системами), но и логическая необходимость функционирования культуры. В марксистской культурологии справедливо подчеркивалось, что культура является не только результатом социального, коллективного творчества, но и его предпосылкой². Даже более — культура является механизмом, обеспечивающим возможность социального прогресса. Человек как биологический вид является носителем определенной структурной (генетической) информации, унаследованной в ходе длительного периода биологической эволюции и отражающей наиболее существенные (с точки зрения физического существования) моменты внешнего мира.

Механизм накопления такой информации связан с медленными изменениями среды обитания и не обеспечивает такого уровня динамического приспособления к среде, который характерен для общества. Этот механизм не способен также обеспечить такого стремительного развития во взаимоотношениях природы и человека, которое нам известно. Следовательно, в обществе действует и иной, причем очень эффективный механизм.

Ребенок, постепенно включаемый в социальное целое, не проходит по ступеням всех этапов становления человека, а находит общество уже в некотором развитом состоянии. Обучение токарному мастерству не начинается с выделывания огня при помощи двух деревянных палочек. Новый член общества в своем становлении не кончает, а начинает с уровня, уже достигнутого обществом. Таким образом, он приобретает опыт предыдущих поколений не лично и не непосредственно, а в определенном "снятом" виде, опосредованно языком, сложившимися логическими структурами мышления, вовлеченного в общественный оборот материальным миром³, словом — культурой. Следовательно,

² См., напр., Марксистско-ленинская теория культуры. М., 1976, с. 6-7, 12 и сл.

³ О механизме сохранения и передачи социальной информации см.: Ребане Я.К. "Принцип социальной памяти" — Философские науки, 1977, № 5. Его же Some Problems Involved in a Comprehensive Approach to Social Determination of Knowledge, — Ajatus 38. Vammala, 1980.

культура может быть рассмотрена как некая коллективная память, как воплощение социального опыта. В силу этого каждое новое поколение начинает не "с нуля", а продолжает начатое, что и обеспечивает прогресс человечества. Если рассматривать культуру в качестве "специфического космического явления", то можно сказать, что "культура выступает в качестве специфического антиэнтропийного механизма, благодаря которому соответствующие системы оказываются в состоянии успешно противостоять энтропийным процессам и повышать свой уровень"⁴.

Культура является, таким образом, воплощением опыта общества, механизмом, обеспечивающим его развитие, интегрирующим отдельных людей в некое социальное целое. "Культура - сверхиндивидуальный интеллект - представляет собой механизм, восполняющий недостатки индивидуального сознания и в этом отношении представляющий неизбежное ему дополнение"⁵.

Эти качества культуры объясняются тем, что в ней мы имеем дело не столь с "вещами внешнего мира", сколь с их заместителями - знаками. Знаки, конечно, тоже являются своего рода "вещами", но их ценность заключается не столь в них самих, а в том, что они обозначают нечто иное⁶. Так, например, школьнику не приходится пить серную кислоту, чтобы убедиться в ее вредности, достаточно, чтобы учитель ему это сказал. Причем знаки в виде слов "серная кислота" и "вредно" являются сами по себе не серной кислотой и не вредностью, а их заместителями. Ф. Энгельс отмечал, что человеческая практика вообще не мыслима при отсутствии достаточно развитой формы языкового общения⁷.

⁴ Маркарян Э.С. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван, 1977, с. 176.

⁵ Лотман Ю.М. Феномен культуры. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 463. Тарту, 1978, с. 16.

⁶ Обратная точка зрения отстаивалась в философии символизма. Утверждалось, что знаки образуют свой самостоятельный мир, который равноценен "реальному", "внешнему" миру и обладает значением вне отношения к последнему: "Символические формы не являются отражением реальности, а ее частью" (Cassirer, E. Language and Myth. N.Y., 1953, p. 8).

⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 489. Подчеркнем лишний раз, что семиотический аспект, разумеется, не исчерпывает всего многообразия феномена культуры и "берет культуру лишь в одном, сугубо абстрактном срезе" (Лавинович В.Б., Яданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов, 1979, с. 66-67), но это не означает, что знаковость является случайным качеством культуры.

Ограничим наши рассуждения о природе культуры этими замечаниями и перейдем к вопросам о праве.

Бряд ли вызовет возражения мысль о том, что одной из главных социальных функций права является регулирование отношений взаимного поведения отдельных членов социального целого. Эта функция очень схожа с социализирующей функцией культуры. И в том и другом случае целью является интегрирование отдельного индивида в социальное целое, что обеспечивает существование и развитие последнего. Чтобы право было способно выполнить эту функцию, оно должно быть воплощением добытого социального опыта и обладать формой, которая принята в данной культуре, т.е. быть понятным. Нелепо мыслить себе нормы и правила, которых никто не может понять⁸.

Таким образом, право, как и культура, необходимо обладает знаковой формой, выраженной в определенном языке⁹. Это можно проследить с самых ранних периодов зарождения права, его выделения в особую форму общественного сознания.

Первая непосредственная связь права с культурой обнаруживается в его первоначальном единстве с общей (мифологической) космологической картиной. "В основе права и в основе мира, при всех их различиях и даже противоположности, лежала общая модель действительности, нередко выражаемая даже одинаковыми понятиями и словами"¹⁰.

Сопшемся на один пример. В одной из частей (по мнению некоторых историков, приложений) скандинавской саги "Старшая Эдда" - "Песнь о Хюндле" рассказывается о том, как богиня Фрейя, покровительствующая героям повествования - Оттару, -вы-

⁸ Уточним, что понятность права не означает его общепонятности. Даже более - определенная общепонятность стала атрибутом права лишь где-то в период зарождения и установления буржуазного права. В феодальных обществах Европы содержание официального права было недоступным большинству населения - крестьянству, но оно было достаточно доступно тем, кому надлежало это право применять. Таким образом, даже форма права могла служить целям классового угнетения.

⁹ О связанности права с языковой формой см. также, напр.: Нехтер, Е. *Studies in Legal Terminology*. Chapel Hill, 1941, p. 33-40; Probert, W. *Law Language and Communication*. Springfield (Ill.), 1972, p. 3-6; Gamieson, N.Y. *Swinging From Logical Trees* - *New Law Journal*, 1974, v, 124, No 56, p. 1120.

¹⁰ Гуревич А.Я. *Норвежское общество в раннее средневековье*. М., 1977, с. 269.

ведывает у великанин Хюндли родословную Оттара. Хюндль упоминает среди предков героя древних королей и даже богов, но особо детально приводятся пять последних поколений Оттара, далеко не сравнимых по своему значению с владыками и королями. Естественно вопрос — почему? Видный советский историк А.Я. Гуревич дает, на первый взгляд, удивительный и тем не менее убедительный ответ: потому, что Оттару предстояла тяжба из-за наследства и по древнескандинавским законам (в частности — "Законы Гулатинга") для доказательства права требовалось указание пяти поколений предков^{II}. В этом примере переплетены миф и право, и мы не решаемся задаться вопросом, который из них является отражением другого. Наш вывод другой — право, даже в своей самой зародышной форме, обладало неким языковым, текстуальным выражением, понятным и принятым в данной культуре.

В данном случае мы понимаем язык в достаточно широком смысле как некую систему знаков, допускающих создание их различных комбинаций — текстов. Письменные источники раннего средневековья свидетельствуют о том, что в качестве таких знаков в праве выступали как ритуальные действия, так и предметы, которым придавалось символическое значение. Таких форм описано множество. Укажем лишь на один пример из старейших варварских прав, являющийся письменной фиксацией существовавшего обычного права. В "Салической правде" говорится: "60. О желающем отказаться от родства. § I. Он должен явиться в судебное заседание перед лицом тунгина и там сломать над своей головой три ветки, мером в локоть. И он должен в судебном заседании разбросать их в 4 стороны и сказать там, что он отказывается от соприсяжничества, от наследства и от всяких счетов с ними..."^{I2}. Указанные действия представляют собой определенную форму права, его язык, знаковую замену действительности. В качестве своеобразного языка права служат и терракотовые фигурки, олицетворяющие одобряемое и порицаемое поведение у некоторых племен в Танзании^{I3}.

Не вдаваясь в тонкости исторической специфики различных знаковых форм культуры, все же необходимо отметить еще один

^{II} Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье, с. 264.

^{I2} Цит. по кн.: Соколова А.М. Варварские правды. Чита, 1969.

^{I3} Маке Л. Цивилизации Африки южнее Сахары. М., 1974, с.99.

немаловажный момент. Знаковый характер ритуально-символических форм права, роднящий их с более поздними — письменнотекстуальными формами, не означает их полного единства. Причем различие заключается не только и не столько в различиях самой внешней формы знака, сколько в механизме его функционирования. Если письменнотекстуальные знаки образуют в своей совокупности особый и относительно самостоятельный отраженный мир, то символическо-ритуальные формы права такого особого "наслоения", видимо, не имеют. Они стоят не "над действительностью", а воспринимаются как ее часть, влетают в ткань самого "мира". "... Символ в народном праве не знак или условное обозначение, а замена действительного предмета или явления его подобием". Так, смысл ритуала передачи дерна при совершении отчуждения земли заложен в том, что "для реального отчуждения владения нужно было буквально передать его из рук в руки"¹⁴. Характерно, что если обнаруживался неправомерный характер действия, его пытались компенсировать, но его нельзя было объявить недействительным, если форма была верной.

Приведенных примеров достаточно, чтобы обнаружилась необходимость проведения определенных границ между различными уровнями или стадиями становления текстуальной формы права. Во-первых, это уровень реального поведения, в котором непосредственное природное отношение первобытного человека не обладает еще характером осознанной деятельности и роднит его с животным миром. О наличии некоей культуры в этом случае можно говорить лишь с явными натяжками. Следующим представляется уровень, когда выделяется культура, общественное сознание, которое еще не расчленено на отдельные формы. Здесь право, пожалуй, уже существует, но лишь как некое пред-право, которое таковым еще не осознается. Право настолько переплетено с общей культурной средой (в т.ч. с мифом, религией), что может быть оценено как право лишь с более высокого уровня культурного развития, ретроспективно. Здесь, кстати, и выступает одна из важнейших проблем истории права — при наличии каких эмпирических фактов можно вообще говорить, что право (именно как право, а не мораль или обычай) существует¹⁵. И наконец, третий уровень, когда существует право как

¹⁴ Гуревич А.Я. Индивид и общество в варварских государствах. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 293.

¹⁵ Golding, M.P. Philosophy of Law. Englewood Cliffs, 1975, p. 9-12.

особая форма общественного сознания и начинается его письменная фиксация. Этот уровень четко отделяет право от религии и религиозных форм знания или опыта. А. Даймонд справедливо подчеркивает, что вопреки ходячему мнению, уже варварские правды практически не включали в себя религиозных элементов¹⁶. Письменная фиксация права (а письменно фиксировались в первую очередь изменения, вносимые властями в действующее обычное право) или выделение отдельных символических форм как собственно правовых, создало возможность расхождения действительного права и его официальной текстуальной формы. Тем самым, хотя право и отражает историю, но оно не является ее единственным и даже далеко не всегда верным описанием. История, например, античности свидетельствует о том, что юридическое положение раба не всегда означало его фактического рабского положения: рабы владели иногда значительным состоянием, занимали должности, весьма существенные с точки зрения механизма государственной власти¹⁷. Таким образом, история, написанная по чисто юридическим источникам, может невольно оказаться искаженной. Чем больше право выделяет в качестве одной из своих форм письменный текст, обладающий явно знаковыми качествами, тем возможнее становится расхождение этой формы с самой общественной реальностью. С точки зрения онтологического статуса ритуально-символической формы права она тоже являлась уже отражающей системой. Несмотря на то, что эта форма в самих варварских обществах таковой не всегда воспринималась¹⁸, ее объективная роль все же заключалась в замещении определенной действительности, т.е. в ее обозначении.

Несмотря на существенные различия во внешних формах и даже в механизме их функционирования и восприятия в культуре, все они являются общепринятыми и понятными в данной культуре, ибо пользуются ее языком.

¹⁶ Diamond, A.S. Primitive Law. Past and Present. L., 1971, p. 47-49.

¹⁷ Тем не менее и это право остается достоянием культуры как достигнутая форма юридического мышления и по мере уменьшения инструментальной роли системы права, уходящей в прошлое, увеличивается его функция как знака общества и мышления, создавшего его. (Происходит то же, что и с каменным топором.)

¹⁸ В религиозном сознании культовые действия воспринимаются наравне с любой другой орудийно-предметной деятельностью. Жертвоприношение богам стоит в этом смысле в одном ряду со вспахиванием земли как средством обеспечения хорошего урожая.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что форма права, его язык тесно взаимосвязаны с уровнем и формами мышления общества, в котором существует данная культура. Конкретный характер мышления в культурах раннего средневековья отражается, например, в том факте, что "в отличие от памятников уголовного права более поздних эпох, соответствующие разделы правд разрастаются в обширные каталоги пеней и штрафов, никак не обобщенных и не подводимых под общую рубрику"¹⁹. (Вспомним здесь хотя бы стдельные из них - Салическая правда, Рипуарская правда, даже более поздняя "Каролина".)

Символическое и мифологическое выражения правовых норм и публичность их выполнения обеспечивали в древних культурах сохранение права в памяти, а следовательно, и сохранение его необходимой стабильности, т.е. права как некоей единой нормы. "Церемония выполняла здесь ту функцию, которую в более цивилизованном обществе выполняет документ"²⁰.

Таким образом, все указанные взаимосвязи культуры и права могут быть сведены к следующим моментам:

- 1) культура и право обеспечивают интеграцию индивида в социальное целое;
- 2) культура и право являются воплощением накопленного социального опыта;
- 3) форма права определяется в конечном счете культурой, в которой право существует.

Все это приводит нас к выводу о том, что право не только тесно связано с культурой, но является и частью последней. С.С. Алексеев отмечает: "Правовая форма общественного регулирования, сложившиеся свойства права, в том числе, высокая нормативность, формальная определенность, приемы, обеспечивающие его динамизм, процессуальные формы и другие, представляют собой известные достижения культуры"²¹ (разрядка наша - И.Г.).

Из факта, что право является частью культуры, следует и вывод о том, что право неизбежно обладает языковой (т.е. знаковой) формой. (О чем свидетельствовали и приведенные примеры).

Как уже указывалось выше, ценность знака заключается в

¹⁹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 92.

²⁰ Там же, с. 112.

²¹ Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. с. 200.

его функции замены реальных явлений, в его бытии в качестве и н о г о по отношению к миру. "... Для знаковых моделей, как и вообще для знаковых систем, характерно их использование не со стороны их физических свойств, хотя они и обладают таковыми в качестве материальных феноменов, а со стороны их з н а ч е н и й"²². Это утверждение, однако, возможно также лишь при его ретроспективном наложении. Ведь смысловая нагрузка ритуально-символических форм права существенно отличается по своему типу от смысловой нагрузки слов и выражений обиходного языка. Смысл первых лежит в плоскости их соотношения как частей мира с остальным миром, а не в плоскости соотношения знакового с внезнаковым миром²³. Но это, разумеется, не лишает их смысла. Следовательно, культура выбирает не только используемый ею материал языка (знаки), но и их восприятие, характер осмысления, критерии их осмысленности.

Таким образом, знак является не просто заменителем обозначаемого, но и носителем определенного знания о нем, который привносится культурным, социальным и языковым контекстом. Символические выражения самых казуистических правил являлись не только знаковой заменой реальных отношений и целей, которые ставились их регуляцией, но обладали и с м ы с л о м, привносимым данной культурой. Справедливо отмечается, что "реализация возможностей интерпретации (т.е. выявление смысла знаковой системы - И.Г.) определяется к о н т е к с т о м - языковым, социофизическим и особенно концептуальным, воплощающим представления носителей языка относительно положения вещей в мире"²⁴. Смысл знаковой системы может, разумеется, быть различным в различных культурах. Так, например, "на всех этапах развития родового общества экзогамное табу рассматривалось как средство нейтрализации какой-то неведомой и поэтому особенно страшной опасности, нависшей над человеческими коллективами и угрожавшей самому их существованию... Много тысяч лет над людьми родового об-

²² Штофф В.А. Знаковая модель как особый вид знаковой системы. - В кн.: Проблема знака и значения. М., 1969, с. 123.

²³ Теоретическое обобщение, преимущественно на базе культуры племен Эфиопии, различия этих двух типов смыслов: Sperber, D. Rethinking Symbolism. Cambridge, 1977, p. 85 ff.

²⁴ Павленко Р.И. Философия языка: проблема смысла. - Вопросы философии, 1976, № 3, с. 108.

щества тяготел кошмар давно исчезнувших поколений"²⁵. Такой смысл экзогамных норм хоть и далек от их биологического и этического понимания, свойственного нашей культуре, но является тем не менее с м н с л о м, общепринятым в культурах родового общества. Таким образом, если выше нами была указана знаковость любой культуры и права, то теперь возможен и вывод о культурной осмысленности любого права в силу его знаковой формы.

В отличие от причинно-следственных отношений, отношение знака (текста) к обозначаемому не однозначно, а определено некой конвенцией и тем самым условно. Разумеется, знаки не могут быть любыми, но их взаимосвязь с обозначаемым случайна, ибо привносится субъектом как бы "извне". Связанность знака с субъектом влечет за собой и идеальный характер его взаимосвязи с обозначаемым. Однако, строго говоря, идеальное, сопряженное с отдельным субъектом приобретает и качество индивидуальности. Континуальность психического мира индивида ставит пределы его передаче при помощи дискретных средств — знаковых систем. При этом эти ограничения абсолютно не устранимы, ибо с материалистической точки зрения немислим некий непосредственный обмен информацией, не связанный с ее материальными носителями. Общепринятость знаков и общепонятность знаковой системы и всей культуры говорит об инвариантности в их понимании различными индивидуальными субъектами. При этом функционирование права с особой рельефностью обнаруживает и проблему границ между этим инвариантом и индивидуально-особенным в идеальном образе значения знака. В этом смысле представляется методологически перспективной идея Герберта Харта о наличии у правовых терминов значительной "зоны неопределенности", в которой и возникает проблема восприятия права через его текстуальную форму²⁶.

Причиной возникновения проблемы осмысления права (в классической форме — теории юридического толкования) служит и то, что любые знаки являются сокращенной записью их смысла и значения. Обозначаемая реальность, внешний или духовный мир, всегда богаче, чем выражающий ее знак. На уровне есте-

²⁵ Семенов Ю.И. Проблема начального этапа родового общества. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 176.

²⁶ Hart, H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals. — In: Philosophy of Law (J. Feinberg, H. Gross, eds.). California, 1975.

ственного языка это может выразиться в его многозначности. В качестве примера укажем лишь на синонимию (не существует абсолютно точных синонимов – всегда остается разница, по крайней мере, в нюансах) и обозначение разных понятий одним словом ("премия" в трудовом праве и быденном языке не одно и то же) и т.п.

Ретроспективно развитие права может быть описано как движение от казуистики к нормам, от ритуально-символических форм к естественно-языковой, словом – к более сокращенной (а следовательно, и более условной) записи. Это движение отражает, с одной стороны, развитие юридического мышления к все более глубоким и мощным абстракциям. Но, с другой стороны, их эмпирическая верификация приобретает при этом все более проблематичный характер. В этом смысле восприятие правового текста представляет собой мысленное движение в обратном направлении относительно реального исторического развития права, его наполнения конкретным, "казуистическим" содержанием. Если результат этого восприятия фиксируется в той же форме, что и воспринимаемое, т.е. текстуально, то происходит увеличение объема текста. Тексты толкований и разъяснений длиннее отражаемых в них текстов правовых норм, но их соответствие действительности более однозначно.

Таким образом, процесс восприятия правового текста приобретает вид создания нового, "более" иконического текста (по крайней мере мысленно), в принципе адекватного тексту-оригиналу. Текст-результат восприятия и текст-оригинал должны при правильном отражении быть равнозначными²⁷, хотя и являются иными. Другими словами, речь идет о некотором изменении и расширении смысла при сохранении значения.

В заключение можно сказать, что проблема гносеологии права, по крайней мере на первых порах, может, таким образом, быть представлена как проблема восприятия знаковой формы права, как проблема соотношения знаковой формы права и знаковой (текстуальной) формы результата этого познания.

²⁷ См. Hanson, B. *The Application of Rules in New Situations*. Lund, 1977, p. 83, 105.

К РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЯ "СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ"

А.А. Ранникмяз

Среди философских проблем науки все большее внимание привлекает вопрос, как построить модель развития науки, адекватно отражающую реальную историю науки. В наше время имеется достаточный массив конкретных историко-научных исследований, однако, пока не удалось выработать общепринятую модель развития науки, хотя попытки в этом направлении предпринимались и предпринимаются как в советской философской литературе, так и за рубежом¹. Такая обстановка подтверждает крайнюю сложность указанной проблемы.

В связи с разработкой модели развития науки² все чаще применяется понятие "стиль научного мышления". В последнее время резко возросло число публикаций, специально посвященных этой проблеме³. В то же время можно согласиться с А.С. Кравецом в том, что "смысл и значение этого понятия остаются неопределенными" и что "нет единства мнений относительно его содержания и объема, законов формирования и функционирования стиля мышления в науке, исторической периодизации стилей мышления"⁴.

¹ Среди зарубежных исследователей в этом аспекте наибольший интерес вызывают труды так называемого исторического направления в философии науки (Т.Кун, И.Лакатос, П.Фейерабанд, С.Тулмин, Дж.Холтон и др.).

² Имеется в виду наука в узком смысле как система знаний, хотя при таком подходе нельзя не учитывать влияния других аспектов науки (наука как социальный институт и профессиональная деятельность людей).

³ См., напр., монографии: Стиль мышления как выражение единства научного знания. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981; Парехонский Б.А. Стиль мышления. Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. - Киев: Наукова думка, 1982; Апостолова И. Стиль на мислене. - София: Наука и изкуство, 1972; Новик И.Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. - М.: Политиздат, 1975; а также ряд статей Ю.В. Сачкова, Л.А. Михешиной, В.В. Лапицкого и др.

⁴ Стиль мышления как выражение единства научного знания. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981, с. 3.

Обстановку усложняет то обстоятельство, что наряду с термином "стиль мышления" применяются и другие термины: "стереотип мышления", "способ мышления", "нормы мышления", "образ мышления" и др.⁵ Некоторые исследователи оперируют термином "парадигма" и "исследовательская программа", не уточняя при этом вкладываемый в них смысл⁶.

В настоящей статье рассматриваются некоторые существующие подходы к разработке понятия "стиль научного мышления", а также предлагается один из возможных подходов для уточнения содержания этого понятия на основе выяснения категориальных структур мышления. "Перед человеком сеть явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т.е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею"⁷.

Исходя из этого известного положения В.И. Ленина, мы считаем, что установление категориальных структур мышления ученых служит объективной основой для выяснения исторически значимых стилей научного мышления⁸. Развитие категорий, изменение их взаимосвязей, выдвигание на первый план тех или иных категориальных групп характеризуют динамику человеческого мышления. Указанные изменения отражаются в категориальных структурах и являются признаками, на основе которых мы можем судить о перемене исторически значимых стилей мышления.

Стиль мышления ученых выражает одну и при этом существенную сторону общей социально-исторической детерминации сознания и познания. Для выяснения места стиля мышления в структуре социальной детерминации познания мы опираемся на

⁵ Подобный же плюрализм наблюдается в сфере терминов, связанных с понятием мировоззрения. Можно встретить выражения мироощущение, миропонимание, миросозидание, видение мира, мировосприятие и др. Хотя некоторые авторы пытаются разграничить и уточнить указанные термины, все же такие попытки кажутся искусственными.

⁶ Если имеется в виду соответствующие методологические понятия Т. Куна и И. Лакатоса, то их использование должно сопровождаться известными критическими оговорками.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

⁸ При этом необходимо иметь в виду, что понятие стиля научного мышления не совпадает с понятием категориальной структуры: первое шире второго.

принцип социальной памяти, разработанный Я.К. Ребане⁹.

Соответственно этому принципу социальная память характеризуется информацией, накопленной в ходе социально-исторического развития, зафиксированной в результатах практической и познавательной деятельности и передаваемой из поколения в поколение с помощью социально-культурных средств¹⁰. Я.К. Ребане различает в социальной памяти две стороны: социально-культурные средства, с помощью которых передается информация, и, с другой стороны, познавательно-смысловое содержание социальной памяти. Если в смысловом содержании социальной памяти различать, во-первых, накопленные знания, во-вторых, логическую структуру мышления в широком смысле (т.е. мыслительные операции, математический аппарат, категориальный строй и т.п.) и, в-третьих, принятые в обществе ценности¹¹, то понятие стиля научного мышления принадлежит в основном ко второму разделу.

В то же время следует иметь в виду, что границы представленных разделов не абсолютные и что стиль мышления охватывает также часть третьего раздела, т.е. имеет определенный ценностный компонент. Для стиля мышления, как и для всей логической структуры мышления вообще характерно, что они не являются сами по себе знаниями, а становятся им лишь в результате дополнительного изучения¹².

В настоящей статье мы не рассматриваем ряд важных вопросов, связанных со стилем научного мышления и требующих разрешения в целях всесторонней разработки изучаемого понятия. Такими являются, например, вопросы о роли математического аппарата и эксперимента в научном мышлении; вопрос о взаимосвязях стиля научного мышления и научной картины мира, мировоззрения, методологии.

Самой общей основой для выделения исторически значимых

⁹ См.: Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5, с. 94-104; его же. Некоторые проблемы комплексного изучения социальной детерминации познания. - В кн.: Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979, с. 72-89.

¹⁰ Ребане Я.К. Некоторые проблемы комплексного изучения социальной детерминации познания. - В кн.: Социальная природа познания. М., 1979, с. 77.

¹¹ Там же.

¹² Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - Философские науки, 1977, № 5, с. 101.

периодов в развитии научного мышления служит положение Ф.Энгельса о том, что "теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание"¹³.

По-видимому, понятие "стиль научного мышления" направлено в первую очередь на то, чтобы отражать исторически обусловленные крупные качественные изменения в научном познании. В соответствии с этим выделяются и различные периоды, исходя из того, какая категориальная логика доминирует в научном познании. Выделение определенных периодов в научном мышлении возможно на разных уровнях.

В своих трудах Ф. Энгельс проводит обстоятельный анализ двух способов мышления — метафизического и диалектического. Уровень различения метафизического и диалектического мышления является исходным. Но качественно различные периоды можно установить и в рамках самого диалектического способа мышления, например, в естественных науках можно выделить этапы жестко-детерминистского (в смысле лапласовского детерминизма) и вероятностного мышления. Такие различия в мышлении принадлежат уже к другому, более "низкому", но в то же время более конкретному уровню. Как уже указывалось, нет единства мнений в отношении критериев установления исторически значимых стилей мышления. Понятия "стиль мышления" и "стиль научного мышления" используются в разных контекстах и по-разному эксплицируются. Ряд исследователей пользуется понятием "стиль мышления", полагая, что оно интуитивно ясное. В таком случае это понятие почти совпадает с подобными ему понятиями "дух эпохи", "видение мира" и др. Нельзя не согласиться, что в определенных контекстах такая трактовка себя оправдывает, подчеркивая историческое своеобразие духовной культуры (или конкретнее — науки) эпохи¹⁴.

С другой стороны, понятием "стиль научного мышления" отмечаются также и особенности определенной отрасли науки или специфического научного подхода, например говорится о разнице стиля мышления естествоиспытателей, гуманитариев и пред-

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366.

¹⁴ См., напр.: Баткин Д.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. — М.: Наука, 1978.

ставителей технических наук¹⁵, фиксируются химический¹⁶, кибернетический¹⁷, информационный¹⁸, системный¹⁹ и другие стили мышления.

Следовательно, понятием "стиль мышления" пользуются как в синхронном, так и диахронном аспекте. Синхронный подход позволяет установить множество классификаций, вплоть до особенностей мышления отдельного индивида. В то же время он позволяет выяснить влияние объекта исследования на мышление ученых. Диахронный подход сосредоточивает внимание на происшедших в мыслительном процессе изменениях, которые обусловлены помимо изменений объекта исследования и другими факторами. Для философско-методологического анализа науки наибольший интерес представляет диахронный подход.

Рассматривая работы авторов, которые пытаются более основательно раскрыть содержание и функции понятия "стиль научного мышления", можно отметить ряд одинаковых положений. Большинство исследователей соглашается с тем, что стиль научного мышления представляет собой определенные методологические нормативы, идеалы научного исследования²⁰. Но это положение нуждается в углублении: необходимо указать, на каком методологическом уровне выделяются эти нормативы и идеалы²¹, в чем они состоят.

Э.С. Серебрякова и Э.М. Чудинов указывают, что стиль

¹⁵ Синтез знания и проблема управления. - М.: Наука, 1978, с. 17

¹⁶ Вязовкин В.С. Материалистическая философия и химия. - М.: Мысль, 1980, с. 154.

¹⁷ Синтез знания и проблема управления, с. 101.

¹⁸ Там же, с. 85.

¹⁹ Грицков Ю.В. Проблема уточнения статуса общей теории систем. - Вестн. МГУ, сер. 7. Философия, 1981, № 5, с. 49.

²⁰ См., напр., Стиль мышления как выражение единства научного знания, с. 17, 19; Михелина Л.А. Детерминация естественнонаучного познания. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1977, с. 63; Степин В.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска. - В кн.: Идеалы и нормы научного исследования. - Минск: Изд-во БГУ, 1981, с. 21.

²¹ Мы исходим из наличия трех уровней методологии: философского, общенаучного и частнонаучного (см.: Урсул А.Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. - М.: Наука, 1981, с. 244).

мышления эпохи составляют регулятивные принципы²². Они формируются на основе более широкого фактуального базиса, чем базис конкретной научной теории, и определяют содержание и структурные особенности создаваемых теорий²³. Такая точка зрения правомерна, но трудности возникают при определении тех принципов, которые следовало бы выбрать в качестве исторически значимого стиля мышления. В литературе обсуждаются регулятивные принципы причинности, соответствия, инвариантности, простоты, наблюдаемости, фальсифицируемости²⁴. Они формируются в практике научного исследования и образуют основной каркас современного логического мышления²⁵. Хотя эти принципы в процессе развития научного знания видоизменяются, все же их нельзя положить в основу различения исторически значимых стилей мышления. Так, принципы аподиктического характера, например причинности, соответствия, инвариантности, в определенном смысле сходны с законами формальной логики, которые соблюдаются в течение всей истории науки.

П.С. Дышлевый и В.М. Найдыш проводят тщательный анализ классической и современной физики с целью выявления методологических установок познавательной деятельности, опираясь при этом на труды Н. Бора²⁶. (По существу эти установки также можно назвать регулятивными принципами познания естественных наук). П.С. Дышлевый и В.М. Найдыш указывают, что методологические установки познания существуют в любой конкретно-научной отрасли знания и выступают в качестве определенной "призмы", через которую преломляются теоретические

²² Стиль мышления как выражение единства научного знания. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981, с. 49; Чудинов Э.М. Теория относительности и философия. - М.: Политиздат, 1974, с. 299.

²³ Стиль мышления как выражение..., с. 64.

²⁴ Мамчур Е.А., Илларионов С.В. Регулятивные принципы построения теории. - В кн.: Синтез современного научного знания. М., 1973, с. 355-389.

²⁵ Салосия В.Т. Некоторые принципы взаимодействия естественных наук в условиях научно-технической революции. - В кн.: Анализ системы научного знания. Саратов, 1976, с. 84.

²⁶ Научно-техническая революция и современное естествознание. - Киев: Наукова думка, 1978, с. 102-105. В терминологии Н.Бора такие установки обозначены термином "принципы описания".

предпосылки познания и все мыслительные формы, функционирующие в качестве средств познания в данной науке²⁷.

Хотя разные отрасли научного знания имеют свои системы методологических установок, в содержаниях этих систем есть целый ряд общих черт. Такие общие черты, присущие методологическим установкам отдельного цикла конкретно-научных дисциплин (естественнонаучного, обществоведческого и психологического), П.С.Дышлевый и В.М.Найдин рассматривают как стиль мышления²⁸.

Указанная трактовка плодотворна в том смысле, что она четко фиксирует уровень выделения стиля мышления в науке: следует обсуждать стиль мышления естествоиспытателей, обществоведов и представителей цикла психологических наук, но нет смысла говорить о стиле мышления физиков, химиков или о стиле мышления современной науки вообще. Однако остается в тени вопрос, как и где возникают зачатки нового стиля мышления. Очевидно, новый стиль мышления впервые возникает в наиболее развитой в теоретическом смысле науке и только в результате сложных процессов проникает в другие науки. В связи с этим высказано даже мнение, что проникновение в биологию знаний и методов точных наук явилось результатом перехода ученых из других научных дисциплин в биологию²⁹. Вопрос о возникновении и распространении нового стиля мышления следует, на наш взгляд, внимательно изучать, так как ответ на него связан с выяснением эвристической функции стиля научного мышления.

Другие авторы выделяют в качестве характеристик стиля научного мышления иные аспекты методологии, которые можно считать также идеалами и нормами научного мышления. А.Т.Москаленко и В.Ф. Сержантов понимают под стилем мышления основные типы законов и их соотношения, способы понимания природы

²⁷ Там же, с. 120. Авторы разъясняют, что методологические установки физического познания входят в структуру его теоретико-методологических предпосылок, но отличаются от последних тем, что они не просто используются при построении теории, но и выполняют функцию ориентации этого построения.

²⁸ Там же, с. 120-121.

²⁹ Шапиро Э.Л. Информатика и связь между естественными и техническими науками. - В кн.: Взаимосвязь естественных и технических наук. М., 1976, с. 249.

самого знания и способы описания и теоретического выражения законов³⁰. В.Г. Иванов указывает, что в общем смысле под стилем мышления понимается система принципов логического построения теории³¹.

Как уже указывалось, расхождения между авторами возникают при уточнении этих общих полскежий, что и вызывает существующий плюрализм в понимании стилей мышления. В.П.Каратеев, например, выделяет в современной науке вероятностный, фундаментальный, естественнонаучный, социальный и технический стили мышления и добавляет, что даже в рамках отдельных отраслей знания существуют различные стили мышления (например, в естествознании – экологический, космический, кибернетический и др.)³². По-видимому, такой подход переносит проблему в другую плоскость, открывая путь для любителей выдумывать все новые "стили мышления".

Чтобы избежать ненужных расхождений при обсуждении проблемы, следовало бы, на наш взгляд, опираться на ту часть концепции Ю.В. Сачкова, где он рассматривает категориальные структуры систем знаний как основу определенных, исторически значимых стилей мышления³³.

С.Б. Крымский также утверждает, что развитие систем знания является сменой категориальных структур, которые будучи закрепленными в фундаментальных научных теориях, превращаются в идеальную норму, целевой канон научного познания той или иной эпохи³⁴. Такая норма или канон представляет собой стиль научного мышления эпохи³⁵. В.А. Лекторский обращает

30 Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Философские основания методологии частных наук и методологические проблемы взаимодействия философии и частных наук. – В кн.: Методология науки и научный прогресс. Новосибирск, 1981, с. 110.

31 Иванов В.Г. Физика и мировоззрение. – Л.: Наука, 1975, с. 56.

32 Каратеев В.П. Единство научного знания. – Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1981, с. 109.

33 Сачков Ю.В. Стиль мышления и методы исследования. – Философские науки, 1981, № 2, с. 107.

34 Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. – Киев: Наукова думка, 1974, с. 5.

35 Хотя С.Б. Крымский говорит о стилях различных систем знания, а не мышления, нам представляется, что здесь нет принципиальной разницы. О природе мышления ученых мы можем судить только на основе материально фиксированных результатов мышления (устная речь, письменные сообщения и т.д.), т.е. в конечном счете на основе теорий и концептуальных систем.

внимание на то обстоятельство, что революционный сдвиг, переживаемый современной наукой, выражается в частности в выдвигении в научном мышлении на первый план тех категорий, которые раньше были на заднем плане (возможность-действительность, предмет-отношение, целое-часть, субъект-объект и др.), а также в изменении логических отношений между функционирующими в познании категориями³⁶.

И.Д. Панцхава и Б.Я. Пахомов указывают, что категории применяются не поодиночке, а определенными группами. Такая группа категорий характеризует исторический этап познания и одновременно конкретно-исторический стиль научного мышления³⁷. При этом необходимо иметь в виду, что с точки зрения всесторонних представлений о природе нельзя отдавать предпочтение ни одной категории или категориальной группе. Но ситуация меняется в сфере абстракций, где на передний план выдвигаются категории, которые на данном этапе развития знания более эвристичны³⁸.

В этом смысле характерно признание А.М. Гилярова о том, что развитие экологии подтверждает равноправность как антиредукционистского, так и редукционистского подходов³⁹. Превалярование того или иного подхода, тех или иных категориальных групп зависит от конкретной обстановки в процессе развития науки, от задач, выдвинутых на данном этапе развития. В современной экологии аутоэкологический редукционизм (признание того, что распространение и численность организмов могут быть полностью объяснены на основе абиотических факторов) вытеснен синэкологическим редукционизмом (основное внимание уделяется взаимодействию организмов) и наряду с ним распространяется антиредукционистская "системная экология" или интегратизм. Однако такое положение не дает повода утверждать, что антиредукционистская позиция всегда более про-

³⁶ Лекторский В.А. Философия, наука, "философия науки". - Вопросы философии, 1973, № 4, с. 120.

³⁷ Панцхава И.Д., Пахомов Б.Я. О принципах построения диалектического материализма как теоретической системы. - Философские науки, 1973, № 4, с. 44.

³⁸ Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. - Киев: Наукова думка, 1974, с. 183.

³⁹ Гиляров А.М. Методологические проблемы современной экологии. Смена ведущих концепций. - Природа, 1981, № 9, с. 103.

Соответственно этой структуре реализация случайности выступает как возможность, но смысл категории "действительность" не раскрывается. Со статистическими теориями связан новый стиль научного мышления - вероятностный⁴⁵.

Несколько отличный анализ проводит В.И. Кузнецов⁴⁶. Он справедливо отмечает, что совокупности категорий можно интерпретировать по-разному и вводит на этой основе термин "категориальные композиции". Существенным является замечание В.И.Кузнецова о том, что необходимо учитывать своеобразие ядро-периферийного строения категориальных композиций. Дело в том, что ядро или базисная подструктура категориальной композиции является своего рода инвариантом в процессе развития и изменения теории. Например, возникновение релятивистской и квантовой физики в основном сопровождалось изменениями внутри периферийного слоя связей категориальной композиции с такими важными категориями, как абсолютное и относительное, единое и множественное, конечное и бесконечное, необходимое и вероятное, дискретное и непрерывное, делимое и неделимое и т.д.⁴⁷. В то же время базисная подструктура, в состав которого входят бинарные связи между категориями объект-пространство, объект-время, объект-движение, движение-пространство, движение-время и т.д.⁴⁸, оставалась неизменной. Это подтверждает преемственность физических теорий и является выражением принципа соответствия.

Истолкование научных теорий при помощи категориальных композиций можно усовершенствовать, исходя из правил, разработанных в теории графов. Интерес представляет включение в структуру связей более высокого порядка, чем бинарные⁴⁹.

Выявление категориальных структур или композиций систем знания дает возможность более точно фиксировать изменения в категориальном аппарате мышления ученых. В категориальных структурах отражаются прежде всего изменения связей между категориями, т.е. перестройка системы категорий, хотя в не-

⁴⁵ Сачков Ю.В. Проблема стиля мышления..., с. 71 и сл.

⁴⁶ Гносеологический анализ структуры естественнонаучного знания. - Киев: Наукова думка, 1981, с. 215-235.

⁴⁷ Там же, с. 225.

⁴⁸ Там же, с. 224.

⁴⁹ Там же, с. 222.

которых случаях можно фиксировать также появление новой категории или исчезновение старой⁵⁰.

Нам представляется, что по аналогии с категориальными структурами целесообразно рассматривать также структуры (композиции) общенаучных понятий и основных частнонаучных понятий определенных систем знания. Общенаучные понятия являются своего рода звеньями между частнонаучными понятиями и философскими категориями, их можно рассматривать как конкретно-научную экспликацию важнейших категорий диалектики⁵¹. Уровень частнонаучных понятий является наиболее широким полем для раскрытия и конкретной интерпретации содержательного богатства философских категорий, с их помощью мы можем установить различные аспекты применения философских категорий в зависимости от научной дисциплины. Такие различия обусловлены тем, что каждый ученый, представитель той или иной отрасли знания осваивает и применяет категории сквозь призму своей науки⁵². При этом, естественно, сами частнонаучные понятия должны рассматриваться в контексте определенной фундаментальной теории.

Построение таких "трехслойных" структур, где взаимосвязаны соответствующие философские категории, общенаучные понятия и основные частнонаучные понятия, позволяет установить изменения в мышлении ученых; тем самым эти структуры служат как бы ядром понятия "стиль научного мышления". Конечно, в категориальных и понятийных структурах мышления не удастся отразить все аспекты разностороннего и богатого процесса мышления. (Например, трудно выразить с помощью категорий ценностные аспекты научного исследования). С помощью указанных структур нельзя также строго ответить на вопрос, какие изменения в структуре означают перемену стиля мышления⁵³.

⁵⁰ Например, в категориальные структуры современной науки уже не входят категории "перводвигатель", "совершенное", "энтелехия" и др.

⁵¹ Готт В.С., Землянский Ф.М. Диалектика развития понятийной формы мышления. - М.: Высшая школа, 1981, с. 258; Ваккерев Ф.Ф. Особенности методологической функции материалистической диалектики в развитии конкретно-научных теорий. - В кн.: Взаимосвязь естественных и технических наук. М., 1976, с. 201.

⁵² Научно-техническая революция и современное естествознание. - Киев: Наукова думка, 1978, с. 46.

⁵³ В первом приближении можно отметить, что основание для заключения о крупных переменных в стиле мышления ученых дают только изменения на уровне философских категорий.

Это во многом зависит от того, на каком уровне определяется само понятие "стиль научного мышления". И все же исследование категориальных и понятийных структур позволяет на достаточно объективной основе фиксировать изменения в научном мышлении и тем самым указывает перспективное направление дальнейшей разработки понятия "стиль научного мышления".

О "НЕКЛАССИЧНОСТИ" СИНЕРГЕТИКИ (К ВОПРОСУ ОБ
ИЗМЕНЕНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАУКИ
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ)

Л.Я. Няпинен

В физико-математических науках существует проблема научного (физического) статуса живого. Трудности состоят в том, как объяснить такие характеристики живого, как спонтанная активность, автономная организация, когерентное поведение. Решение этой проблемы зависит от того, как понимается взаимоотношение между субъектом познания и познаваемой им природой. Принадлежит ли необратимость человеку-наблюдателю или она является свойством природы? Считать ли процессы измерения лишь технической необходимостью или видеть в них и определенные существенные характеристики самой природы? Процессы измерения носят существенно необратимый характер. Поэтому вопрос, в сущности, состоит в понимании времени, в первую очередь истории и самоорганизации, в физике. Сейчас существует новое научное направление - обобщенная термодинамика и основанная на ней синергетика -, которое предлагает определенные пути решения этой проблемы. Цель данной статьи - рассмотреть становление синергетики и показать, чем она отличается, на категориальном уровне, от классической науки.

Долгое время явления самоорганизации и организации исследовались в основном в социально-экономических науках и в некоторой мере в биологии. Свой вклад в понимание общих принципов самоорганизации внесла кибернетика. Однако кибернетика оставила вне поля зрения физические необратимые процессы. В последнее время проблемы самоорганизации и организации вошли в физико-математическое мышление - в синергетику. Синергетика изучает явления самоорганизации - спонтанное возникновение пространственных, временных и пространственно-временных структур при необратимых процессах.

Синергетика возникла на стыке нескольких наук: физики, химии, биологии, социологии и т.д. Генезис синергетических теорий начался с развития И. Пригожиным термодинамики несоб-

ратимых процессов¹. Классическая термодинамика происходит из конструирования инженерами и физико-химиками изолированных систем, в которых наблюдается исчезновение изначально созданной неоднородности. В реальных экспериментальных и технических ситуациях эта изначальная упорядоченность создавалась самим человеком. Перенесение таких ситуаций на естественные условия равносильно допущению существования неких внешних агентов, которые непрерывно восстанавливают начальные условия системы. Реально ведь, например, что в живых системах порядок сохраняется. Мысль И. Пригожина о разделении общего изменения энтропии на два слагаемых

$$dS = d_i S + d_e S ,$$

где $d_i S$ - производство энтропии внутри системы вследствие внутренних необратимых процессов, $d_e S$ - поток энтропии, обусловленный обменом (энергией и веществом) с окружающей средой, практически устранила вышеуказанный недостаток классической термодинамики.

Опираясь на термодинамику необратимых процессов И. Пригожина и на теорию информации, М. Эйген создал модельную теорию самоорганизации биологических макромолекул². Центральную роль в этой теории играет введенный М. Эйгеном параметр ценности информации. М. Эйген исходит из того, что среди различных состояний ансамбля "информацию" может представлять собой не только одно-единственное состояние или определенное подмножество состояний, а каждое определенное состояние. Введение параметра ценности (который может меняться практически непрерывно), связанного с каждым информационным состоянием, позволил М. Эйгену развить общую теорию, которая рассматривает возникновение или самоорганизацию "ценной" информации. Тем самым М. Эйген объединил дарвиновскую теорию эволюции с классической теорией информации. Эту концепцию он применил к самоорганизации на молекулярном уровне. Введение параметра ценности информации, по утверждению М. Эйгена, обеспечивает количественную основу для молекулярной биологии. Без этого дополнения теория информации, как указывал уже Л. Бриллюэн³, неадекватна в применении к биологическим проблемам. Она, по М. Эйгену, предполагает кого-то (обычно

¹ Пригожин И. Введение в термодинамику необратимых процессов. - М.: ИЛ, 1960.

² Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. - М.: Мир, 1973.

³ Бриллюэн Л. Наука и теория информации. - М.: Физматгиз, 1960.

человека), который с самого начала определил бы, что считать "информацией" ("смыслом") и что не считать. Ведь именно человек оценивает в экспериментальной и технической ситуации информацию. Перенесение такой ситуации на естественные условия эквивалентно допущению существования некоего внешнего агента, который оценивал бы информацию. Введение М. Эйгеном понятия отбора в физико-математическую теорию устраняет такое допущение. Как известно, Е. Вигнер высказал тезис о том, что из квантовой механики якобы следует, что не может возникнуть даже самая примитивная форма жизни⁴. В своих рассуждениях он исходит из допущения, что состояние "живого существа", а также состояния веществ, которыми оно питается, и состояние продуктов его метаболизма могут быть описаны квантовомеханически, т.е. векторами в гильбертовом пространстве. Процесс воспроизведения (взаимодействие организма с питательной средой, приводящее к редупликации организма) в таком случае описывается преобразованием, в которое входит унитарная "матрица столкновения". Если предположить, что это — случайная матрица (а Е. Вигнер так и делает), то и выходит, как показывает М. Эйген, что возникновение живого невозможно. Однако реально ведь жизнь существует. Чтобы это объяснить, к квантовому формализму, по Вигнеру, необходимо добавить термины, обозначающие некое "духовное начало". Это явно виталистический вывод. В дальнейшем будет показано, что такой вывод неизбежен, если игнорируется роль человека в научном эксперименте, на котором основывается объективное содержание идеализаций научной картины мира, т.е. если некритически исходят из галилеевской познавательной позиции. М. Эйген уточняет, что из квантовой механики следует только то, что порядок не может возникнуть в результате случайной сборки. На основе неклассической термодинамики М. Эйгену, однако, удастся доказать, что порядок (функциональный) может возникать из хаоса спонтанно, если для этого имеются специфические условия.

В своих последних работах И. Пригожин с сотрудниками распространил термодинамические методы на нелинейную область⁵⁻⁶. В этих работах центральную роль играет концепция

⁴ Вигнер Е. Этюды о симметрии. — М.: Мир, 1971, с. 163, см. также с. 160-169.

⁵ Гленсгофф П., Пригожин И. Термодинамическая теория структур, устойчивости и флуктуаций. — М.: Мир, 1973.

⁶ Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. — М.: Мир, 1979.

избыточного производства энтропии. Авторам удалось показать, что поддерживает порядок в естественных условиях. Тем самым был найден "заменитель" человека как поддержателя порядка в эксперименте и в технике.

Благодаря в первую очередь работам И. Пригожина и его сотрудников исследователь занимает теперь новую, "негалилеевскую" познавательную позицию⁷, с которой исследуются не идеализированные, обратимые процессы, а необратимые, естественные, "исторические" процессы.

Физико-математическому подходу свойственно рассмотрение обратимых процессов. Последние описываются без непосредственного введения направления времени. Но через операции измерения направление времени начинает входить в физический способ описания системы, несмотря на то, что большинство физиков, опасаясь трудностей, связанных с описанием необратимых процессов, по-прежнему пытается избегать этого (с помощью дополнительности методов описания). Однако измерения таких процессов, как абсорбция, столкновение, разложение не могут быть сведены на мгновенные и обратимые измерения, они длятся во времени и имеют ориентацию во времени.

Уже квантовая механика установила несовместимость необратимости процессов с динамическим описанием. Для типов систем, описываемых квантовой механикой, существует несоответствие между формой описания физической системы и способом измерения численных данных, которые описывают систему. Если форма описания системы обратима, то процесс регистрации существенно необратим.

И. Пригожин, его сотрудники и последователи моделируют естественные явления. Математические модели они используют не для количественного расчета, а для качественного описания. Наиболее удобными математическими методами при анализе образования упорядоченных структур в биологических приложениях И. Пригожин считает теорию бифуркаций и теорию катастроф (эти теории соответствуют двум различным способам обобщения работы А. Пуанкаре, который положил основу качественной теории нелинейных дифференциальных уравнений). Однако в теории катастроф не учитывается спонтанность возникновения структур. Она также не пригодна для описания системы в силь-

⁷ Prigogine, I., Stengers, I. The New Alliance. - Scientia, 1977, Vol. 112, No. 5-8, p. 319-332 (Part 1); No. 9-12, p. 643-653 (Part 2).

но неравновесных условиях⁸. Поэтому для описания явлений самоорганизации наиболее пригодной И. Пригожин с соавторами, а также их последователи считают теорию бифуркаций. При моделировании сильно неравновесных явлений имеют дело с бифуркациями* решения. Через вторичные бифуркации И. Пригожин ввел в физику и химию, как он сам пишет, "в известном смысле, "историю"⁹. Последняя означает, что интерпретация состояния системы включает в себя знание предшествующей истории системы, которая прошла через две бифуркационные точки. Дело в том, что спонтанное возникновение прогрессирующе сложных структур в эволюционирующей системе (в виде последовательных неустойчивостей) возможно только благодаря бифуркациям второго и более высокого порядка¹⁰.

В классической и квантовой механике непосредственно не введено направление времени. Г. Николис и И. Пригожин пишут по этому поводу: "... стандартная формулировка динамики, даже обобщенная должным образом, не делает различия между прошлым и будущим"¹¹. Уравнения классической и квантовой механики по своей сути обратимы во времени. Это следует из Lt - инвариантности (L - оператор Лапласа, t - время)¹². Как говорит И. Пригожин в своей статье, написанной по поводу вручения ему Нобелевской премии¹³, развитие его теории уже позволяет различать разные уровни времени: время, ассоциирующееся с классической или квантовой динамикой; время, ассоциирующееся с необратимостью через функцию Ляпунова (функциями Ляпунова являются термодинамические функция состояния; энтропия для изолированной системы, свободная энергия, термодинамический потенциал при других условиях существ-

⁸ Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах, с. 85.

* В принципе, бифуркация есть просто появление нового решения в уравнениях динамики при достижении характеризующими их параметрами некоторого "критического" значения.

⁹ Prigogine, I. Time, Structure and Fluctuations. - Science, 1978, Vol. 201, No. 4358, p. 781.

¹⁰ Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах, с. 130-131.

¹¹ Там же, с. 9.

¹² Prigogine, I. Time, Structure and Fluctuations. - Science, 1978, Vol. 201, No. 4358, p. 783.

¹³ Там же, с. 785.

вованья системы и др.); время, ассоциирующееся с "историей" через бифуркации. Остановимся на проблеме времени несколько подробнее*.

На вопрос "что такое необратимость?" даже А. Эйнштейн, как указывает И. Пригожин, отвечал, что необратимость — это иллюзия, субъективное впечатление, происходящее из исключительных начальных условий. Между тем никто не внес большой вклад в статистическую теорию материальных систем и особенно в теорию флуктуаций, как А. Эйнштейн. А. Эйнштейн считал, что действия человека кажутся свободными, поскольку мы не знаем их истинных причин. И. Пригожин придерживается иного мнения. Он уже не связывает представления о свободном творчестве человека с незнанием.

И. Пригожин различает три класса методов описания изменения: макроскопические методы, разрешающие вопросы эволюции средних значений наблюдаемых переменных, такие как закон Фурье, химическая кинетика и др.; стохастические методы, такие как марковские цепи; классическая или квантовая механика. Благодаря работам пригожинской школы сейчас ясно, что макроскопическое описание не может иметь унифицированный характер. Если в классических проблемах в линейной математике для данных граничных условий существовало только одно-единственное решение, то теперь известно много примеров, в которых одним и тем же граничным условиям соответствует несколько решений. Это означает, что в таких системах происходят последовательные бифуркации, приводящие к различным пространственно-временным структурам. Отсюда вытекает, что макроскопическое описание одно не может обеспечить последовательное описание временной эволюции. Макроскопические уравнения не дают информации о том, что происходит в точках бифуркации. Поэтому необходимо обратиться к стохастической теории, к такой как марковские цепи. Но и тут возникают некоторые особенности. И. Пригожиным и его сотрудниками выявлено, что существует скрытая связь между флуктуациями и бифуркациями. Оказывается, что вблизи бифуркации уже не действует закон больших чисел, требующий исчезновения всех невероятных состояний, так как единственно предсказуемым со стороны классической

* Далее используем одну из последних работ И. Пригожина: Prigogine, I. From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences. — San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1980, p. 201-215.

физики является состояние равновесия, в котором дальнейшая макроскопическая активность невозможна. Связь между макроскопическими или стохастическими методами и динамическими методами, как отмечает И. Пригожин, все еще остается сложной проблемой. Кроме своей точки зрения И. Пригожин приводит еще две. Первая из них принадлежит Артуру Эддингтону. Он ввел различие между "первичными законами", контролирующими поведение единичных частиц, и вторичными законами, такими как принцип приращения энтропии, которые могли бы применяться только в отношении коллекций атомов или молекул. А. Эддингтон считал, что реконструкция схемы физики, которую называет квантовая теория, может привести к тому, что вторичные законы станут базисными, а первичные законы, как ненужные, будут отброшены. Однако А. Эддингтон недооценивал концепцию неустойчивости. Уже А. Пуанкаре, как указывает И. Пригожин, предвидел значение необратимости в том смысле, что структура уравнений движения с "беспорядочностью" на микроскопическом уровне проявляется как необратимость на макроскопическом уровне. Все же А. Пуанкаре кроме статистического описания природы доверял еще и базисному однозначному описанию. И. Пригожин же стоит на точке зрения, согласно которой однозначное описание природы непригодно ни на микроскопическом, ни на макроскопическом уровне. С классической точки зрения необратимость происходит из ошибок или из дополнительных приближений, добавляемых в классической или квантовой механике. Идея И. Пригожина состоит в том, что макроскопическую энтропию (или функцию Ляпунова) можно ассоциировать с микроскопическим оператором энтропии. В классической механике считалось, что поддающееся наблюдению является функцией корреляций и моментов. Этот новый шаг, как отмечает И. Пригожин, был подготовлен еще введением оператора Лиувилля в классическую и квантовую теорию ансамбля. Теория ансамбля рассматривалась как "приближение", в котором "базисная" теория выражалась в терминах траекторий или волновых функций. Введение оператора энтропии означает, что базисное описание ведется в терминах пучков траекторий или функций распределения (описание не может быть сведено к терминам отдельных траекторий или волновых функций). И. Пригожин идет даже дальше. Он и время рассматривает как оператор. В основе такого рассмотрения лежит идея, согласно которой данное начальное распределение может в общем смысле быть разложено на члены, имеющие различные "возрасты" и эволюциониру-

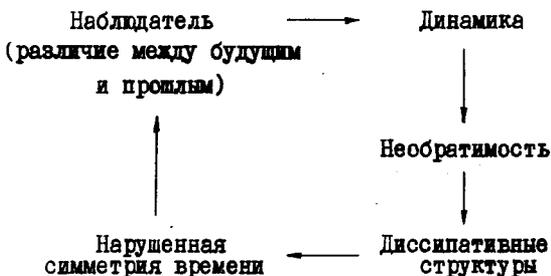
щие по-разному.

Классическая динамика позволяет понять некоторые простые ситуации, которые обратимы во времени. Для классической физики непонятны два типа явлений: во-первых, макроскопическая активность системы, включающая в себя спонтанную и когерентную организацию ее компонентов и, во-вторых, необратимость некоторых физических превращений. Она может объяснить только один тип макроскопической активности: процесс исчезновения всей макроскопической активности, необратимую эволюцию системы в направлении состояния равновесия, определенного как наиболее вероятное при данных условиях. Однако допущенная классической динамикой обратимость исчезает, когда рассматриваются химические процессы (не говоря уже о биологических). Кроме того, элемент необратимости содержится и в процессах измерения, удлиняющих чувственные восприятия человека. Если считать фундаментальной классическую динамику, то новые формулировки законов природы можно получить только посредством введения дополнительных предположений. Если же рассматривать необратимость как базисный элемент описания физического мира, то такие дополнительные допущения не требуются.

В классической физике считалось, что будущее детерминировано настоящим и, следовательно, если тщательно изучать настоящее, то можно предвидеть будущее. В свете сегодняшнего понимания ограничений измерительных процессов классическая точка зрения, как выражается и И. Пригожин, оказывается просто мифом. Уже квантовая механика начала учитывать роль наблюдателя. Однако и она абстрагировалась от необратимых процессов. Пригожинский же подход учитывает как ограниченность наблюдения, так и свойственную природе необратимость времени. Классическая и квантовая механика — это теории, описывающие закрытый мир, мир, в котором все дано. Теория И. Пригожина и его соавторов описывает мир, открытый флуктуациям, инновациям.

Таким образом, новая познавательная позиция отличается не только от классической, в обычном смысле этого слова, но и от той, в которой учтены "гносеологические уроки" квантовой механики в интерпретации Н. Бора. Сущность этой новой ситуации в познании можно пояснить на основе схемы, которую в уже указанной работе¹⁴ привел сам И. Пригожин:

¹⁴ Prigogine, I. From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences, p. 213.

В этой схеме исходят из наблюдателя, из живого организма, который осуществляет различие между будущим и прошлым, и заканчивают диссипативными структурами^ж, которые содержат в себе "историческое измерение". Исследователь может теперь понять себя как разновидность развитой формы диссипативной структуры и объяснить различие между будущим и прошлым, что было введено вначале. С этой точки зрения теряет смысл говорить о фундаментальном уровне описания. Описание когерентных структур, как отмечает И. Пригожин, не менее "фундаментально", чем описание поведения простых динамических систем. Переход с одного уровня описания на другое, по Пригожину, включает в себя "нарушение симметрии"; существование необратимых процессов на микроскопическом уровне, описываемых через кинетические уравнения, нарушает симметрию канонических уравнений, а диссипативные структуры могут в свою очередь нарушать симметрии пространства-времени.

Из этой новой познавательной ситуации и исходит все синергетические теории. Из нее исходит и Г.Хакен¹⁵. В случае классической термодинамики требуется допущение существования в экспериментальных ситуациях и в технике человека, а в естественных условиях какого-то внешнего агента, "отнимающего" энергию системы, для того чтобы возникал порядок. Синергетика же не предполагает ни человека (в научном эксперименте или в технике), ни существования какого-либо внешнего агента

^ж Диссипативные структуры в отличие от равновесных структур возникают и существуют лишь за счет достаточно мощных потоков энергии и вещества.

¹⁵ Хакен Г. Синергетика. - М.: Мир, 1980.

(в естественных условиях) в качестве организатора порядка.

Итак, то новое, что осуществили И. Пригожин, М. Эйген и Г. Хакен с сотрудниками, заключается в том, что они освободили точную науку от допущения существования неких "запасов невооруженности", что равносильно допущению существования неких внешних агентов, которые непрерывно восстанавливают начальные условия системы, оценивают информацию, поддерживают и организуют порядок.

Остановимся вкратце на философско-логической стороне проблемы.

Традиционно объективные процессы познавались человеком через полезную для себя машинную технику. Создание и использование этой техники можно разделить на субъективную (человеческую) и объективную (внечеловеческую) стороны. В категориальном плане на субъективной стороне остаются категории "возможность" (объективные возможности выявлены деятельностью человека), "ценность" (говорить о ценности, полезности имеет смысл только в отношении человека), "случайность" (человеческое начало кажется с внечеловеческой стороны случайным), "внешнее" (детерминирующие факторы, ограничивающие степени свободы компонентов объективного процесса, происходят извне - от субъекта). На стороне объективного процесса остаются "причина" (объективные силы, приложимые к механическим и термодинамическим системам, из которых создается машинная техника), "следствие" (эффект, вызываемый объективной силой - соответствующей причиной), "необходимость" (эффект, вызванный объективной силой, происходит безусловно: связь между причиной и следствием носит необходимый характер). При создании машинной техники из механических систем человек никак не замечает признаков сопротивления со стороны систем. При конструировании этой техники (например, тепловых двигателей) на основе внесения запланированных изменений в замкнутые термодинамические системы он уже подмечает некую неподатливость (принцип Ле-Шателье). Но все же в таких системах человеку удается осуществлять свои цели. Когда он пытается подчинить своим целям открытые термодинамические системы, то оказывается, что последние уже частично не контролируются извне. Здесь человек вторгся в сферу эволюционных, естественнo-исторических процессов, которые конструируемы и реализуемы в технике лишь частично, локально и относительно. А системы, находящиеся за некоторым критическим значением удаленности от термодинамического равновесия, уже совершенно не подчиня-

ются внешним принуждениям, наоборот, они подчиняют себе всякие внешние принуждения. Это уже не термодинамические, а в истинном смысле самоорганизующиеся системы. В них уже обнаруживается созидательный элемент, который с чисто объективной (внечеловеческой) стороны может быть представлен лишь как некая "случайность" (вспомним, однако, в этой связи вывод Вигнера). Здесь человек вторгся уже в сферу самоорганизующихся процессов, которые в принципе не конструируемы и не реализуемы в технике.

На изучение таких объектов претендует и синергетический метод Г.Хакена.

Г. Хакен интересовался главным образом уже той областью существования материальных систем, в которых термодинамические условия вынуждают систему изменить свой тип функционирования. Другими словами, используя математическую терминологию, Г. Хакена интересовал вопрос: что происходит в точке неустойчивости. В духе его подхода моделировал химические реакции и И. Пригожин со своими сотрудниками. Однако Г.Хакен в нескольких отношениях вышел за рамки пригожинского подхода. Ему удалось определить, что происходит в состоянии неустойчивости и какие структуры при этом возникают. Г. Хакен впервые в математическом естествознании сформулировал понятие "организация", противопоставляя его понятию "самоорганизация", которое он также определил в строгих математических терминах¹⁶.

Попытаемся выяснить, какие категории вошли в основу хакеновских концепций организации и самоорганизации, а заодно и философски осмыслить понятия организации и самоорганизации. Ограничиваясь только математическими формулами, невозможно, конечно, это сделать. Необходимо философское рассмотрение исходных положений выведения математических уравнений.

Если основное уравнение динамики выражает необходимую связь между силой и ускорением, то Г. Хакен исходит из того, что вместо силы и ускорения можно представить соответственно упорядочивающие причины и последующие упорядоченные действия. Исходные положения формализация этих причин и следствий становятся ясными на основе примеров, которые приводит сам Г. Хакен¹⁷. Сперва о примерах, относящихся к организации.

¹⁶ Хакен Г. Синергетика, с. 226-237.

¹⁷ Там же, с. 226-227.

Первый пример Г. Хакен приводит из обыденной жизни. Он рассматривает группу рабочих, в которой в результате указаний извне, например от руководителя, возникает согласованное действие, приводящее к созданию определенного продукта. В этом примере причиной последующих упорядоченных действий рабочих Г. Хакен называет указания руководителя. Для Г. Хакена, как представителя точной науки, важны именно указания, а не сам руководитель. Почему? А потому, что математической формализации поддаются в данном случае лишь указания руководителя как причина и последующие действия рабочих как следствие (эффект). Другой пример Г. Хакен взял из механики: с помощью подъемника лыжники поднимаются вверх по склону холма. Причиной Г. Хакен называет здесь силы, действующие на лыжников, а следствием — движение лыжников. То, что подъемник создан человеком, для Г. Хакена по вышеуказанным соображениям интереса, конечно, не представляет. Ведь человек в математическую формулу не "укладывается". Третий пример Г. Хакен взял из химии: ряд сосудов, в которые постоянно поступают растворы различных химикатов. Причиной здесь Г. Хакен называет поступающие химикаты, а следствием — выход новых химических веществ. То, что в реальной экспериментальной ситуации химикаты поступают к сосудам благодаря химикату, для Г. Хакена в данном случае также не важно. Легко заметить, что в основе концепции организации у Г. Хакена лежит, наряду с категориями "причина", "следствие", "необходимость", категория "внешнее", поскольку в рассмотренных рассуждениях детерминанты процесса были введены извне. Именно категория "внешнее" является исходной при последовательном математическом выведении понятия "организация". Так обстоит дело на конкретно-научном уровне. С философской точки зрения можно еще раз констатировать, что истинной упорядочивающей причиной во всех приведенных примерах был сам человек.

Может быть все-таки можно привести и такие примеры, в которых в качестве внешней упорядочивающей причины выступает какой-то природный агент? Генетический код, например, на первый взгляд кажется чем-то внешним. Да, действительно, он и является внешним, но внешним в отношении чего? В отношении данного биологического индивида. Но не в отношении всей живой природы. Так что истинные причины возникновения генетического кода внутрисистемные. Конечно, в случае генетического кода эти причины следует искать не внутри индивида и даже не внутри популяции, а во всей системе живого. Именно

живого, а не неживого. Ведь здесь имеем дело не с линейной цепью событий, а с замкнутыми циклами. Ну, а в конечном счете в природе нет ничего внешнего. И человек подчиняется внутрисистемным закономерностям, или, выражаясь словами В.П. Кузьмина¹⁸, интегративным качествам общественного целого.

Таким образом, давая строгое математическое определение понятия организации, Г. Хакен как ученый-физик учитывает лишь ту часть роли человека-организатора, которая поддается математической формализации при помощи строго детерминистских уравнений. Случайность, на которой, в известном смысле, основываются все творческие процессы, остается на стороне человека.

Перейдем к рассмотрению понятия самоорганизации. При математическом определении этого понятия Г. Хакен исходит из того обстоятельства, что, например, в случае группы рабочих согласованное поведение, при котором каждый рабочий выполняет свою функцию и которое приводит к созданию определенного продукта, может возникать и благодаря взаимопониманию, устанавливающемуся между самими рабочими, т.е. благодаря внутрисистемным закономерностям. Выведение математических формул при определении понятия самоорганизации Г. Хакен начинает с того, что включает внешние силы как части полной системы. Тем самым внешнее превращается во внутреннее. В данном случае уже нет возможности ограничиться детерминистскими уравнениями, так как придется учитывать и случайность, которая охватывается вследствие перехода от локальной системы к полной. Внешние силы теперь рассматриваются не как заданные величины, как в случае определения понятия организации, а как переменные, "подчиняющиеся" уравнениям движения. Систем, с которыми в данном случае имеет дело, состоят из огромного числа взаимодействующих субъединиц (например, атомов в лазере, молекул в жидкости, клеток в организме, нейронов в мозге). Г. Хакен рассматривает эти системы как состоящие из взаимодействующих подсистем, каждая из которых связана с резервуаром. Знание о состояниях резервуаров ограничено, так как резервуары имеют много степеней свободы. В физике резервуары рассматриваются с помощью термодинамики или статисти-

¹⁸ Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. - М.: Политиздат, 1980, с. 81.

ческой физики, в других случаях - с помощью теории информации. После исключения резервуарных переменных согласно подходу Г. Хакена определяются параметры порядка. Параметрами порядка в общем случае называются величины, если они "подчиняют" себе другие подсистемы. Оказывается, что поведение всей системы определяется поведением небольшого числа этих параметров. Уравнения для параметров порядка допускают возможность появления бифуркации, вследствие которой система может перейти в другое устойчивое упорядоченное состояние. Каждое такое состояние вполне определяется поведением параметров порядка.

Итак, философское рассмотрение метода Г.Хакена показывает, что под внешними причинами в нем подразумеваются различного рода ограничения, установленные для своих целей человеком. В данном случае введение понятия "организация" имеет смысл, так как это понятие противопоставляется понятию "самоорганизация", которое уже не предполагает никакого внешнего агента. Понятие "организация" используется для выражения возникновения согласованного поведения в системе в случае, если согласованность детерминируется внешними упорядочивающими воздействиями. Понятие же "самоорганизация" выражает возникновение внутренней согласованности в открытых макроскопических системах при отсутствии внешних упорядочивающих воздействий.

Наша точка зрения такова*. Понятия организации и самоорганизации имеют два неразрывно связанных друг с другом значения - значение акта или процесса и значение результата. Результат в обоих случаях обозначается одним и тем же термином "организация". Таким же словом именуется акт или процесс организации, осуществляемый сознательными целенаправленными действиями человека (общества). Для обозначения объективного (не зависящего от сознания) акта или процесса организации используется термин "самоорганизация". Таким образом, кратко понятия организации и самоорганизации можно определить так. "Организация" - это понятие для обозначения процесса, приводящего к возникновению целесообразных структур вследствие сознательных действий человека (общества). "Самоорганизация" - это понятие для обозначения процесса, приводящего к воз-

* Впервые мы изложили свою точку зрения в статье: Няпинен Л.Я. О значении терминов "организация" и "самоорганизация" в современной научной и философской литературе. - Учен. зап. Тартуский гос. ун-т, вып. 630. Тарту, 1983, с. 84-104.

нижневенно целесообразных структур вследствие внутрисистемных совокупных закономерностей.

Итак, основной вывод, к которому мы пришли в данной статье, заключается в том, что синергетическое направление впервые в точном естествознании явным образом учитывает историю систем и их самоорганизацию, являясь, благодаря этому в полном смысле слова "неклассическим" направлением в точных науках, ибо "классические" точные науки, включая и квантовую механику, опирались на идеализацию обратимости фундаментальных объективных процессов.

БИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.В. Лойт

В широкой и разносторонней методологической и философской проблематике развития современной биологии одним из центральных является вопрос научного статуса биологического познания и знания. Ключевой при этом можно считать проблему теоретического статуса биологического знания и путей его дальнейшего развития. Проблема теории представляет собой своего рода точку сосредоточения внутренних конфликтов в развитии современной биологии между различными подходами, методами, теоретическими построениями, методологическими установками, тенденциями развития, в том числе между дифференциацией и интеграцией исследовательской работы и знания.

Глубокие гносеологические корни возникновения этой проблемы перед современной биологией скрываются в противоречиях происходящей в ней "новейшей" революции. В данном случае основной является противоречивая познавательная ситуация, которая сложилась в результате того, что эта революция началась и разворачивается до сих пор главным образом на эмпирическом уровне исследования живого на основе широкого применения в биологии в общем-то новых для нее методов исследования из арсенала физико-химических и математических наук, кибернетики и т.д., применение которых осуществляется, однако, главным образом "в кредит", в порядке "методологической экспансии", без достаточного теоретико-концептуального и методологического обоснования. В результате этого биология попала в парадоксальную ситуацию: с одной стороны, несомненные достижения, которые дают основание говорить о превращении биологии в "торжествующую науку" и даже о выдвигении ее на место лидера современного естествознания; с другой стороны, оценка биологии в аспекте состояния ее теоретико-концептуальной организации и методологической оснащенности как науки на эмбриональной стадии развития, которой еще предстоит совершить свою "коперниковскую революцию" и "превратить тем самым биологию из описания форм и процессов в организмах в

точную науку", как писал уже в 1949 г. Л. Берталанфи¹. На этой почве созревало и крепло отмеченное в свое время Б.Л. Токиным мнение о том, что биологии необходимы новые, революционизирующие теории, новые биологические понятия и обобщения². С тех пор положение в биологии в этом отношении по сути дела не изменилось. В методологическом сознании (как в самой биологии, так и вне ее) главенствует оценка общей ситуации в развитии биологической науки как переходной стадии от описательной "естественной истории" к точной, теоретически зрелой науке в истинном смысле слова.

Отмеченная противоречивая ситуация служит общим познавательным источником интенсивного "теоретического движения" в современной биологии, конечной целью которого является создание подлинно теоретической биологии. По сути заложенной здесь идеи, создание таковой должно совершить революцию в теоретическом мире и методологической системе биологии соответственно ее эмпирически существующему современному состоянию и тем самым вывести биологию из той проблемной ситуации со всеми свойственными ей трудностями, в которую познание живого попало на своем пути развития. Однако пока приходится констатировать отсутствие сколько-нибудь серьезных сдвигов в этом направлении. Различные попытки теоретизации биологического знания, в основном базирующиеся на применении законов физики, принципов кибернетики или системных исследований³, несмотря на их несомненный конструктивный вклад в описание и объяснение живых систем и многих важных жизненных явлений, механизмов и т.п., по существу все же являются применением уже готовых физико-химических, кибернетических и т.д. теоретических схем в биологии, представляя собой физико-химическую, математическую, кибернетическую интерпретацию жизненных явлений. Они не устранили вышеуказанной проблемной си-

¹ Bertalanffy L. von. Problems of Life. - In: An Evaluation on Modern Biological Thought. London, 1952, p. 21-22.

² Токин Б.Л. Теоретическая биология и творчество Э.С. Бауэра. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1965, с. 32.

³ О различных формах теоретизации, развиваемых в общем потоке современного "теоретического движения" в биологии, см., напр.: Алешин А.И. О типологии теоретических исследований в современной биологии (логико-методологический аспект). - В кн.: Биология и современное научное познание. М., 1980, с. 76-88.

туации в современной биологии, но во многих аспектах даже обострили ее. Вопрос о том, насколько внесенные в биологическое знание на этой основе нововведения и дополнения изменили в принципиальном смысле существующую научную биологическую картину мира в отношении происхождения, функционирования и развития живого (что дало бы основание действительно говорить о революции в биологии, а не только о быстром развитии некоторых ее отраслей) остается открытым.

В такой ситуации трудности могут исходить как из объекта, в данном случае из особенностей и состояния самой биологии, так и из неадекватности методов, т.е. связаны с применяемыми способами теоретической и методологической обработки и организации биологического знания. Анализ современного "теоретического движения" в биологии в последнем аспекте стал настоятельной потребностью, тем более что проблемная ситуация в этой области биологии совпадает с критической переоценкой в современной философии науки многих господствующих до сих пор теоретико-познавательных стандартов по отношению к научной теории и научности вообще, играющих роль логико-методологических регулятивов для большинства выдвинутых программ теоретизации биологического знания.

Возникновение проблемы методов и путей теоретизации знания в современной биологии указывает на неразрывность онтологических и гносеологических аспектов биологического познания, на необходимость раскрытия субъективной диалектики биологического познания наряду с объективной диалектикой объекта биологического исследования. Представляется, что в этом очень важное место занимает выявление общепознавательных предпосылок и целеустановок, из которых имплицитно или более или менее эксплицитно исходят те или иные программы теоретического построения и дальнейшего развития биологии. Это необходимо для того, чтобы разобраться вообще в условиях мыслимости самой постановки и реализации выдвинутых задач посредством применяемых методов как в принципе, так и при нынешнем состоянии биологического знания.

Одной из главных общепознавательных целеустановок теоретической работы в биологии служит синтез, интеграция современного научного знания о живом. Устремление к единству само по себе является закономерной реакцией, порожденной состоянием сильной расчлененности современного биологического познания и знания вследствие интенсивных процессов дифференциации и специализации исследований живого. "Новейшая" рево-

люция пока еще усиливала эти процессы в развитии биологии. Для современной науки о жизни характерно не только наличие различного типа эмпирического материала, но и различных в теоретико-познавательном отношении теоретических построений и методологических подходов, ведущее порою к взаимному антагонизму. Поэтому проблема единства выступает перед современным биологическим познанием не только как задача синтеза фактов, но и как задача методологического и теоретического синтеза (синтеза теорий). Несмотря на разногласия относительно предмета и содержания теоретической биологии, все выдвинутые программы ее построения сходятся в том, что подлинно теоретическая биология должна представлять собой такую общую, генеральную теорию жизни, которая даст целостное объяснение живого во всех сущностных аспектах и объединит все специализированные теоретические построения в единую систему биологического знания.

При реализации поставленной задачи доминирующие направления современного "теоретического движения" исходит из определенной теоретико-познавательной платформы. Основными элементами последней являются 1) принятие дедуктивной (аксиоматической) теории, в большинстве случаев в т.н. гипотетико-дедуктивном варианте в качестве истинной формы теоретической организации научного знания; 2) трактовка единства науки как онтологической и логико-методологической однородности научно-теоретической реконструкции объекта исследования на основе применения единого языка для его описания и объяснения; 3) обеспечение перехода биологии к стадии точной и теоретически зрелой науки путем замены или постепенной трансформации традиционных, преимущественно описательных теорий в строгие дедуктивные построения. Анализ различных программ теоретизации биологического знания обнаружил не только ряд уязвимых мест в аспекте избранных конкретных средств и путей (например, в случаях построения теории жизненных явлений на базе языка физики или системных наук), но и проблематичность самих вышеуказанных теоретико-познавательных предпосылок⁴.

⁴ См., напр.: Депенчук Н.П. Материалистическая диалектика и методы биологического исследования. Киев, 1973; Алевшин А.И. 1) Методологические проблемы теоретического исследования в биологии. Горький, 1973; 2) Проблема "физического языка" в биологии. - В кн.: Взаимодействие методов естественных наук в познании жизни. М., 1976; Лойт Т.В. Теоретическая биология как метатеория биологической науки. - Вопросы философии, 1974, № 6, с. 83-89.

В контексте рассматриваемого вопроса особенно существенна, видимо, проблематичность интеграции биологического знания путем построения теоретической биологии в качестве логически единой всеохватывающей дедуктивной теории жизненных явлений. Традиционно задача создания общей теории, объединяющей различные области научного знания, действительно решалась путем построения все более фундаментальных теорий в обычном смысле слова для различных классов реально существующих явлений. Однако, во-первых, для современной науки характерным можно считать решение этой задачи путем построения метатеорий. Обобщение и обоснование математического и логического знания пошло в наш век по этому пути. Попытки создать для физики единую универсальную фундаментальную теорию в специфически теоретической форме также не дали положительных результатов⁵. Опыт развития физики убеждает в том, что постижение реальности на все более глубоких уровнях организации материи ввиду предметной мультиструктурности объектов исследования, а также гносеологической специфики самой теоретической работы, связанной с процессами идеализации и абстрагирования, предполагает объективно необходимую множественность теоретических структур. Поэтому ныне в интеграции физического знания на первый план также выдвигается метатеоретическая сторона дела в виде законов и принципов, имеющих характер методологических регулятивов и связывающих относительно самостоятельные теории между собой, образуя таким образом суперструктуру интертеоретических отношений физического знания.

Во-вторых, анализ биологического познания обнаруживает, что существование в биологии теоретико-концептуальных структур, неразрывно связанных с эмпирическим материалом, неправомерно оценивать как принципиальную недоразвитость биологии. А.И. Алешин обоснованно подчеркивает, что и прогресс в области современных теоретических исследований жизненных явлений в значительной мере покоится именно на кооперировании описательной и гипотетико-дедуктивной теории⁶. Представляет-

⁵ См., напр.: Овчинников Н.Ф. Особенности развития и тенденции к единству научного знания. - В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974, с. 72-111; Крамова В.Д. Об объективных основаниях принципа единства физических знаний. - В кн.: Диалектический материализм и естественно-научная картина мира./Отв. ред. П.С. Дышлевый. Киев, 1976, с. 248-276.

⁶ Алешин А.И. О типологии теоретических исследований в современной биологии (логико-методологический аспект). - В кн.: Биология и современное научное познание. М., 1980, с. 85, 88.

ся, что такое "сложение" в биологическом познании различных в теоретико-познавательном отношении структур имеет принципиальный характер. Обусловлено это, во-первых, тем обстоятельством, что специфика движения живой материи определяется не только особенностями общей сущности живого, но и организацией его реального бытия - индивидов, т.е. индивидуальными свойствами. Реально живое существует в виде жизнедеятельности индивидов. Реальным носителем всех жизненных явлений, отношений, процессов, систем и т.д. является индивидуальная жизнь. Данная специфика свойственна всем аспектам живого. Например, такое специфическое для живой материи явление (свойство), как эволюция реально также протекает "... не сверху, как это долго казалось биологам, а снизу - от конкретных индивидов, образующих популяцию"⁷. Поэтому в случае биологической жизни не только исходным пунктом исследования, но и объектом практического отношения является реальный индивид. Отсюда, во-вторых, вытекает, что в биологии отношение познавательного и конструктивного аспектов науки имеет принципиально иной характер, чем, например, в физике и химии. Конструктивная сторона последних реализуется в основном в технике и технологии и создаваемом ими предметном мире. Конструктивная сторона биологии, однако, направлена на сохранение, улучшение и развитие того же самого живого, живых существ, в виде которых жизнь реально для нас вообще существует. Конструктивная сторона биологии таким образом направлена обратно на те же самые объекты в их собственной форме, какими они являются исходным пунктом исследования. Тем самым конструктивная деятельность в области биологической жизни оказывается, по сути дела, реконструктивной, определяемой структурно-функциональными параметрами индивидов. Вследствие индивидуальной целостности, многообразия и неповторимости биология с объективной необходимостью погружена в эту эмпирию реального бытия живого. Видимо, "кооперацию" различных подходов, методов, теоретических структур и т.п. следует считать нормальным условием и в то же время формой духовного освоения живого научным познанием вообще, биологической теорией в частности. Такой, по образному выражению Р. Фейнмана, "вавилонский путь" развития⁸ содержит в себе также

⁷ Тимофеев-Ресовский Н.В., Глотов Н.В. Генетика, наука и производство. М., 1969, с. 59.

⁸ Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1968, с. 55, 207, 230-231.

больше эвристических возможностей для теоретической работы. В этой перспективе интегративная функция теоретической биологии осуществлялась бы главным образом в метатеоретическом аспекте путем разработки методологического порядка понятий, принципов, законов, образующих связывающую интертеоретическую структуру разнообразного и многоуровневого биологического знания.

Принятие политеоретичности в качестве принципиальной особенности биологии открывает, по нашему мнению, перспективную возможность для раскрытия сущности происходящих в современной биологии революционных процессов. Относительно современной революции в биологии образовалась настоящая проблемная ситуация. С одной стороны, несомненные качественные трансформации в области исследования живого и биологического знания, в силу которых обстоятельство, что биология переживает свою "новейшую" революцию, считаются ныне установленным фактом. С другой стороны, наличие существенно различных, нередко противоречивых мнений в отношении сущности этой революции, ее определяющих критериев и связи с предыдущим развитием биологической науки, в том числе такими основополагающими историко-логическими событиями, как появление теории Ч. Дарвина и становление эволюционной биологии. Подобная ситуация обусловлена многими обстоятельствами. Самыми существенными среди них следует считать, во-первых, что революция в современной биологии еще далеко не завершена. (Более того и сейчас можно сказать, что она не достигла даже своей кульминации.) Поэтому всестороннее осмысление ее содержания и сущности во многом еще дело будущего. Во-вторых, ни современная история науки, ни методология науки, науковедение вообще, не могли пока разработать удовлетворительной единой концепции научных революций вообще. Правда, советскими исследователями проделана в этой области значительная работа, но и здесь авторы придерживаются весьма различных точек зрения даже на важнейшие, сущностные признаки научной революции⁹. Что касается высказываний в отношении революции в современной биологии, то ко всему этому добавляется еще во многих случаях обнаруживающееся незнание или непонимание разработанных до сих пор биологией понятий, принципов, концепций и теорий.

⁹ См. напр.: Акимов Р.А., Илларионов С.В. Научные революции и философская мысль. - Философские науки, 1979, № 1, с. 131-134.

В то же время следует отметить, что образовался некоторый стандарт критериев, обязательный почти для каждого определения научной революции. Однако этот бытующий в современной философии и истории науки стандарт в отношении существа научных революций может считаться абстрактно-универсальным, так как в нем элиминированы специфические особенности революционных преобразований в той или иной науке на различных этапах их развития. Безоговорочное применение таких абстрактных схем и моделей без изучения проблемы на уровне спецификации конкретной науки может вести к серьезным ошибкам.

Так, например, одним из основных элементов стандартного представления о революции в науке является утверждение, что научная революция связана с коренной ломкой господствующих старых понятий, методологических установок, фундаментальных теорий и заменой их новыми. И когда речь идет о революции в современной биологии, то в большинстве случаев считается обязательным декларировать, что как в ходе революции в других науках современная биологическая революция также сопровождается коренной ломкой старой методологической и теоретико-концептуальной системы, основных понятий, даже всей сферы теоретического мышления в биологии¹⁰. Однако следует констатировать, что это не совсем так. Революция в биологии в наше время имеет свою специфику.

Современная революция в биологии связывается прежде всего с достижениями молекулярной биологии. Переход на молекулярный уровень исследования действительно вызвал в биологии существенные парадигмальные изменения. Но эти изменения не принесли с собой ломку в системе методологических и теоретико-концептуальных основ биологической науки, ее фундаментальных понятий и теорий, создаваемой ею научной биологической реальности, если угодно, существующей биологической картины мира. Скорее наоборот¹¹. Суть современной революции в биологии в общепознавательном ракурсе заключается, видимо, 1) в резком расширении логико-методологического и теоретико-концептуального базиса биологического познания и увеличении

¹⁰ См. напр.: Каганова З.В. Проблемы философских оснований биологии. Изд-во МГУ, 1979, с. 32; Сытник К.М., Дышлевый П.С. Диалектика революций в естествознании. - Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. Вып. II. М., 1981, с. 223.

¹¹ См. напр.: Медников Б.М. Дарвиновский принцип дивергенции и молекулярная биология. - Природа, 1983, № 6, с. 70-80.

его многообразия в результате экспликации ряда существенных для познания живого принципов, подходов, модельных ситуаций, типов решения задач, форм организации знания и т.п., таких как, например, идея иерархического строения живого, принцип системности, т.н. популяционный стиль мышления и т.д. Этот процесс увеличения разнообразия биологического познания и знания (феномен политеоретичности) охватывает не только появление новых подходов, методов, нового типа знания. Многоуровневыми и разнообразными, политеоретичными стали также существующие т.н. классические отрасли биологической науки.

2) В широком внедрении в биологию схемы количественных измерений. Словом, в логико-методологической и теоретико-концептуальной системах биологии (если угодно, в ее парадигме) образовались новые "идейные" центры. Эта система стала полицентристской. Таким образом, современная революция в биологии действительно сопровождается ломкой старого и заменой его новым — ломкой одномерного, одноуровневого мышления и становлением на его место многомерного, многоуровневого, разномасштабного познания живого.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ
(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Э.Н. ЛООНЕ¹)

Р.А. Вихалемм

Методологи науки — как марксисты, так и немарксисты — обычно подчеркивают, что хотя история не является чисто идеографической дисциплиной, она в то же время и не такая теоретическая дисциплина как физика, ибо специфическая задача историка заключается не в установлении законов, а в том, чтобы реконструировать, в том числе с помощью законов, сформулированных в теоретических дисциплинах, явления прошлого (учитывая, разумеется, что "все прошлое" невозможно и не нужно воспроизводить)². При этом нам хочется поддержать ту мысль, что если речь идет о человеческой истории (в отличие от истории природы), то эта реконструкция в принципе отличается, как выражается А.Я. Гуревич, от "энтомологического" подхода: "Только реконструкция системы восприятия и переживания действительности, присущей людям изучаемой эпохи, позволяет понять их социальное поведение. Традиционная установка историографии на обнаружение преимущественно так называемых "объективных" сторон исторического процесса, якобы не зависящих от мировосприятия, воли и поведения его участников, чревато опасностью навязывания им мировосприятия и поведения современников исследователя"³.

¹ Лооне Э.Н. Философские проблемы исторической науки. — В сб.: Философские проблемы исторической науки. — Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 599. Тарту, 1982, с.3-26.

² См., напр.: Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972, с. 204; Киссель М.А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). М., 1974, с. 73-74; Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981, с. 240-247; Nagel, E. The Structure of Science. Problems in the Logic of Scientific Explanation. London, 1961, p. 547-551.

³ Гуревич А.Я. Традиционное и новое в историческом знании. — В сб.: Тезисы докладов межвузовской научной конференции "Современные проблемы философии истории" (Тарту-Кяэрику, 16-18 апреля 1979 г.). Тарту, 1979, с. 26.

Некоторые же методологи науки, которых представляет и Э. Лооне, считают, что историография, несмотря на некоторые особенности, является в принципе такого же типа наукой, как физика. Конечно, Э. Лооне и др. имеют право предполагать, что хотя историки до сих пор лишь в редких случаях работают в рамках парадигмы естественных наук, этот факт не следует связывать со спецификой истории, он свидетельствует просто о том, что историография в целом пока еще не стала зрелой наукой. В позиции этих методологов нам импонирует то, что они признают историографию наукой в той мере, в какой она способна овладеть методами точных наук. Но должна ли она обязательно стать "чистой" наукой? Мы согласны с теми философами истории, которые считают нужным преодолеть "комплекс неполноценности" историко-гуманитарных дисциплин⁴, но не потому, что историко-гуманитарные дисциплины якобы обладают статусом особых наук, для которых методология точных наук необязательна, а просто потому, что их цель и социальные функции отличаются от чисто научного познания и знания.

Э. Лооне развивает оригинальную концепцию, согласно которой специфика исторического познания заключается не в его принципиальном отличии от точного естествознания, а в том, что в историографии кроме характерных для естественных наук эмпирического и теоретического уровней познания и знания существует еще особая, предшествующая им ступень познания — реконструктивная, которая пока еще преобладает и поэтому создает неверное представление об историческом познании вообще⁵. "Историческое" развитие исторической науки, — пишет

Следует, конечно, подчеркнуть, что с марксистской точки зрения мировосприятие, воля и поведение участников исторического процесса реконструируемы объективно (только эту объективность не следует отождествлять с естественнонаучной) по "предметностям", по объективациям социальной деятельности: человеческая психология является "раскрытой книгой ... чувственно представшей перед нами" в формах и продуктах практики (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 123; Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса. — Вопросы философии, 1968, № 6).

⁴ См., напр.: Гуревич А.Я. Цит. соч., с. 25-26.

⁵ Лооне Э.Н. Об уровнях исторического знания и познания. — Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 301. Тарту, 1973; он же. Основные этапы развития структуры познания в исследовании прошлого. — Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 361. Тарту, 1975; он же. Современная философия истории. Таллин, 1980.

он, — неизбежно идет от реконструктивного знания к эмпирическому, а от эмпирического к теоретическому⁶. При этом он считает, что такое развитие историографии аналогично развитию науки вообще: реконструктивной ступени в развитии историографии соответствует предпарадигмальная стадия истории науки, а соотношению эмпирической и теоретической ступени в историографии характерно, как в науке вообще, что "некоторые индуктивные построения исторически предшествуют "вольному конструированию" объясняющих теорий"⁷, несмотря на то, что "в некотором смысле эмпирические исследования зависят от теоретических"⁸. Нам кажется, что Э. Лооне слишком оптимистичен в оценке превращения историографии в зрелую (чистую, естественнонаучного типа) науку. Вряд ли сконструированная им схема неизбежного перехода историографии от реконструктивной ступени к эмпирической, а затем к теоретической выражает закономерность развития исторического познания. Исторический "механизм" возникновения чисто научного познания имеет, на наш взгляд, другой характер. Что касается приведенной Э. Лооне аналогии с развитием науки вообще, то она кажется нам неубедительной, поскольку в современных концепциях истории и методологии точных наук не признают стадию индуктивных построений, а в предпарадигмальной стадии истории наук просто трудно усмотреть какую-то аналогию с реконструктивной стадией историографии.

На наш взгляд, в реконструктивном характере и заключается специфика и значение именно исторического познания и знания (в отличие от чисто научно-теоретического конструирования некоторых развивающихся систем). Э. Лооне однако пишет: "Реконструктивную картину жизни прошлых обществ можно создавать в виде нарратива, хотя для этого имеются и другие возможности ... А что же дальше?"

Историк не просто собиратель фактов, не просто антиквар; перед ним стоит задача как-то осмыслить бесчисленное количество деталей, собранных им и другими исследователями. И вот здесь историк оказывается на перепутье — либо он должен пойти по пути науки, к более глубокому знанию, к новым уровням знания о тех же людях, явлениях, событиях, либо он должен превратиться в художника, писателя, с той лишь разницей, что

⁶ Лооне Э.Н. Современная философия истории, с. 102.

⁷ Там же, с. 103.

⁸ Там же.

историк рассказывает подлинные истории, писатель их выдумывает..."⁹. На наш взгляд, речь может идти лишь о качестве, глубине и историчности (и тем самым - объективности и точности) реконструкции прошлого. Вопрос "А что же дальше?" у историка, именно как историка - "реконструктора" прошлого, вряд ли когда-нибудь возникнет, ибо нет никаких оснований предполагать, что в реконструкции прошлого (которая, конечно, не является просто собранием фактов, а результатом их отбора и критического осмысления) будет когда-то достигнута достаточная ("конечная") полнота и доказательность. Оценка степени полноты и доказательности исторической реконструкции зависит от культуры, представителем которой является историк. В немарксистских концепциях это утверждение, как правило, свидетельствует о субъективизме, культурном релятивизме и т.п., в марксистском же понимании оно выражает просто историческую точку зрения, которая признает, но не абсолютизирует относительную самостоятельность различных культур, рассматривая их в свете объективных условий и законов. В историческом знании, в отличие от чисто научного, бессубъектного знания, "социально-культурная включенность" историка не может расцениваться только в качестве фактора, ограничивающего его познание, - прежде всего она есть необходимое условие самого этого познания. Ибо гуманитарное знание имеет природу "диалога": культура, представителем которой является исследователь, вступает в "диалог" с культурой, служащей предметом исследования"¹⁰. Даже реконструкцию исторического факта нельзя считать никогда окончательной: факт, конечно, "не зависит от нашего знания о нем, но факт... включает в себя деятельность современного исследователя... социальное отношение..."¹¹. "Расшифровывая исторический факт, мы включаем в современную действительность фрагменты действительности прошедшей и тем самым раскрываем историзм современности. Мы сами развиваемся как культурные субъекты, т.е. субъекты, прожившие долгую историческую жизнь (100, 300, 1000 лет). Мы действуем как исторически памятливые субъекты"¹².

⁹ Лооне Э.Н. Современная философия истории, с. 96.

¹⁰ Гуревич А.Я. Цит. соч., с. 26.

¹¹ Библер В.С. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки). - В кн.: Источниковедение. Георгические и методологические проблемы. М., 1969, с. 100.

¹² Там же.

Таким образом, Э. Лооне и автор этих строк стоят на различных позициях в дискуссионном вопросе о методологическом статусе истории как области человеческого познания, а возможно, и по-разному трактуют саму историю. Следует лишь приветствовать, что на страницах серии "Труды по философии" Ученых записок ТГУ начинают появляться дискуссии между авторами этого издания¹³. Однако непосредственным поводом написания этих строк явилось то неожиданное и досадное обстоятельство, что Э. Лооне излагает в своей статье критикуемую точку зрения искаженно¹⁴.

В моих работах было показано, что утверждение Э. Лооне о том, что существуют исторические теории, "по крайней мере в принципе аналогичные тому, что мы называем теорией в естественных науках"¹⁵, является с точки зрения методологии точного естествознания проблематичным. Проблематичной является, как было подчеркнуто, уже возможность построения теоретической биологии по типу теоретической физики, не говоря о человеческой истории, атрибутом которой является целенаправляющая деятельность человека.

Э. Лооне, однако, излагает аргументы своего оппонента в совершенно другом контексте. Он подчеркивает, что "гносеологи истории делятся на противников и на сторонников познаваемости прошлого человечества. Последние в свою очередь делятся на тех, которые видят в историографии автономную форму познания, и на тех, которые включают историографию в число наук. Марксисты всегда требовали, чтобы история изучалась научно..."¹⁶, а марксистская теория формирования наряду с иными экономическими теориями в "новой экономической истории" США и др. может служить примером теории в исторической науке¹⁷. Он всячески хочет оставить читателю впечатление, что его

¹³ В этой связи см. также: Лооне Э.Н. Встреча с читателями. - Вопросы философии, 1981, № II, с. 160-162.

¹⁴ Лооне Э.Н. Философские проблемы исторической науки, с. 22-23.

¹⁵ Лооне Э.Н. Об уровнях исторического знания и познания, с. 38; Вихалемм Р.А. О проблеме научной теории в историческом познании. - В сб.: Тезисы докладов межвузовской научной конференции "Современные проблемы философии истории", с. 91.

¹⁶ Лооне Э.Н. Философские проблемы исторической науки, с. 26.

¹⁷ Там же, с. II.

концепция об истории как науке соответствует марксистскому пониманию научности исторического познания, а взгляды тех, которые считают, что историческое познание отличается от естественнонаучного типа познания, отклоняются от марксистской научной линии. С этим никак нельзя согласиться.

Весьма странным является и возражение Э. Лооне против точки зрения, согласно которой научный способ видения мира стал возможным в связи с возникновением капитализма, когда действительность приобрела "вещный" характер. Э. Лооне пишет: "В поддержку различия истории (и всего обществознания) и естественных наук иногда приводится довод, будто сущность науки - отражение независимых от человека "вещных отношений", система которых в обществе будто бы появилась вместе с капитализмом... Когда это делается уже цитируемым автором, то налицо, кажется, внутреннее противоречие в его мысли. Более же существенно то, что показал К. Маркс: производственные отношения - всегда отношения людей, а вид отношений вещей они приобретают при капитализме, но такое видоприобретение, по Марксу, - не что иное как фетишизм..."¹⁸. Таким образом, Э. Лооне хочет, по-видимому, сказать, что считать предметом науки "вещные отношения" означает не понимать одного из ключевых положений марксизма и быть в плену мистификации. Э. Лооне почему-то не замечает, что в критикуемых им работах речь идет о формировании предмета науки именно в человеческой практике, т.е. о том, что с философско-методологической точки зрения было бы наивно не видеть опосредованности изучаемой в науке (типа точного естествознания) реальности человеческой практикой. Объективная реальность непосредственно становится предметом науки в точном естествознании только через эксперимент. Экспериментальную основу имеют и идеализации, из которых исходят в теориях точного естествознания. Причем научное наблюдение является квазиэкспериментом. Последнее разъяснение в цитируемых Э. Лооне работах своего оппонента¹⁹ он игнорирует, когда пишет, что не всегда

¹⁸ Лооне Э.Н. Философские проблемы исторической науки, с. 23.

¹⁹ Вихалемм Р.А. О понятии научности и становлении научной химии. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 361. Тарту, 1975, с. 23, прим. 15; прим. на с.24. Подробнее о проблеме научной идеализации и возможности квазиэкспериментальной ситуации в историческом познании см.: Вихалемм Р.А. О проблеме внутренней и внешней истории науки (анализ взглядов И. Лакатоша и Т. Куна). - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 531. Тарту, 1981, с. 7 и сл.

естествознание, например, астрономия, основывается на эксперименте²⁰.

Что касается той части вышеприведенной цитаты, в которой Э. Лооне утверждает, что в мысли цитируемого им автора "налицо, кажется, внутреннее противоречие", то это, действительно лишь кажется так. На самом деле налицо не внутреннее противоречие в мысли, а диалектическое противоречие между объективностью и субъективностью в самом научном способе познания: именно субъектом конструируется независимый от него предмет науки, т.е. научная объективность достигается посредством специальной деятельности субъекта, направленной именно на достижение этой объективности (бессубъектности). Именно поэтому не входит в предмет науки (опять-таки, конечно, имеется в виду наука типа точного естествознания) субъективная, реальная человеческая целеполагающая деятельность. Последнюю нельзя изучать по образцу точных наук. Этой аргументации не отвергают, разумеется, доводы Э. Лооне о том, что целеполагающая деятельность моделируется в теории игр и др.²¹, ибо в этих теориях конструируются "вещные", формальные модели, в которых отсутствует, естественно, все то, что отличает человеческую целеполагающую деятельность от функционирования некоторого "вещного" механизма.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что по Марксу, теоретическое исследование истории является ее философско-научным исследованием. Специфика же такой теоретизации заключается в том, что она не является ни чисто специально-научной, ни чисто логико-философской, а именно философско-научной, при которой "философия "снята", т.е. "одновременно преодолена и сохранена", преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию"²². Это действительное содержание философии сводится к диалектике понятийно-содержательного мышления²³. "Заслугой Маркса является то, — писал Энгельс, —

²⁰ Лооне Э.Н. Философские проблемы исторической науки, с. 23.

²¹ Там же, с. 22.

²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 142.

²³ Энгельс специально отметил, что "диалектическое мышление ... имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий..." Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 538. См. в этой связи: Алешин А.И. Ф. Энгельс и В.И. Ленин о взаимоотношении философии и естествознания. — В сб.: Ленинская методология исследования. Вып. III. Горький, 1976, с. 56-61.

что он впервые извлек снова на свет... забытый диалектический метод; указал на его связь с гегелевской диалектикой, а также и на его отличие от последней и в то же время дал в "Капитале" применение этого метода к фактам определенной эмпирической науки, политической экономии"²⁴. Маркс, как известно, сам обратил внимание на то, что основой его диалектического метода является материалистическое понимание истории, сущность которого изложена в "Предисловии" к "К критике политической экономии"²⁵. Маркс и Энгельс подчеркивали: "Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагированных из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от действительной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но в отличие от философии эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которое можно подогнуть исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — относится ли он к какой-нибудь минувшей эпохе или к современности, — когда принимаются за его действительное изображение"²⁶.

Итак, Маркс и Энгельс считали, что и наука (являющаяся эмпирической и формально-математической) должна изменять свою форму, стать диалектически мыслящей (философской). Следует отметить, что и современная наука (типа точного естествознания) не является теоретически мыслящей в том смысле, в котором термин "теоретическое" использовался в этом контексте Марксом и Энгельсом. Они ведь связывали теоретическое именно с философским, а эмпирическим считали и, например, математическое естествознание, в котором мышление подчинено требованиям математического формализма²⁷. Энгельс, например, писал: "Если теоретики являются полузнайками в области естествознания, то современные естествоиспытатели фактически в такой же мере являются полузнайками в области теории, в области того, что до сих пор называлось философией"²⁸. Диалек-

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 231.

²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 20-21.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 26.

²⁷ См. об этом подробнее Алешин А.И. Указ. соч.

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 236.

тически мыслящая (теоретическая) наука является, по Марксу и Энгельсу, обязательно историческим познанием. "Мы знаем только одну-единственную науку, - гласит известное положение из "Немецкой идеологии" -, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны нераздельно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга"²⁹. Хочется в этой связи обратить внимание еще на следующее положение из "Экономическо-философских рукописей 1844 года" Маркса: "Промышленность является действительным историческим отношением природы, а следовательно, и естествознания, к человеку. Поэтому если ее рассматривать как экзотерическое раскрытие человеческих сущностных сил, то понятна станет и человеческая сущность природы, или природная сущность человека; в результате этого естествознание утратит свое абстрактно материальное или, вернее, идеалистическое направление и станет основой человеческой науки подобно тому, как оно уже теперь - хотя и в отчужденной форме - стало основой действительно человеческой жизни, а принимать одну основу для жизни, другую для науки - это значит, с самого начала допускать ложь"³⁰. Именно в этом контексте следует, на наш взгляд, понимать и довольно часто цитируемую, но далеко не всегда в марксовском контексте понимаемую заметку Маркса о том, что естественные науки "образуют основу всякого знания"³¹.

Историческое познание имеет принципиально иной характер по сравнению с экспериментально-математическим естествознанием, при котором, говоря словами Канта (но понимая их, разумеется, уже в контексте марксистской концепции о практической природе познания), "предметы должны сообразоваться с нашим познанием"³², ибо является возвращением на новой основе (в смысле диалектического отрицания отрицания) к противоположному принципу, согласно которому "наши знания должны со-

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 16, прим.

³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 556. Ср.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. XIV.

³² Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 3, с. 87.

образоваться с предметами"³³. Эту новую основу образует марксовский метод восхождения от абстрактного к конкретному, понимаемый как логический (выражаемый системой понятий) аналог объективной истории развития системного, целостного предмета, перехода его из одной, менее содержательной определенности к другой, более содержательной определенности, из исторически исходной, неразвитой формы ("клеточки") к исторически последующим, все более развитым формам, из простейшего отношения к сложной системе отношений. Такой логический аналог, логическое (теоретическое) отражение объективной истории — это, по словам Энгельса, "отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы"³⁴.

Таким образом, в историческом познании, в отличие от опирающегося на эксперимент естественнонаучного познания, исходят из того, что сам действительный исторический процесс выделяет некоторый целостный предмет — единство многообразного — и дает нам свои законы на своей наиболее развитой стадии: все сущностное, необходимое, всеобщее для какого-то целостного предмета сохраняется на высшей ступени с классической ясностью. Этот принцип выражен в известной "анатомической формуле" Маркса: "Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимания его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено. Некоторые еще не преодоленные остатки этих обломков и элементов продолжают влачить существование внутри буржуазного общества, а то, что в прежних формах общества имелось лишь в виде намека, развилось здесь до полного значения и т.д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно"³⁵.

³³ Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 3, с. 87.

³⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497.

³⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, с. I, с. 42.

На "анатомическую формулу" Маркса ссылаются в нашей литературе часто, однако не всегда учитывают при этом, что Маркс выдвинул ее в контексте анализа исторических условий практической истинности всеобщих абстрактных определений развивающегося предмета³⁶. Концепция Маркса о практически истинных абстракциях решает проблему о природе идеализаций в историческом теоретическом познании. В историографии немислимы естественнонаучного типа идеализации (которые, как было подчеркнуто, имеют экспериментальную основу), а возможны, так сказать, естественно-исторические идеализации типа практически истинной абстракции "труд вообще" при капитализме. Маркс сформулировал "анатомическую формулу" именно после анализа абстракции "труд вообще", которая имеет, благодаря своей абстрактности, силу для всех форм общества, однако, "выступает тем не менее в этой абстрактности практически истинной только как категория наиболее современного общества"³⁷, ибо "труд вообще" существует в капиталистическом обществе, в отличие от предыдущих типов общества, в самой объективной действительности в качестве некоторой особенной реальности³⁸. Всеобщие (категориальные) определения являются практически истинными (конкретно-исторической реальностью) именно для высшей стадии развития предмета, выражают специфическую особенность высшего. В высшем (на высшей стадии исторического развития предмета) всеобщее существует не в качестве лишь абстрактных моментов, сторон особенного и единичного, а начинает существовать в "чистом виде" (в виде именно всеобщего, а не лишь частного): особенное и единичное начинают представлять абстрактное и всеобщее через всю свою конкретность (например, в условиях капиталистического способа производства любой вид труда любого единичного рабочего представляет абстрактный труд, труд вообще). Поэтому высшее и дает нам ключ к истории. Но этот ключ не является универсальной отмычкой, а лишь необходимым отправным пунктом в исследовании закономерностей последовательной смены своих образных, неповторимых фаз всеобщего

³⁶ Это справедливо отмечается в: Мамалуй А.А. Методология "Капитала" К.Маркса и системное единство диалектического и исторического материализма (Опыт постановки и обсуждения вопроса). Харьков, 1979, с. 141 и сл.

³⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, с. I, с. 41.

³⁸ Ср. также, напр., анализ абстракции "капитал вообще" (там же, с. 436-437).

исторического процесса. В вышецитированной формулировке "анатомической формулы" Маркс продолжает: "Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т.д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех формах видят формы буржуазные"³⁹.

Высшую стадию истории нельзя рассматривать в качестве цели, к которой история якобы с необходимостью стремилась, как получается при абстрактном, а также при гегелевском, чисто логическом (основанном на принципе телеологической необходимости) понимании "анатомической формулы". Марксистская диалектика предполагает, что любое исторически конкретное целое следует понимать как саморазвивающееся, содержащее уже в своей первичной, наиболее абстрактной форме источник своего развития - некоторое реальное противоречие. Энгельс писал о методе Маркса следующее: "При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами ... Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждый из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношений друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершившийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т.д."⁴⁰.

В марксовом логическом методе восхождения от абстрактного к конкретному соотношение эмпирического и теоретического имеет характер диалектического взаимодействия исторического и логического. "Проверка фактами гезрестиве практикой есть здесь в каждом шаге анализа", — заметил В.И. Ленин⁴¹. Естест-

³⁹ Там же, с. 42

⁴⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497-498.

⁴¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 302.

венно, что это обстоятельство делает невозможным построение исторической теории по гипотетико-дедуктивному принципу⁴² (т.е. согласно принципу построения теорий точного естествознания - идеала чисто научного знания), ибо в гипотетико-дедуктивно построенной теории сопоставляются с фактами лишь ее выводы. Это (принципиальное отличие исторического познания от идеала теоретического естествознания) касается и, например, такой теории естествознания, как эволюционная теория Дарвина⁴³ (которую, кстати, Маркс и Энгельс считали диалектически построенной). Поэтому и историческое объяснение, как справедливо отмечает М.А. Киссель, - "не простая дедукция частного случая из общего закона, как это предусматривается схемой Поппера-Гемпеля. Это дедукция диалектическая, которая включает в свое содержание собственную противоположность - индукцию - эмпирическое обобщение фактов"⁴⁴.

Итак, из подчеркнутого Э. Лосне верного тезиса о том, что марксисты всегда требовали, чтобы история изучалась научно, еще не следует, что история может и должна стать научкой типа точного естествознания. Научное исследование истории - это, по Марксу и Энгельсу, диалектико-материалистическое (в вышеразъясненном смысле) исследование ее. Такое диалектико-материалистическое исследование истории не означает выяснения (или проверку) каких-то философских истин, а является процессом объективной реконструкции реальной истории (в которую входит, естественно, и сознание действующих людей). Требование научности означает здесь прежде всего про-

⁴² Вернее - по гипотетико-конструктивно-дедуктивному принципу. См.: Каеватс Ю. Об одном дополнении гипотетико-дедуктивной теории. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып. 465. Тарту, 1979. См. также разъяснения в указанных тезисах: Вихалем Р.А. О проблеме научной теории в историческом познании, с. 91-92.

⁴³ О методологическом статусе эволюционной теории Дарвина и принципиальных философско-методологических проблемах теоретического исследования в биологии см.: Алешин А.И. Методологические проблемы теоретического исследования в биологии. Горький, 1973; е г о ж е. О типологии теоретических исследований в современной биологии (логико-методологический аспект). - В кн.: Биология и современное научное познание. М., 1980.

⁴⁴ Киссель М.А. Карл Маркс и методология исторического объяснения. - Вестник ЛГУ, № II. Экон. филос., право. Вып. 2. 1972, с. 73-74.

сто требование материалистического понимания истории. Научное понимание истории противопоставляется ненаучному как идеологическому (в первоначальном марксистском смысле термина "идеология") пониманию ее. Но было бы неверно считать, что научное понимание истории в смысле материалистического понимания ее тождественно с пониманием исследования истории на основе принципов точного естествознания, ибо последнее, в отличие от историографии, исходит из конструктивного начала (имеет экспериментальную природу), что и позволяет строить теории гипотетико-конструктивно-дедуктивного типа.

Что является аналогом конструктивного начала в истории? И должны ли мы его вообще искать? На подобные вопросы методологи науки, считающие историографию в принципе такой же наукой как точное естествознание, до сих пор не дали, а, по-видимому, и не могут дать удовлетворительного ответа. Историографические идеализации, как было показано, должны иметь "естественноисторическую" природу, ибо в противном случае возникают спекулятивные концепции в смысле домарксистской философии истории или же абстрактно-формальные конструкции, которые в лучшем случае лишь выражают на некотором формализованном языке определенный аспект другим способом полученной и другого типа теоретической концепции (такая формализованная реконструкция, конечно, не бесполезна), в худшем же случае превращаются просто в схоластическое теоретизирование. Поэтому мы и считаем, что тезис об отсутствии принципиального различия между точным естествознанием и историографией является, по крайней мере, проблематичным.

Являются ли вообще историко-гуманитарные дисциплины науками? Этот вопрос, конечно, скорее терминологический. Но он имеет и важную содержательную сторону. Ведь речь идет и об идеале точного и объективного познания и об исторической перспективе развития такого познания. А.И. Ракилов, например, который, как и автор данной статьи, считает, что попытки доказывать научность исторического знания путем отождествления его с естествознанием являются неубедительными, делает, однако, оговорку, что оно (историческое познание, а также такое профессиональное познание вообще, которое отличается от точных наук) не является наукой, если иметь в виду узкую, или специальную версию ее, но все же относится к науке в ее слабой, или широкой версии, поскольку такое профессиональное познание явно отличается (в этом, конечно, сомнений нет) не только от художественного, религиозного, полити-

ческого, правового или морального познания, но и от здравого смысла (обыденного знания)⁴⁵. При этом он пишет: "Эпитет "слабый" не должен вызывать никаких эмоциональных ассоциаций. Он просто фиксирует существующую ситуацию, в которой ряд форм профессионального познания не выдерживает требований сильной версии, т.е. эпистемологического идеала науки... (...) Если рассматривать дисциплины, попадающие под слабую версию науки, в исторической перспективе, с учетом тенденций их развития, то можно заметить, что они, хотя и неравномерно, движутся в сторону эпистемологического идеала (...). Слабую версию не следует рассматривать как концепцию *ad hoc*. В свое время дисциплины, подпадающие теперь под сильную версию, не отвечали ей в полной мере и находились на той стадии, на которой находится в настоящее время группа дисциплин, соответствующих слабой версии науки"⁴⁶. На наш взгляд, точка зрения А.И. Ракитова является все же в определенном смысле концепцией *ad hoc*. С теоретической точки зрения, как мы стремились показать, ведь нет оснований считать идеал науки - физику - эпистемологическим идеалом историко-гуманитарных дисциплин. Поэтому, может быть, этим дисциплинам все же разумнее преодолеть "комплекс неполноценности" в отношении научности и вместо беспочвенных, лишь формальных усилий выглядеть более научными, заботиться прежде всего о том, чтобы быть точными и объективными в содержательном смысле, решить свои познавательные задачи адекватными для них методами?

⁴⁵ Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982, особенно с. 112-130.

⁴⁶ Там же, с. 129-130.

ПОНЯТИЕ "ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ" И ЕГО ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ
ЗНАЧЕНИЕ (К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
ДЕТЕРМИНАЦИИ ЛОГИКИ)

Э. Грауберт

В настоящее время семантика для модальных логик строится с помощью понятия "возможных миров", которое восходит своими корнями к философским идеям Лейбница. Заслуга Лейбница состоит в том, что он впервые ввел понятие "возможных миров" и использовал его для анализа научного знания. Его положение о необходимой истине, как истинности во всех возможных мирах, оказалось самой плодотворной из всех известных в истории философии концепций логической необходимости для логической семантики.

Наиболее подходящую для современной логики интерпретацию понятия "возможных миров" дал Л. Витгенштейн. Если концепция "возможных миров" у Лейбница в целом связывается с его философией объективного идеализма, то Витгенштейн, исходя из позитивистской установки, интерпретирует "возможные миры" лишь в субъективном плане, то есть связывает это понятие с формально-логическим анализом языка. При этом существование "возможных миров" выводится из того, что языки содержат осмысленные предложения, не говорящие о реальных фактах. Смыслом таких предложений являются возможные факты. Хорошо известно, что в "Трактате" Витгенштейн отождествляет значение предложения со знанием условий его истинности или ложности. Согласно Витгенштейну понять предложение - значит знать, что имеет место, когда оно истинно. То есть понимание предложения зависит не от знания истинности или ложности предложения, а от знания условий его истинности. Совокупность условий, допустимых для предложения, образует, по Витгенштейну, "логическое пространство" предложения. При этом отдельно взятое условие - это логическое состояние. "Логическое пространство" представляет собой совокупность возможных состояний объектов данного языка, а понятие "логического состояния" - эта одна реализация из совокупности возможных состояний. Согласно Витгенштейну предложение является тавтологией,

т.е. логически истинным предложением, ничего не говорящим о мире, если и только если оно истинно для всех его возможных условий истинности. Если предложение ложно для всех условий истинности, то оно противоречиво.

Вообще можно, конечно, сказать, что наряду с действительными фактами язык описывает и возможные факты. Последние не есть физические реальности, а скорее представляют собой мысли. При этом совокупность возможных мыслей должна быть непротиворечиво описана данным языком. Следовательно, совокупность возможных миров, их количество зависит лишь от данного языка. Акцент при таком подходе к языку делается на рассмотрении его как логико-семантической системы.

На выше рассмотренных идеях базируется и карнаповская семантическая теория, основным понятием которой является понятие "описание состояния", играющее роль возможного мира. Под "возможным миром" Р. Карнап понимает такой мир, который может быть описан без противоречия. Следовательно, возможным миром являются и "сказочные миры и вымышленные миры самого фантастического рода при условии, что они описываются в логически непротиворечивых терминах"¹. Например, Р. Карнап приводит следующее описание возможного мира: "Существует человек. Он сокращается в размерах, становится меньше и меньше. Вдруг он превращается в птицу. Затем из этой птицы возникает тысяча птиц. Эти птицы взлетают в небо, и тучи разговаривают друг с другом о том, что случилось"². По мнению Карнапа, относительно "возможных миров" надо избегать термина "мыслимые миры", так как многие возможные миры могут быть описаны, но их нельзя вообразить. Отсюда и его единственное требование, что "возможный мир" — это просто такой мир, который может быть описан без логического противоречия.

Итак, применительно к языку или же к языковой системе S_1 , выступающей языком-объектом, на котором формулируются основные идеи карнаповской семантики, роль эквивалента "возможных миров" играет понятие "описание состояния". Хотя Карнапом и отмечается, что "описания состояний" представляют "возможные миры" Лейбница, или "возможное положение дел" по Витгенштейну, однако, круг обсуждаемых проблем, характерных для "возможных миров", ограничивается главным образом обсуждением возможных отношений, существующих внутри языковой системы, в

¹ Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959, с. 38.

² Карнап Р. Там же, с. 39.

частности языка-объекта S_1 .

Так, определение "описания состояния" дается следующим образом: "Класс предложений в S_1 , который содержит для каждого атомарного предложения или само это предложение, или его отрицание, но не то и другое вместе, и не содержит никаких других предложений, называется описанием состояния в S_1 , потому что оно, очевидно, дает полное описание возможного состояния универсума индивидов относительно всех свойств и отношений, выраженных предикатами этой системы"³. Соответствующим образом меняются и другие компоненты, а также методы исследования, касающиеся "возможных миров". Понятие истины (лжи) в карнаповском объяснении "возможных миров" заменяется понятием "выполнимости" (невыполнимости). Так, например, Карнап пишет: "То, что предложение выполняется в описании состояния, значит, говоря не технически, что оно истинно, если описание состояния (то есть все входящие в него предложения) истинно"⁴.

Ввиду важности понимания для анализа возможных миров рассмотрим введение понятий L- и F-истинности. Известно, что теории L-истинности и F-истинности развиваются Карнапом в традициях семантической теории А. Тарского, конструирующей рекурсивные дефиниции истины для формализованных языков. Исходя из такого определения истины Карнап задает семантические правила истинности как для атомарных, так и для молекулярных предложений. Правило истинности для атомарных предложений следующее: "Атомарное предложение в S_1 , состоящее из предиката, за которым следует индивидуальная постоянная, обладает свойством, которое обозначается предикатом"⁵.

Допустим, что исходные символы, содержащиеся в языке S_1 , обозначаются так: a_1, a_2, \dots, a_n - множество индивидуальных постоянных; x - индивидуальная переменная; $P_1(x), P_2(x), \dots, P(x)$ - множество независимых одноместных предикатов; " \sim " - знак отрицания; " $\&$ " - знак конъюнкции; " \vee " - знак слабой дизъюнкции; " \supset " - знак импликации. Тогда атомарное предложение данного языка можно представить так: $P_1(a_1)$. Что Карнап имеет в виду, когда он говорит, что $P_1(a_1)$ истинно в языке S_1 ? Ответ на этот вопрос следующий: $P_1(a_1)$ истинно в

³ Карнап Р. Значение и необходимость. М. 1959, с. 38.

⁴ Карнап Р. Там же, с. 39.

⁵ Карнап Р. Там же, с. 41.

языке S_1 , если и только если индивид, обозначаемый посредством a_1 , обладает свойством, обозначаемым посредством P_1 . $P_1(a_1)$ ложно в языке, если и только если индивид, обозначаемый с помощью a_1 , не обладает свойством P_1 . Истинность или ложность молекулярных предложений зависит от логического значения атомарных предложений и от логических связей. В качестве примера возьмем такое утверждение как " $P_1(a_1) \vee P_2(a_2)$ ". Видно, что молекулярное предложение " $P_1(a_1) \vee P_2(a_2)$ " образуется из атомарных предложений $P_1(a_1)$, $P_2(a_2)$ с помощью логической связки " \vee ". Согласно Карнапу предложение " $P_1(a_1) \vee P_2(a_2)$ " истинно в S_1 , если и только если по крайней мере одно из данных предложений истинно.

Итак, семантические правила истинности у Карнапа касаются лишь понятия логической истины. То есть они относятся исключительно к значению термина "истинное", когда этот термин используется по отношению к предложениям. При этом предложения интерпретируются на логических объектах "истина", "ложь".

Семантическое определение понятия истины лежит в основе карнаповской теории L-истинности и L-ложности. Карнап признает сам, что способ определения L-истинности "подскачивается концепцией Лейбница, согласно которой необходимая истина должна выполняться во всех возможных мирах. Так как наши описания состояний представляют возможные миры, то это значит, что предложение логически истинно, если оно выполняется во всех описаниях состояний"⁶. Термин "логически истинно" эквивалентен у Карнапа термину "L-истинности". Значит, предложение L-истинно, если и только если оно выполняется в каждом "описании состояния".

Кроме L-истинных предложений в каждом языке существуют еще F-истинные предложения или фактически истинные предложения. Если для выяснения истинности "L-истинных предложений" достаточно семантических правил истинности, то для выяснения истинности "F-истинных" предложений требуются неязыковые средства (в карнаповском понимании логические средства). На основе понятий L- и F-истинности определяются понятия L- и F-ложности. Так, согласно Карнапу предложение $P_1(a_1)$ L-ложно в S_1 , если и только если предложение $\sim P_1(a_1)$ L-истинно в языке S_1 . А если $P_1(a_1)$ либо L-истинное, либо L-ложное, то оно именуется L-де-

⁶ Карнап Р. Значение и необходимость, с. 41.

терминированным. Если $P_1(a_1)$ не является L-детерминированным, то оно L-недетерминированное, или фактическое предложение в языке S_1 . По мнению Карнапа, каждый язык содержит в себе соответствующие способы, чтобы отличать L-истинностные предложения от F-истинностных.

Продолжая традицию Лейбница, Карнап утверждает, что законы логики и математики являются L-истинами, истинами во всех возможных мирах, в отличие от законов других наук, которые F-истины, истины лишь в некоторых возможных мирах.

Рассматривая анализ Карнапа в качестве некоторой модели языка, можно согласиться, что построенная им модель является непротиворечивой, если принять все предварительные условия, накладываемые автором. Однако принятие всех этих предпосылок, детерминирующих построение карнаповской системы, оказывается невозможным. Так, согласно Карнапу законы логики и математики не зависят от эмпирической действительности.

С точки зрения диалектического материализма такое положение является иллюзорным. Законы логики и математики, как и законы других наук, отражают необходимые, устойчивые и общие связи вещей и явлений объективной действительности. Правда, в логике и математике эта связь оказывается более опосредствованной, чем в эмпирических науках, так как логика и математика имеют дело с абстрактными объектами. В.И. Ленин пишет, что "логические формы и законы не пустая оболочка, а отражение объективного мира... Самые обычные логические "фигуры" ... суть школьные размазанные *sit venia verbo*, самые обычные отношения вещей"⁷.

На основе понятия "описание состояния" дается интерпретация модальных операторов N и M. Модальности необходимого возможного соотносятся с понятиями L-истинности и F-истинности. Так, согласно Карнапу NA истинно, если и только если "A" L-истинно. Если L-истинность и F-истинность являются свойствами предложений, то они фиксируют смысл этих предложений. Значит, L-истинность и F-истинность могут быть выражены только в метаязыке, а логические модальности принадлежат к языку-объекту S. В силу этого "высказывание "N (...)" не может быть превращено по определению в высказывание "... " L-истинно в S"⁸. Но первое

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162, 159.

⁸ Carnap, R. *Modalities and Quantification*. - *The Journal of Symbolic Logic*, 1946, vol. II.

согласно соглашению имеет место, если и только если имеет место второе, продолжает Карнап. Его рассуждения по поводу соглашения выглядят так: "Пусть "А" будет сокращением для L-истинного высказывания в S. Тогда "N(A)" истинно по соглашению. И более того оно L-истинно, поскольку его истинность устанавливается семантическими правилами, определяющими истинность, и тем самым L-истинность А, и семантическим правилом для "N" скажем, введенным соглашением. Таким образом, вообще, если N (...) истинно, то и NN (...) истинно; следовательно, любое высказывание формы $Np \supset NNp$ истинно... Аналогичным образом можно показать, что всякое предложение формы $\sim Np \supset N\sim Np$ истинно... Этот анализ ведет к тому результату, что если N(...) истинно, то оно и L-истинно; а если оно ложно, то оно и L-ложно; следовательно, каждое высказывание формы N (...) является L-детерминированным"⁹.

Другие модальности определяются Карнапом через N-модальность обычным образом. Поскольку в его системе принимается формула $Np \supset NNp$, она эквивалентна системе S₅ Льюиса. Но С. Крипке и Я. Хинтика показали, что другим льюисовским модальным системам тоже можно дать интерпретацию с помощью "возможных миров".

Следует сказать, что карнаповская система "возможных миров" в целом — это "онтологическая" часть определенного языкового каркаса, структура которого определяется семантическими правилами. Этим положением Карнап продолжает и развивает дальше традицию логического атомизма Рассела и Витгенштейна, согласно которой мир состоит из трех основных частей: из вещей, свойств и отношений. Из данных частей образуются "атомарные факты", поэтому их называют "субстанциями мира". По мнению Карнапа, составные части мира — это не только вещи, свойства и отношения, но и предложения, называемые им "сущностями". Он пишет: "Я склонен думать..., что не было бы слишком сильным отклонением от обычного словоупотребления, если бы мы эксплицировали термин "факт" как относящийся к определенному рода суждениям... Какими свойствами должно обладать суждение, для того чтобы быть фактом в этом смысле? Во-первых, оно должно, конечно, быть истинным; во-вторых, оно должно быть случайным (или фактическим)"¹⁰.

⁹ Карнап Р. Значение и необходимость, с. 64.

¹⁰ Там же.

Смысл этого рассуждения – рассматривать факты как чисто языковые (логические) явления. В конечном счете, все карнаповские рассуждения о природе факта сводятся к тому, что он допускает возможность признания "сущностей" в качестве фактов. Под "сущностями" в этом случае он понимает "общее обозначение для свойств, предложений и других интенсивностей, а, с другой стороны, – для классов, индивидуумов и других экстенсивностей".

Таким образом, для Карнапа факты – это лишь ассерторические предложения, высказываемые субъектом, и не более.

При последовательном проведении принципов логического эмпиризма возникает и ряд трудностей технического порядка. Например, при определении L-понятий возникает следующего рода трудности: во-первых, при трактовке карнаповского языка S_1 , через атомарные факты, "L-истинность" приобретает ограниченное значение; во-вторых, количество L-состояний резко возрастает при расширении алфавита языка. А это ведет к трудностям практического характера; в-третьих, известно, что в науке самыми плодотворными являются открытые семантические системы (с пополняемым базисом). А определение L-истинности через "описания состояния" возможно лишь для замкнутых семантических систем.

Критики L-семантики Р.Карнапа главным образом указывали на то, что в этой семантике не говорится, все ли логические состояния являются реально возможными, и следовательно, все ли описания состояния имеют смысл.

В результате критики Карнап сделал поправку, связав свою концепцию "возможных миров" с постулатами значения. При этой поправке меняется и понятие L-истинности: предложение L-истинно, если и только если оно выполняется в каждом описании состояния, в котором выполняется конъюнкция всех постулатов значения.

Семантики Крипке-Хинтикки, акцентируя внимание на деятельной, конструктивной стороне человеческого познания, выбирают иной путь решения данного вопроса. Построение модельного множества связывается у Хинтикки с идеей о пошаговом сравнении языка и действительности. Согласно этой идее множество "K" не задано заранее, а постепенно по определенному закону, который определяет отношение "R", определяющее, в свою очередь свойства модального оператора необходимости. Такой подход дает возможность адекватно интерпретировать и другие модальные системы Льюисовского типа.

Я. Хинтикка впервые осуществил новый подход к семантике для теории квантификации в 1955 году^{II}. Эта семантика не теоретико-множественная, а конструктивная теория. То есть для логических формул шаг за шагом конструируются модели. Формулы, для которых нельзя построить модель, называются противоречивыми, все остальные — непротиворечивыми или логически выполнимыми. Центральным понятием теоретико-модельного подхода является понятие модели, которое Я. Хинтикка интерпретирует в своих первых работах, посвященных этой проблематике, в духе Крипке, то есть с чисто математической точки зрения, без каких-нибудь философских обобщений, как модельные структуры.

Согласно С. Крипке модельные структуры — это упорядоченная тройка (G, K, R) , где "G" — это действительный мир, выделяемый среди множества возможных миров "K", а "R" есть некоторое отношение между элементами множества возможных миров. С. Крипке пишет, что "интуитивно отношение интерпретируется следующим образом: для данных двух миров $H_1, H_2 \in K$, " $H_1 R H_2$ " читается как " H_2 возможен относительно H_1 ", достигим, "возможен в H_1 " или зависит от H_1 . Это значит, что каждое высказывание, истинное в H_2 , возможно в H_1 "^{I2}. В зависимости от свойств отношения "R" получаются различные модельные структуры. К примеру, если "R" рефлексивно, то модельная структура адекватна системе S_4 Льюиса. Модальные понятия необходимости и возможности понимаются согласно С. Крипке соответственно как истины во всех "возможных мирах" и как истина по крайней мере в одном "возможном мире".

Несмотря на то, что семантики Крипке-Хинтикки, в основе которых лежит понятие модельной структуры, помогли решить многие проблемы технического порядка, они все же оказались ограниченными при интерпретации интенциональных контекстов, в число которых входят и эпистемические модальности типа "знает, что", "полагает, что" и т.п.

С целью преодоления отмеченных трудностей, решение которых невозможно с помощью абстрактных модельных структур Крипке-Хинтикки, многими авторами были предложены более полные семантики для неклассических модальных логик.

^{II} Hintikka, J. Two papers on Symbolic Logic. — Acta Philosophica Fennica. Helsinki, 1955, vol. 8.

^{I2} Крипке С. Семантический анализ модальной логики. I. Нормальные модальные исчисления высказываний; Фейс Р. Модальная логика. — М.: Наука, 1974, с. 258.

В силу того, что в основе различных семантик неклассических модальных систем находятся различные способы задания "возможных миров", то решение парадоксов зависит от интерпретации этого понятия.

По нашему мнению, наиболее приемлемую концепцию "возможных миров" дает Я. Хинтикка, первоначальные взгляды которого претерпели существенную модернизацию в его последних работах, особенно в работах 60-70-х годов. В этих работах понятие модели рассматривается уже не только с математической точки зрения, а более широко. Остановимся здесь коротко на хинтикковской позднейшей концепции "возможных миров", которую он строит на основе критики карнаповского метода "описания состояния".

Финский логик предлагает заменить конечное описание возможных миров Р. Карнапа своей концепцией, дающей полное описание возможных состояний дел и тем самым характеризующей возможные миры исчерпывающим образом. Центральным понятием, используемым при пошаговом сравнении действительности и языка, с помощью которого описываются различные возможные миры, является понятие модельного множества. Согласно Я. Хинтикке модельные множества — это множества всех истинных предложений. Они (предложения) содержат кванторы и связанные переменные, но не содержат произвольных имен, за исключением тех, которые подразумеваются в предложениях и которые нам предстоит изучить¹³. Как результат, "эти описания не являются больше описаниями возможного мира: они являются описаниями родов возможного мира". Предельное число индивидов, вступающих в кванторных предложениях в определенные отношения, называется степенью кванторных предложений. Результирующее описание рода возможного мира именуется конституентной. (Надо отметить, что метод конституентов, название и идея которого восходит к Булю, выработан финским логиком в связи с экспликацией понятия семантической информации.) Ввиду того, что анализ последнего понятия не входит в план нашей статьи, мы не будем останавливаться на проблемах, связанных с методом конституентов и семантической информации.

Сначала рассмотрим применение данного метода на примере логики высказываний, а затем, как Я. Хинтикка применяет схему конституентов для анализа более сложных языков.

¹³ Hintikka, J. *Logic, language-game and information*. . Oxford, 1973, p. 10.

Допустим, что имеется язык L , который содержит в себе конечное описание неанализируемых атомарных предложений F_1, F_2, \dots, F_k , пропозициональные связки $\sim, \&, \vee$ (и любые другие связки, определяемые через них). Тогда базисные альтернативы (или конституенты) языка L выражаются в форме: $(\pm)F_1 \& (\pm)F_2 \& \dots \& (\pm)F_k$. То есть конституенты содержат в качестве членов для любого $i = 1, 2, \dots, k$ или F_i или $\sim F_i$. К примеру, допустим, что $k = 2$, $F_1 =$ "идет дождь" и $F_2 =$ "дует ветер". Тогда конституенты следующие предложения: "идет дождь и дует ветер", "идет дождь, но ветер не дует", "дождь не идет и ветер не дует", "дождь не идет и ветер дует". Значит, в рассматриваемом примере все возможные случаи относительно погоды могут быть специфицированы с помощью двух атомарных предложений "идет дождь" и "дует ветер".

Если в языке L принимаются вышеупомянутые атомарные предложения, то есть F_1, F_2, \dots, F_k , то конституент обозначается следующим образом: $\prod_{i=1}^k$ или более просто, как $\prod_{i=1}^k F_i$, или еще проще - $\mathcal{P} F$. Очевидно, что число конституентов равно 2^k .

В пропозициональной логике любое непротиворечивое предложение имеет полную дизъюнктивную нормальную форму, в которой оно выражается посредством дизъюнкции некоторых (или всех) конституентов. Так, например, в рассматриваемом языке L любое высказывание, обозначаемое посредством h , может быть представлено в виде $h = C_1 \vee C_2 \vee \dots \vee C_w(h)$, где $C_1, C_2, \dots, C_w(h)$ - конституенты, а $w(h)$ - пространство высказывания h . Неформально это означает, что в пропозициональной логике любое непротиворечивое предложение допускает возможности, перечисленные с помощью конституентов возможного рассматриваемого предложения. Причем предложение является логически истинным, если и только если оно допускает все возможности, логически ложным - если и только если оно исключает все возможности.

Далее рассмотрим, как метод конституентов распространяется на более сложные языки.

Допустим, что имеется язык L_2 , содержащий в себе следующее: некоторое число одноместных предикатов $F_1(x), F_2(x), \dots, F_k(x)$; бесконечное число связанных переменных x, y, z ; кванторы всеобщности " \forall " и существования " \exists "; пропозициональные связки $\sim, \&, \vee$ и другие связки, определяемые через них.

Я. Хинтикакка исключает индивидуальные константы, так как он

считает, что для получения наиболее реалистической логической реконструкции процедур, посредством которых накапливается информация о мире, данный подход к проблеме более адекватен. Он отмечает также, что в реальном процессе познания нельзя исходить из допущения, что универсум известен нам настолько, что мы знаем каждого индивида в нем¹⁴.

В данном языке Я. Хинтикка исходит не из различных альтернатив универсума, а из классов возможных миров (или альтернатив). Различные классы индивидов могут быть представлены как $(\pm)P_1(x) \& (\pm)P_2(x) \& \dots \& (\pm)P_k(x)$ и они могут быть некоторым образом упорядочены в виде последовательности $St_1(x), St_2(x), \dots St_k(x)$, где $St_{(i)}(x)$ обозначает атрибутивные конститuentы. Оригинальность хинтикковского подхода заключается в том, что "возможные классы миров" задаются следующим образом: $(\pm) \exists x St_1(x) \& (\pm) \exists x St_2(x) \& \dots \& (\pm) \exists x St_k(x)$. Эти описания "возможных миров", являющиеся базисными альтернативами данного языка, именуется конститuentами. Причем данные конститuentы могут быть упорядочены в виде последовательности $C_1, C_2, \dots C_k$. Тогда любое высказывание L языка может быть выражено в форме дизъюнкции некоторых (или всех) конститuentов $S = C_{i_1} \vee C_{i_2} \vee \dots \vee C_{i_w(s)}$, где $C_{i_1}, C_{i_2}, \dots, C_{i_w(s)}$ - это подмножество множества всех конститuentов, $w(s)$ - "пространство" высказывания S и оно называется дисструктивной нормальной формой высказывания.

Идею описания возможных миров можно в общем виде представить на примере языка L так: допустим, что из независимых одноместных предикатов образуются всевозможные сложные предикаты, называемые Хинтиккой Q-предикатами и представляющие собой типы индивидов. К примеру, если $\mathcal{U} = 2$, то в данном языке имеется четыре типа индивидов: (объект может быть белым и четырехугольным, белым и нечетырехугольным, небелым и четырехугольным, небелым и нечетырехугольным). Тогда конъюнкция из Q-предикатов, приписанных к каждому индивиду, образует возможные миры: $Q_{i_1}(a_1) \& Q_{i_2}(a_2) \& \dots \& Q_{i_N}(a_N)$.

Из вышесказанного видно, что метод конститuentов не отличается существенным образом от карнаповского "описания состояния", а является лишь обобщением последнего.

Прежде чем рассмотреть, как Я. Хинтикка применяет свою концепцию "возможных миров" к интерпретации модальной логи-

¹⁴ Hintikka, J. Surface Information and Depth Information. - In: Information and Inference. Dordrecht, 1970, p. 266.

ки, надо отметить следующее: выделяя два различных аспекта возможных миров — дескриптивного, относящегося к различным способам описания "возможных миров" и модальный аспект, имеющий дело с взаимоотношениями между различными "возможными мирами"¹⁵, Я. Хинтикка интерпретирует модальную логику как логику, рассматривающую взаимоотношения между различными возможными мирами. Согласно финскому логике модальная логика — это не только логика необходимости и возможности, но и логика всех других терминов, которые могут быть изучены таким же образом, как данные понятия. Среди таких понятий находятся и слова "знает", "полагает", "помнит", "надеется", "старается" и т.п., относительно которых говорят, что они вызывают мысленную референцию на более чем одно состояние дел, причем способы описаний этих отдельных состояний называются возможными мирами¹⁶. Значит, Я. Хинтикка понимает модальную логику более широко, чем сторонники классической интерпретации. Его семантика модальной логики строится с помощью понятия возможного мира. Это понятие является как бы объединяющим звеном между различными конкурирующими модальными системами.

Остановимся коротко на интерпретации эпистемических модальностей в терминах семантики "возможных миров". Например, различные пропозициональные установки типа "знает, что", "полагает, что" и т.п. трактуются следующим образом: (1) "а знает, что b является преступником" представляется как (2) — "существует индивид b , который является преступником в каждом мире, совместимым с тем, что знает a . Или, другими словами, $(\exists x)a$ знает, что $(b = x)$ истинно в w (где w — это выделенный возможный мир), если и только если существует такой индивид x , что в каждой a -альтернативе в w сингулярный термин " b " выделяет один и тот же индивид. Причем a -альтернативы к w именуется альтернативами отношения и согласно Я. Хинтикки они лишь потенциальные миры в отношении актуально существующего мира.

Итак, существенным моментом хинтикковской позднейшей концепции "возможных миров" является то, что Хинтикка не рассматривает различные возможные миры, а его семантика задает-

¹⁵ Hintikka, J. Logic, language-game and information, p.7.

¹⁶ Hintikka, J. Models for Modalities. Dordrecht, 1969.

ся лишь актуальным миром, относительно которого предлагаются различные возможности. Согласно Я. Хинтикке индивиды в возможных мирах могут иметь только те свойства, которые имеют место в реальном мире. Как раз принятие этого допущения стало решающим при построении семантики возможных миров.

Из вышесказанного следует, что использование понятия возможных миров в логико-семантическом плане оказывается плодотворным. Но понятия логики, как и понятия других наук, требуют своего философского обоснования. Как же осмыслить понятие возможного мира с точки зрения философии? Рассматривать ли его в онтологическом плане, как некоторый мир, отличный от реально существующего мира, или в гносеологическом плане, как некоторые возможные мысли (ситуации), производные от реального субъекта. Нам представляется, что понятие возможного мира не является онтологическим понятием, так как оно не касается вопроса о какой-либо физической реальности, а эпистемологическим понятием. Понятие возможного мира надо понимать в качестве теоретико-познавательного приема, помогающего познавать реальный мир более адекватно. На содержательном уровне это выглядит так.

Допустим, что мы должны узнать какой-либо объект, в частности, какого-либо человека. Известно, что один и тот же человек в разных ситуациях (возможных мирах) своей жизни может обладать различными свойствами и выглядеть немного по-другому. Значит, какой-либо определенный человек в течение всей жизни всегда находится в нескольких возможных мирах. И мы можем сказать, что знаем этого человека только тогда, когда сумеем узнать его в различных возможных мирах. Или, говоря по-другому, эти различные возможные миры должны быть совместимы с нашим знанием.

Только что сказанное относится и к научному знанию. Известно, что научное познание является взаимодействием различных гипотез, теорий, идей и методик исследования. На любом этапе развития науки объект познания не соотносится только с одной и единственной теорией, т.е. один и тот же объект исследования может быть познан в различных теоретических и эмпирических ситуациях. Даже в рамках одной теории имеет место столкновение различных гипотез и точек зрения, которое позволяет развивать и расчленять данную теорию. История научного знания выступает перед нами как диалектический ряд теорий, и каждый отдельно взятый ряд предстает как противопоставление теорий, образующих антиномичное событие.

В истории физики мы обнаруживаем диалектический контекст познания и в средневековой механике, которая привела к созданию теории "импетуса" Л. Буридана и которая была преодолением динамики Аристотеля и в период формирования теории Ньютона (споры с картезианцами), и в период становления электродинамики, не говоря уже о драматическом этапе становления теории относительности и в особенности квантовой механики.

История научного знания выступает перед нами в качестве этапов становления единой объективной истины. Каждый отдельный этап в свою очередь оказывается диалектическим противостоянием эмпирического и теоретического знания, диалектическим столкновением различных способов обнаружения объективной истины, различных позиций отдельных познающих субъектов.

Наличие в знании различных гипотез и теорий, образующих диалектическое взаимодействие, вытекает из самого понятия объективной истины, содержащей в себе моменты как абсолютной, так и моменты относительных истин об определенном объекте познания.

Единство объективного бытия отражается в соприкосновении различных теорий, гипотез и истин знания, предполагающих многообразие познающих субъектов, воплощающих в себе различные тенденции развития научного знания. Понятие объективной истины оказывается необходимым, так как оно раскрывает диалектический смысл синтеза различных знаний, содержащихся в "возможных мирах".

ПРОБЛЕМА СУБСТРАТА КУЛЬТУРЫ В ПСИХОАНАЛИЗЕ З. ФРЕЙДА

В.Р. Блум

С середины прошлого столетия наблюдается значительное усиление (теоретического) интереса к феномену культуры. Объектом изучения социальной философии и многих гуманитарных наук становятся многообразные проблемы, связанные с культурой, создаются концепции, объясняющие культуру¹. Одной из самых существенных являлась и является проблема динамики культуры. Решение ее различными теоретическими направлениями зависит, как правило, от того, что выделяется в качестве носителя, субстрата, т.е. к чему сводится культура в конечном счете. Чаще всего культура сводится к индивидуальной или коллективной (надиндивидуальной) сознательной психической деятельности. Основатель психоанализа З. Фрейд не только указал на наличие бессознательных элементов в культуре, но и впервые стремился объяснить культуру, опираясь на концепцию бессознательного. Поэтому трактовка субстрата культуры Фрейда значительно отличается от воззрений других теоретических школ культурологии. В связи с этим культурологическая концепция Фрейда, на наш взгляд, представляет несомненный интерес, тем более, что в советской специальной литературе практически отсутствуют исследования в данной области².

Психоаналитическая концепция З. Фрейда оказала существенное влияние на развитие гуманитарных наук и стала одним из теоретических столпов культуры XX века³. Психоаналитиче-

¹ Именно в это время оформляется специальная наука, изучающая культуру (первоначально в основном первобытных, архаических обществ) — культурантропология.

² За исключением небольшой статьи (см. Додельцева Р.Ф., Панфилова Т.В. О некоторых чертах психоаналитической интерпретации культуры З. Фрейда. — Философские науки, 1977, № 2) и разделов в книгах (см. Лейбин З.Н. Психоанализ и философия неофрейдизма. М., 1977; раздел, написанный С.А. Эфировым в кн.: История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979).

³ См.: Марксистская критика психоанализа. М., 1976, с. 61.

ские концепции возникли в культурантропологии⁴ и философии культуры в целом.

Несмотря на то, что Фрейд всю жизнь занимался психиатрией, через психологию он пришел к философской проблематике и таким образом осуществлял свою мечту "достичь философского знания"⁵. В первую очередь в центре внимания философия психоанализа Фрейда была культура. Интерес к проблемам культуры возник у Фрейда в связи с изучением поведения невротиков, в котором он обнаружил удивившее его сходство с ритуалами, мифами, социальными ограничениями первобытных людей. Указав на зависимость психических расстройств невротиков от переживаний детства, Фрейд провел параллель между "душевной" жизнью детей и первобытного человека, в сущности говоря, подтвердил распространенный во второй половине XIX века тезис, разделявшийся и этнологами-эволюционистами, о соответствии детской и первобытной психики, т.е. тезис о гомологичности онтогенеза и филогенеза.

Эти идеи нашли отражение в его работах раннего периода: "Толкование сновидений" (1900), "Психопатология обиденной жизни" (1904), "Остроумие и его отношение к бессознательному" (1905). Работы "Поэт и фантазия" (1908), "Воспоминания детства Леонардо да Винчи" (1910) специально посвящены поэтическому и художественному творчеству. Причем последняя работа положила начало традиции, продолженной преемниками Фрейда, психоаналитического изучения биографий великих людей. Непосредственно тематику этнологии и культуры Фрейд обсуждал в особенности в книге "Тотем и табу" (1913). В этом исследовании он использовал материалы, не самым лучшим способом собранные большей частью этнологами-эволюционистами. Но особый интерес к проблемам общественных отношений, культуры и человека Фрейд проявил в последний период своей жизни. Исследованию генезиса и судьбы религиозного сознания посвящены работы: "Будущность одной иллюзии" (1927) и "Моисей и монотеизм" (1937); социологические проблемы рассматриваются в статье "Психология масс и анализ человеческого "Я" (1921), а идеи конфликта между современной культурой и чело-

⁴ Прежде всего - это психологическое направление в культурантропологии. См.: Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.

⁵ Из письма З. Фрейда к В. Флиссу. - В кн.: Wollheim, R. Freud. London, 1971, p. 42.

веком развиты в работе "Неудовлетворенность культурой" (1930).

Перед тем как непосредственно обратиться к концепции культуры З. Фрейда, рассмотрим общеметодологические принципы, на которые она опиралась.

Фрейд высказывал противоречивые оценки своему методу. В 1900 г. он писал В. Флиссу: "Я никогда не был человеком науки, наблюдателем, экспериментатором, мыслителем. Я не более как человек, обладающий темпераментом конкистадора, авантюрист"⁶. А в 1920-е гг. он утверждал, что психоаналитическое понимание есть продукт опыта и является прямым выражением наблюдения и результатом переработки его и наиболее приемлемая позиция при этом - доброжелательный скептицизм"⁷. Однако это нельзя, пожалуй, назвать непоследовательностью. Мироззрение Фрейда скорее дуалистично по своей природе. Его учение опирается на две традиции в истории философии. С одной стороны, это рационалистический натурализм и сциентизм, а с другой, - феноменологический иррационализм. Поэтому культ науки и разума с определенным тяготением к механистическому редукционизму совмещается в концепции Фрейда с иррационализмом и антирационализмом⁸. В общем метод Фрейда можно охарактеризовать как попытку применения точных, позитивных приемов к материалу, достоверность которого часто не совсем выяснена.

Успехи биологии на рубеже XIX и XX веков и видимая легкость, с которой многие сложные явления объяснялись с позиций биологического редукционизма, обусловили общетеоретическую установку как этнологов-эволюционистов, так и фрейдистов в понимании культуры. Существенна разница в их методах. Эволюционисты переносили природные законы и в первую очередь

⁶ Цит. по: Mannoni, O. Freud. Frankfurt. Fischer, 1975, S. 156.

⁷ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М.-Пг., 1922, с. 34.

⁸ История буржуазной социологии первой половины XX века. М., с. 207-208; О проблеме дуализма в мировоззрении Фрейда см.: Кузьмина Т.А. Человеческое бытие и личность у Фрейда и Сартра. - В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969, с. 271; Лейбман В.М. Классический психоанализ и фрейдизм. - В кн.: Буржуазная философия XX века. М., 1974, с. 184; Его же, Психоанализ и философская антропология. - В сб.: Критика современной буржуазной философской антропологии. Л., 1980, с. 64-65.

биологические на культуру; Фрейд и его ученики выводили законы биологии из индивида и переносили их на общество. В известной научной формуле о совпадении онто- и филогенеза эволюционисты подчеркивали решающую роль филогенеза, а фрейдисты - онтогенеза. "Развитие культуры и развитие человека представляют собой один и тот же процесс, только развитие культуры есть абстракция более высокого порядка, чем развитие индивида", - читаем мы у Фрейда⁹.

Другой важной презумпцией, необходимой для понимания фрейдовской концепции культуры, был псевдоэнергетизм. Работая несколько лет в Физиологическом институте Эрнста Брücke, Фрейд усвоил символ веры этой школы - принцип детерминизма в пределах закона сохранения и превращения энергии и взгляд на организм как на энергетическую величину. Главный смысл энергетизма - это принцип гомеостазиса, согласно которому между психическим аппаратом человека или на более абстрактном уровне - между индивидом и культурой или, иначе, между представителем подавляемых инстанций и репрессирующей инстанцией должно быть равновесие. Согласно теории психоанализа такое равновесие еще недостигнуто, но теоретически с огромными трудностями достижимо. Из идеи энергетизма вытекал принцип динамического характера психических процессов и топографическая картина психического аппарата¹⁰. Согласно этому принципу между инстанциями психики, с одной стороны, и между индивидом и культурой, с другой, постоянно происходит "обмен энергией", причем часть энергии подавляется, часть трансформируется или направляется по иному каналу. Таким образом,

⁹ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. - В кн.: Фрейд З. Избранное. Т. 1. Лондон, 1969, с. 325-326; См. также: Фрейд З. Тотем и табу ..., с. 12-13.

¹⁰ Согласно топографической концепции в психике каждого индивида существует три инстанции. До 1920-х гг. Фрейд называл их "Сознательное", "Бессознательное" и "Предсознательное". Затем он выдвинул утонченную и дополненную концепцию, в которой называл эти инстанции - "Оно", "Я" и "Сверх-Я". См.: Wollheim, R. op. cit., p. 45. Фрейд З. "Я" и "Оно". - В сб.: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, с. 184-211; Биограф З. Фрейда Ф. Виттельс отмечал, что подвижность бессознательных сексуальных сил - либидо, быть может, важнейший признак нашей жизни, на нем основано все, что именуется "фрейдовскими механизмами". - Виттельс Ф. Указ. соч., с. 179. См. также: Brenner, Ch. An Elementary Textbook of Psychoanalysis. N.-Y., 1974, p. 34-35.

все многообразие психических процессов, а также процессов, составляющих основу культуры, сводится к энергообмену. Это, несомненно, значительное упрощение.

Необходимо отметить, что Фрейд старался приуменьшить значение детерминированности в психической жизни¹¹. Строгая детерминация существует там, где есть субъектно-объектная связь. Лишь сексуальные влечения - содержание бессознательной части психики - недоступны влиянию необходимости, ибо они являются объектом самого себя. Поэтому они неразумны¹². Именно в процессе борьбы с этой неразумностью, как мы дальше увидим, возникает культура.

Фрейд выделяет в качестве важнейшей задачи культуры защиту человека от сил природы, от инстинктов "первичных позывов", находящихся в бессознательном состоянии каждого человека и направленных в силу биологических закономерностей против других индивидов и против самой культуры¹³. Благодаря выполнению этой задачи, и то, чем она отличается от жизни зверей, и есть культура. Если вспомнить теории первых этнологов, то они не считали подобные цели задачей культуры. Фрейд же довел биологический редуccionизм до своего логического завершения, абсолютизовав роль агрессивности в природе индивида и поставил на этом основании на первое место репрессивные задачи культуры. Чтобы понять, почему Фрейд развивал именно такой подход, необходимо обратиться к анализу его трактовки субстрата культуры.

В одной из своих последних работ Фрейд писал: "чтобы понять цену понятия "культурное развитие" как понятия об особенном процессе, сравнимым с нормальным созреванием индивида, необходимо выяснить, какие причины предопределили разви-

11 Фрейд З. Психопатология быденной жизни. М., 1910, с. 133.

12 Его же. Лекции по введению в психоанализ..., с. 145.

13 "Мы объединяемся и создаем культуру, которая, кстати, должна создавать условия, приемлемые для совместной жизни людей, ведь главная задача культуры, основной смысл ее существования - защитить нас от природы". - Фрейд З. Будущность одной иллюзии. М.-Л., 1930, с. 12; Наша культура в общем построена на подавлении страстей. Каждый человек поступился частью своего достоинства, своей власти, агрессивных и мстительных наклонностей, своей личностью; из этих вкладов выросли материальные и идеальные блага общей культуры. Это отречение на протяжении культурного развития человечества постоянно прогрессиовало". - Фрейд З. Психологические этиды. М., 1912, с. 36.

тие культуры, как это развитие началось, чем определялось его течение¹⁴. Фрейд решал этот вопрос с помощью анализа этнографического материала, экскурсов в историю первобытного общества, аналогий с онтогенетическим развитием психики, некоторых наблюдений из области зоологии.

По мнению Фрейда, "роковой процесс развития культуры" начался с прямохождения. В результате выпрямления предка человека обнажились половые органы, и основную роль в сексуальном возбуждении стала играть внешняя привлекательность, а не запах выделений половых органов. На привлекательность запаха было наложено табу. Это было первое табу в истории человечества.

Фрейд не объясняет, было ли это табу следствием биологических причин или следствием уже возникших социальных отношений. Видоизменение форм сексуального влечения сопровождалось превращением сексуального наслаждения из периодической потребности в постоянную. Эта постоянная потребность и породила семью¹⁵. Фрейд некритически принял опровергнутую данными этнографии гипотезу Дарвина о первобытной орде и гипотезу Аткинсона о циклической семье. Согласно этим неподтвержденным фактическим материалам гипотезам человек первоначально жил небольшими полугамными группами или ордами. В этих ордах "ревность" главного самца — отца не позволяла молодым мужчинам вступать в половую близость с его женами. Когда отец дряхлел, наиболее могущественный "сын" убивал своего "отца" и изгонял из орды своих "братьев", которые образовывали экзогамные брачные группы¹⁶. "В такой примитивной

¹⁴ Freud, S. Das Unbehagen in der Kultur. — In: Freud, S. Abriß der Psychoanalyse. Das Unbehagen in der Kultur. Frankfurt, Fischer, 1979, S. 92.

¹⁵ При анализе человеческого бытия и культуры З. Фрейд использовал своеобразный подход, названный Ж.-П. Сартром "вертикальным детерминизмом". Согласно этому принципу эмпирически наблюдаемые факты связаны между собой непосредственно, по типу причина—следствие, а через глубинные процессы в психике. Поэтому процесс вхождения человека в культуру и его "культурная" жизнь есть, по сути дела, вопрос о прояснении истоков человеческого бытия, об исходной ситуации, а не в анализе наличных обстоятельств. ("Чтобы оценить содержание современности, нужно свести настоящее к прошлому". — Фрейд З. Будущность одной иллюзии..., с. 8). См.: Кузьмина А.Т. Проблема субъекта в современной буржуазной философии..., с. 115; Ее же. Человеческое бытие и личность у Фрейда и Сартра..., 285.

¹⁶ См.: Фрейд З. Тотем и табу..., с. 133—134.

семье, - писал Фрейд, - еще отсутствовала важная черта культуры; произвол отца был неограниченным"¹⁷. Но именно жизнь в таких ордах привела к осознанию первобытными людьми необходимости совместного труда в целях облегчения своей судьбы и, в конечном счете, "изгнанные братья" убедились в силе их союза¹⁸. На основе гипотезы Робертсона - Смита о тотемической трапезе - поедании принесенного в жертву, Фрейд решил, что "в один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца и положили, таким образом, конец отцовской орде", т.е. они "осмелились сообща и совершили то, что было бы невозможным каждому в отдельности"¹⁹. Наряду с чувством ненависти, которую теперь "братья" удовлетворили, отождествив себя с отцом путем его поедания, в их психике имело место и чувство любви, восхищение перед "отцом". Это чувство все более осознавалось и превращалось в чувство вины и раскаяния.

Осознание непримлемости содеянного с точки зрения "принципа реальности" побудила "братьев" заключить между собой первый в истории человечества "общественный договор". Этот "общественный договор" предусматривал запрещение и табуацию единственных преступлений в первобытном обществе - инцеста и убийства. Основой договора служило чувство вины и раскаяния, поэтому заключенный на его основе союз - прасонова социума, качественно отличался от предшествовавшего союза, основанного на ненависти. В этом смысле Фрейд говорил, что культура вырастает из чувства стыда и раскаяния. Социальное, таким образом, рождается в результате трансформации биологического.

Фрейд считал этот запрет первым социальным запретом в истории человечества. Именно он послужил началом культурного развития: социальных организаций ("союз братьев"), религии (первая форма религии - тотемизм есть поклонение убитому отцу) и нравственных ограничений²⁰.

Итак, человеческая культура началась с акта осознания и вытекающего из него запрета. Чтобы понять причину акта осознания и запрета и вплотную подойти к проблеме субстрата

¹⁷ Freud, S. op. cit., S. 93.

¹⁸ Ibid., S. 94.

¹⁹ Фрейд Э. Тотем и табу ..., с. 151.

²⁰ Там же.

культуры необходимо, хотя бы в общих чертах, обратиться к строению и функционированию психики по Фрейду.

Фрейд считал, что органический мир существует благодаря относительному равновесию между "принципом реальности" и "принципом наслаждения". В психике каждого человека силы бессознательного как представителя "принципа наслаждения" и сознание как представитель "принципа реальности" должны находиться в равновесии, которое достигается путем подавления разрушительных инстинктивных сил или "первичных позывов" сознанием и вытеснения их обратно в бессознательное. Чем взрослее психически нормальный человек, тем строже и сильнее в его ментальном аппарате репрессирующие и вытесняющие силы или цензоры. Эти репрессирующие силы вырастают в психике из сферы бессознательного в результате выделения субъектом себя из объективного мира, т.е. с развитием самосознания. Схему развития психики индивида Фрейд смело экстраполировал на развитие культуры. Единственным основанием для этой экстраполяции были сходства, замеченные им в поведении невротиков и первобытных людей.

Первобытное общество в понимании Фрейда можно представить как "коллективного младенца", который только начал осознавать себя в сфере "принципа реальности". Он, т.е. фактически конгломерат изолированных друг от друга людей, руководствуется в своем поведении "принципом удовольствия". И хотя некоторые ограничения, о которых говорилось выше, уже наложены, все же в целом человеком управляют бессознательные сексуальные инстинкты. Главные из них — инцестуозный и комплекс Эдипа.

Современная наука отвергает фрейдистский тезис о сексуальности всех инстинктов²¹. Идея о направленности "первичных позывов" на родителя противоположного пола, как и вообще существование эдипова комплекса, подвергается сомнению многими исследователями. Однако факт наличия мотивов кровосмешения, убийства отца на почве ревности в мифах и героических повествованиях разных народов общеизвестен. Клод Леви-Стросс, на наш взгляд, убедительно предположил, что, хотя убийство отца и не имело места в истории, но этот миф, возможно, выражает в символической форме какую-то очень старую, но тем не менее

²¹ Необходимо отметить, что Фрейд признавал наличие и не-сексуальных инстинктов, но никогда не изучал их. — См., Фрейд Э. Лекции по введению в психоанализ..., с. 141.

устойчивую мечту, которая никогда не осуществлялась из-за несовместимости с требованиями культуры²². Действительно, это мог быть первый неосознанный бунт человека против жесткой регламентации, характерной для первобытных обществ.

С точки зрения Фрейда, управляемые Эдиповым комплексом "сыновья" на определенном этапе осознают несоответствие своего поступка "принципу реальности", иными словами, у них зарождается самосознание. На вопрос, почему именно в какой-то определенный момент, а не в другой, у "сыновей" просыпается самосознание, которое прокладывает путь для развития культуры, Фрейд ответа не дает. Он также не говорит и о том, происходит ли пробуждение самосознания в одной или нескольких, или во всех ордах сразу. По аналогии со схемой развития детской психики можно предположить, что эти качественные изменения запрограммированы в биологическом коде.

На определенном этапе развития младенца согласно фрейдской схеме благодаря системе восприятия внешнего мира как объекта, "поверхность" его бессознательного ("Оно") охватывает "Я", которое стремится заменить безраздельно властвующий в "Оно" "принцип наслаждения" "принципом реальности". Между "Оно" и "Я" на уровне индивида возникает конфликт, как и между суммированными инстинктами индивидов и "принципов реальности" на уровне человеческой популяции. Для решения этого конфликта Фрейд вводит третью внутриспихическую инстанцию - "сверх-Я". "Сверх-Я" - наследник комплекса Эдипа и выражение самых мощных движений "Оно" и самых важных либидозных судеб его²³. "Сверх-Я" выступает в качестве "адвоката" внутреннего психического мира в отношении с "Я" как представителя преимущественно реальности и внешнего мира²⁴. "Сверх-Я" формируется в психике ребенка путем интериоризации воспитания, осуществляемого родителями. Через родителей также передаются нормы и запреты, существующие в культуре. Таким образом, "Сверх-Я" можно представить как сферу интериоризации норм и ценностей культуры в психике человека.

На наш взгляд, "Сверх-Я" можно считать неким неполным

22 Клеман К.Б., Брюно П. Сэв. Л. Марксистская критика психоанализа. М., 1976, с. 177.

23 Фрейд З. "Я" и "Оно". - В сб.: Хрестоматия по истории психологии. М., 1980, с. 201.

24 Фрейд З. "Я" и "Оно" ... с. 201.

прототипом культуры²⁵. Это своеобразная модель культуры на индивидуальном уровне. По мнению Фрейда, психика каждого индивида в процессе развития в сокращенном виде переживает все драмы и трагедии истории культуры: инстинктивное стремление к наслаждению и его подавление, вытеснение с наложением на него табу, вторичное появление в сознании "первичного влечения" в искаженном виде как симптома и т.д.²⁶. Появление в психике ребенка "Сверх-Я" также соответствует началу культурного развития в человеческом обществе.

Таким образом, культурологическая теория Фрейда содержит непреодоленное противоречие. С одной стороны, развитие культуры объясняется через психическое развитие ребенка, а с другой, — психическое развитие ребенка объясняется через развитие культуры. Фрейду так и не удалось разорвать этот логический круг. Тем не менее основатель психоанализа в своем учении о культуре явно отдает предпочтение объяснению культуры, исходящему из особенностей индивидуальной психики. Добавим к сказанному, что методологический прием, который использует Фрейд в своем описании возникновения культуры (общественный договор, заключенный между "сыновьями") является возрождением типичной для философии XVII—XVIII веков спекулятивной метафизической схемы, имеющей малое отношение к реальному историческому процессу.

"Сверх-Я", как уже говорилось, выполняет в психике функции посредника между "Оно" и "Я". Отсюда двойственная роль "Сверх-Я". Во-первых, оно репрессирует и вытесняет сексуальные инстинкты, во-вторых, способствует направлению энергии из бессознательного по приемлемым с точки зрения "принципа реальности" каналам. Культура в трактовке Фрейда также имеет две стороны²⁷, которые как нам представляется, можно

²⁵ В статье "Неудовлетворенность культурой" Фрейд писал: "Общество вырабатывает свое "Сверх-Я", под влиянием которого происходит культурное развитие. Это "Сверх-Я" основано на впечатлении, следе, которые составляют ведущие личности". — с. 327. Значит, "сыновей" можно считать первыми "ведущими личностями" в истории человечества.

²⁶ Фрейд *З. Тотем и табу...*, с. 152-153; *Будущность одной иллюзии...*, с. 12; *Неудовлетворенность культурой ...*, с. 287.

²⁷ Фрейд выделяет в культуре: 1. Средство для защиты культуры, средства принуждения и другие средства, которые должны дать возможность примирить людей с культурой; 2. Духовное достояние культуры, которое является возна-

обозначить как формальную и содержательную. Эти две стороны культуры тесно взаимосвязаны и зависят друг от друга. Правда, формальная сторона культуры является предварительным условием и гарантом существования содержательной стороны. Формальная сторона базируется на запрете и принуждении, ибо "масса, по вульгарному замечанию Фрейда, инертна и ленива, и не любит отказываться от влечений"²⁸. Очень существенно, что структура запретов, по Фрейду, в течение истории остается одинаковой и не изменяется. Табу, которое первобытный человек наложил на деструктивность своего поведения, руководимого сексуальными инстинктами, репродуцируется во все времена. Постоянным остается и объект запрета. Единственное, что изменяется, так это отношение человека к запрету, оно в результате развития психики становится все более осознанным. Это развитие, стимулируемое процессом усвоения требований культуры, имеет целью интериоризировать в "Сверх-Я" некогда внешние запреты. В этом, по Фрейду, и заключается прогресс культуры²⁹. Поэтому он писал, что табу "по психологической природе своей является ни чем иным, как "категорическим императивом" Канта, действующим навязчиво и отрицающим всякую сознательную мотивировку"³⁰.

Итак, формальная сторона культуры сводится Фрейдом к нескольким основным табу на сексуальные бессознательные инстинкты, установленным в начале культуры и репродуцируемым с незначительными изменениями в дальнейшем.

Изменяется ли содержательная часть культуры? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо опять обратиться к истокам культуры. Как во всей органической природе, так и в жизни

граждением людей за принесенные ими жертвы (имеется в виду подавление инстинктов - В.Б.) - Фрейд З. Будущность одной иллюзии, с. 12.

²⁸ Фрейд З. Будущность одной иллюзии, с. 10.

²⁹ "Развитие пережила и критика по направлению к интериоризации "Сверх-Я"; внешнее принуждение сделалось внутренним..., благодаря чему люди становились моральными и социально ориентированными ... Это окрепшее "Сверх-Я" - чрезвычайно ценное психологическое приобретение культуры". - Фрейд З. Будущность одной иллюзии..., с. 13-14.

³⁰ Фрейд З. Тотем и табу, с. 12. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. - В кн.: Фрейд З. Избранное. Т. I. Лондон, 1969, с. 36, 56.

человека "действуют, по существу, вынужденные повторения"³¹. Первичные позывы, которые являются источником и материалом для культурообразования, Фрейд характеризует как присущую органической жизни инерционную тягу к восстановлению какого-то пережитого состояния, от которого пришлось отказаться под давлением внешних сил³². Как в индивидуальной психике постоянно репродуцируются старые "возможно и доиндивидуальные события" (например, психическая травма от факта рождения), так и "историю можно назвать медленным возвращением подавленного, что проявляется у всех людей без различия языков, филогенетически"³³ (разрядка моя - В.В.). Исходя из этих смелых предположений Фрейд предлагает предельную схематизацию развития культуры. Он фактически сводит содержательную часть культуры к результатам взаимодействия Эдипова комплекса с другими инстанциями психики³⁴. Так, например, в изменяющихся религиозных формах постоянно присутствуют мотивы Эдипова комплекса, хотя Фрейд и выделяет последовательно сменяющиеся стадии религии, соответствующие фазам развития психики³⁵. Сущность религиозного сознания и механизм его функционирования во всех фазах в общем остаются такими же, как и в тотемизме, видоизменяются лишь формы ритуала. Бытесненные когда-то и забытые "первичные позывы" в

31 Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. - В кн.: Фрейд З. Избранное. Т. I. Лондон, 1969, с. 50.

32 Фрейд З. Страх. М., 1927, с. 57; Повторяемость процессов, протекающих в психике, Фрейд детерминирует биологически: порядок в психике, созданный на "экономии психической и другой энергии, состоит в своего рода принудительном повторении". - Фрейд З. Неудовлетворенность культурой, с. 284.

33 Freud, S. Moses and Monotheism. N-Y., 1939, p. 170.

34 "Проблема душевной жизни народа может быть разрешена, если исходить из одного только конкретного пункта, каким является отношение к отцу" (Разрядка моя - В.В.). Фрейд добавляет также один важный момент, на котором строится культура - амбивалентность чувств, которая приобретается благодаря "переживанию отцовского комплекса". - Фрейд З. Тотем и табу ..., с. 165.

35 Три стадии развития индивидуального либидо соответствуют трем стадиям человеческого мировоззрения: 1. Нарцизм - анимизму; 2) Любовь к объекту (привязанность к родителям) - религиозной фазе; 3. Зрелость индивида, отказ от принципа удовольствия, поиски объекта во внешнем мире, приспособление к реальности - научной стадии. Фрейд З. Тотем и табу, с. 100-101.

искаженном виде пробиваются из психики индивидов и становятся общим достоянием. Эти "искаженные" инстинкты составляют ядро всех культурных ценностей. Они в то же время являются и знаками, указывающими на их истинный источник (ср. с симптомами у невротиков).

Часть культурных ценностей создается путем сублимации. Сексуальная энергия трансформируется в родственную ей психическую³⁶. В результате элемент культуры, базирующийся на сублимации, также состоит из знаков некогда вытесненных сексуальных влечений. Можно предположить, что оригинальность этих элементов зависит от оригинальности компоновки знаков, не более. Так, мифологию Фрейд считал проецированной во внешний мир психологией³⁷, а социальную психологию рассматривал как трансформацию Эдипова комплекса - "зависимость от отца стала причиной массовой психологии"³⁸.

Таким образом, содержательная часть культуры фактически не развивается, а воспроизводит "вытесненные", "забытые" бессознательные влечения, которые вступают в конфликт с формальной частью культуры. В результате возникают "искаженные", замаскированные образования. Новое предстает как "хорошо забытое старое". Единственное, в развитии чего Фрейд не сомневается, это сознательность, т.е. способность человека регулировать свое поведение в соответствии с требованиями культуры.

Отрицая развитие духовной культуры, Фрейд не мог отрицать технический прогресс. Чтобы избежать возможных противоречий, он старается вообще не рассматривать материальную культуру, а только констатирует ее прогресс. Остальные высказывания основателя психоанализа о развитии цивилизации остаются лишь декларациями, т.к. не совмещаются с основными принципами его учения.

Концепцию Фрейда, на деле отрицающую развитие культуры, можно назвать контристорической. Каждое новое поколение людей под давлением вечных табу вновь проигрывает архаические

³⁶ Фрейд З. Психологические этюды, с. 43, 37.

³⁷ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни, с. 145.

³⁸ Его же. Массовая психология и анализ человеческого "Я". - В кн.: Фрейд З. Избранное. Т. I. Лондон, 1969, с. 102, 108, 123, 125, 126, 130.

сюжеты, лежащие в основе цивилизации³⁹. Некоторые из этих сюжетов, наиболее значимые в контексте психоаналитических идей и постоянно повторяющиеся (например, убийство отца), переходят в "архаическую наследственность", иными словами, "следы памяти" о пережитом прошлыми поколениями закрепляются и передаются психике последующих поколений⁴⁰. Из этого следует, что "психическая память индивидов способна каким-то образом сохранить опыт предидущих поколений"⁴¹. Фрейд исходил из идеи биологического наследования приобретенных качеств прижизненного опыта и распространения биогенетического закона Геккеля на развитие индивидуальной психики⁴². Он прекрасно знал, что экспериментальные данные биологии опровергают эту ненаучную идею, но тем не менее настаивал на ней⁴³.

Проведенный анализ показывает, что в качестве субстрата культуры Фрейдом выделяется психическое поле индивида, которое оказывается местом постоянного, неутихающего конфликта между сознанием и бессознательным, "цензором" и влечениями, "Я" и "Оно", "принципом реальности" и "принципом удовольствия". Только из этого противоречия рождается культура. Ее главные цели и назначение - смягчать и регулировать эти противоречия, ее главное содержание можно понять только на основе анализа этих противоречий⁴⁴. Поэтому, в известном смысле, субстрат культуры у Фрейда двойствен-

³⁹ Фрейд утверждал: "Культура зиждется на результатах вытеснения прежних поколений и от каждого нового поколения требуется сохранение этой культуры путем аналогичного вытеснения". - Цит. по: Виттельс, указ. соч., с.122.

⁴⁰ См.: Клеман К.Б. и др., указ. соч., с. 165.

⁴¹ Ребане Я.К. "Надорганическое" и некоторые современные схемы преемственности биологического и социально-культурного. - Учен. зап./Тартуский гос. ун-т, вып.273. Тарту, 1971, с. 217.

⁴² Там же.

⁴³ "Я не могу рисовать картину биологического развития, не учитывая этот фактор" (наследование приобретенных качеств - В.В.) - иначе мы не можем двигаться вперед в нашем анализе персональной и коллективной психологии" - Freud, S. Moses and Monotheism... p. 128.

⁴⁴ Необходимо отметить, что Фрейд выделял еще два фактора, оказывающих влияние на развитие культуры. Во-первых, деятельность и влияние личности великого человека, во-вторых, т.н. "имперсональный фактор" - "экономические обстоятельства". В целом эти два фактора выпадают из концепции, так как их действие на культуру опосредовано, кроме того, они появляются лишь в последних рабо-

нен, что прямо связано с присущей мировоззрению основателя психоанализа двойственностью. Именно из такой трактовки культуры следует идея Фрейда, занимавшая его особенно в последний период жизни, о непримиримом конфликте между человеком и культурой и сделавшая из него резкого критика буржуазного общества⁴⁵.

В заключение отметим, что определяя в качестве субстрата культуры психическое поле индивида, Фрейд исходил из метафизического воззрения на развитие человека. Основным положением этого воззрения является утверждение о неизменной природе абстрактного индивида. Характеризуя такого рода позиции, К. Маркс писал, что индивид этот представляется идеалом, существование которого относится к прошлому, он представляется не результатом истории, а ее исходным пунктом, ибо он соответствует для сторонников таких взглядов природе и признается не возникающим в ходе истории, а чем-то данным самой природой⁴⁶. Такие взгляды, которые можно назвать биопсихическим редукционизмом, неизбежно привели основоположника психоанализа к антиисторизму (для того, чтобы привести свою концепцию в соответствие с изменяющейся действительностью. Фрейд постулировал антинаучный принцип наследования приобретенных качеств) и неправильному объяснению социокультурных процессов. Однако критически изучая биопсихический редукционизм, нужно различать конкретные версии редукционизма, редукционизм как общую гносеологическую установку и обобщение метода редукции как один из важнейших средств современного научного познания⁴⁷.

тах. См.: Фрейд З. Массовая психология и анализ "человеческого "я" ... с. 125-130; Будущность одной иллюзии ... с. 10-11;

45 Фрейд З. Неудовлетворенность культурой, Будущность одной иллюзии, Психология масс и анализ человеческого "я".

46 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 46/1/, с. 18.

47 См.: Федосеев П.Н. Е.И. Ленин и философские проблемы современного естествознания. - Вопросы философии, 1981, № 6, с. 41-42.

КАНТОВСКОЕ ПОНИМАНИЕ РЕФОРМЫ КАК СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Е.А. Голиков

Социально-политические взгляды И. Канта в целом изучены менее, чем его гносеологическое или этическое учение. К числу наименее исследованных проблем социально-политического учения кенигсбергского мыслителя относится и вопрос о реформистском пути развития общества, о сущности социальной реформы и ее месте в ряду других средств общественного преобразования. То, что политические взгляды философа и, в частности его понимание социальной реформы, оказались обойденными вниманием¹, имеет, несомненно свои причины: целостной политической доктрины Кант никогда не разрабатывал, его социально-политические взгляды излагались в весьма фрагментарной форме, как правило, в связи с другими главным образом теоретическими проблемами. Отдельные высказывания по проблемам политики разбросаны по различным текстам (они встречаются,

¹ В советской философской литературе взгляды Канта на реформу специально не рассматривались. По этому вопросу имеется лишь несколько отдельных замечаний в работах, посвященных анализу политико-правовых концепций философа. См., напр.: Галанза П.Н. Учение И. Канта о государстве и праве. М., 1960; Деборин А.М. Социально-политические учения нового времени, т. 2. М., 1967; Пионтковский А.А. Теория права и государства Канта. - В кн.: Философия Канта и современность. М., 1974, с. 152-183; Политические учения: История и современность. Домарксистская политическая мысль./Под ред. Гулиева В.Б. и др. М., 1976; Соловьев Э.Ю. Теория "общественного договора" и кантовское моральное обоснование права. - В кн.: Философия Канта и современность, с. 184-235.

В зарубежной немарксистской литературе, по нашим сведениям, также нет специальных исследований по проблеме реформы в кантовской философии. Вопрос о реформе рассматривается, как правило, в контексте политико-правовых взглядов мыслителя. Из довольно обширной литературы укажем на следующие работы: Borries, K. Kant als Politiker. - In: Zum Staats- und Gesellschaftslehre der Kritizismus. Leipzig, 1928; Materialien zu Kants Rechtsphilosophie./Hrsg. von Z. Batscha. Frankfurt am Main, 1976; Sauer, H. Kants Weg vom Krieg zum Frieden. Bd. I, München, 1967.

например, и в "Критике чистого разума"), в том числе немало суждений политического содержания имеется в рукописном наследии философа. Во всем этом множестве высказываний, несомненно, присутствует определенное философско-мировоззренческое единство, но для его обнаружения и содержательного раскрытия необходима еще значительная работа как по систематизации идей и высказываний Канта по проблемам социально-политической жизни, содержащихся в его произведениях, фрагментах и заметках, так и реконструкции политического облика философа, его поведения как гражданина, его оценки важнейших событий общественной жизни и т.д. Осуществление подобной задачи предполагает привлечение биографического, мемуарного материала о жизни и деятельности мыслителя, делает необходимым рассмотрение его идей и теорий в контексте событий эпохи, и хотя полностью подобная реконструкция вряд ли возможна, все же вполне справедливым представляется утверждение о том, что политико-правовая концепция Канта в целом также проникнута революционно-радикальным пафосом, как и его учение о морали или гносеология².

Характеризуя взгляды Канта на пути и формы социально-исторического развития многие исследователи отмечают, что философ отдавал предпочтение таким социальным изменениям, которые осуществляются путем реформы. Наличие в работах Канта высказываний, в которых подвергаются суровому осуждению разрушающие правопорядок стихийные действия народа, нередко принимаются за выражение сугубо реформистской, более того, антиреволюционной ориентации политических взглядов Канта³. Подобный вывод противоречит общему духу кантовской философии,

² "Для философских современников Канта, - пишет Э.Ю. Соловьев, - подспудное содержание его учения о государстве и праве никогда не было загадкой. И Фихте, и Шеллинг, и молодой Гегель воспринимают его как освободительную, радикально-критическую концепцию. Консервативное или умеренно-реформистское истолкование этого учения показалось бы им нелепостью". Соловьев Э.Ю., ук. ст., с. 185-186.

³ Так, в одной из последних работ А.В. Гулыги находим такую характеристику отношения Канта к возможности революционного преобразования общества: "Человечеству вообще мало пользы, а культуре большой вред от любой попытки насильственно изменить сложившуюся органическую структуру и естественное развитие общества". Гулыга А.В. Кант сегодня. - В кн.: Кант И. Трактаты и письма. - М.: Наука, 1980, с. 28.

бывшей идеологическим выражением революционных устремлений класса буржуазии в тот период, когда борьба за ее интересы была в то же время формой осуществления наиболее прогрессивных интересов общества в целом. Думается, что именно это обстоятельство отметил молодой Маркс, когда характеризовал социально-политическое учение Канта как немецкую теорию французской революции, противопоставив кантовское учение консервативной "исторической школе права", представители которой опирались на определенные положения гегелевской философии⁴. Вывод о преобладании в политическом учении Канта консервативно-реформистской тенденции не согласуется и с собственными высказываниями философа, если рассматривать его взгляды не как отдельные положения, вырванные из контекста, а как целое. По нашему мнению, немаловажное значение для понимания общей тенденции политической теории Канта имеют его взгляды на реформу. Не ставя своей задачей дать исчерпывающий анализ данной проблемы, мы будем стремиться прежде всего к тому, чтобы показать нетривиальность кантовского понимания социальной реформы, известную актуальность и злободневность его размышлений по этому вопросу и противоположность кантовского отношения к реформизму как таковому.

Реформа рассматривается Кантом как наиболее приемлемое и разумное средство изменения социально-политической структуры общества, причем предпочтение реформы другим средствам общественного преобразования, например, революции, не означает обязательного их отрицания. Понятие реформы определяется Кантом не столько путем противопоставления ее революции, сколько через соотнесение с ней. Подобно революции реформа представляет собой средство изменения политической структуры общества. В обоих случаях такое изменение продиктовано необходимостью приведения государственного управления в соответствие с требованиями общественного договора, в интерпретации которого в работах виднейших мыслителей нового времени находили выражение наиболее существенные и глубокие интересы революционной буржуазии. Хотя договорные теории были весьма абстрактным выражением этих интересов, все же связь между идеологическими формулировками договорных теорий, например, Руссо, Гоббса или Канта и социально-классовыми интересами

⁴ "Если поэтому философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции, то естественное право Луго нужно считать немецкой теорией французского ancien regime", - Маркс К. Философский манифест исторической школы права. - Б: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. I, с. 88.

той или иной группы буржуазии может быть прослежена достаточно четко.

Поскольку европейская буржуазия XVII-XVIII веков в целом была носителем прогрессивного способа производства и соответствовавшей ему идеологии, то в договорных теориях могли актуализироваться и некоторые общечеловеческие, гуманистические интересы, идеалы и ценности. Для большинства договорных теорий было характерно представление о том, что одной из существенных причин возникновения социальных антагонизмов и политической нестабильности является нарушение условий общественного договора деспотически действующим правителем. Нежелание последнего проводить необходимые изменения и улучшения способа правления может привести к стихийному взрыву, к революции. Подобное представление о стихийно-разрушительном характере революционного преобразования свойственно и работам Канта.

В полемически заостренных формулировках кенигсбергского мыслителя, содержащих суровое осуждение стихийности революционного разрушения, сказывалось не только влияние политической традиции Т. Гоббса, но и осмысление опыта революционных преобразований, свидетелем которых Канту довелось быть. Но за пафосом осуждения недостатков революции у Канта никогда не стояло полное отрицание ее. Прежде всего это касается понимания целей революционного преобразования. Философ ясно сознавал и горячо приветствовал не только необходимость прогрессивного развития общества, но и реальные шаги по пути прогресса. Само понимание Кантом общественного прогресса требует известного уточнения. Сущностью прогрессивного развития человеческого общества для мыслителя выступал процесс постепенного "очеловечивания" истории, увеличение доли гуманистически-нравственного начала в отношениях между людьми и государствами. Средством и внешней формой выражения прогресса нравственности, по Канту, является совершенствование политико-правовых структур.

Прогресс нравственного сознания приобретает непрерывный и поступательный характер только при наличии правопорядка, способного сдерживать проявления природно-эгоистических склонностей индивидов. Возникновение правопорядка оказывается в свою очередь возможным благодаря двойственности человеческой природы, наличия в ней не только эмпирически-чувственных склонностей, но и способности к разумно-нравственному поведению. Последним может считаться лишь такое поведение, в ко-

тором реализуются не индивидуалистические склонности, а общечеловеческие принципы, осознаваемые в качестве велений долга. Следование этим велениям, способность выбрать и осуществить в акте индивидуального поведения общечеловеческое, по мнению Канта, делает человека свободной, разумной и нравственной личностью. Развитие этого начала в человеке, полагал Кант, как раз и составляет содержание исторического прогресса.

Несмотря на то, что Кант в понимании человека в целом оставался еще на неисторических позициях, согласно которым человеческая природа изначально двойственна, — тем не менее нравственно-разумное начало в человеке может проявиться, актуализироваться только при определенных социальных и политических предпосылках. Отсутствие внешне сдерживающего начала (правопорядка) в отношениях между людьми приводит к почти полному господству чувственных склонностей над разумными побуждениями, и в этом "естественном" состоянии царит "война всех против всех". Переход к правозаконному, гражданскому состоянию общества, по мнению Канта, хотя и является необходимым требованием разума, вытекающим из идеи первоначального договора, осуществляется тем не менее в значительной степени стихийным образом: стихийность общественного развития на стадии доправового (естественного) состояния с необходимостью приводит к тому, что способы осуществления прогрессивных изменений первоначально столь же стихийно-неразумны: "Переход из состояния дикости к гражданскому, грубого к развиту (изобилие) вкусу и искусству, от незнания — к научному просвещению, короче говоря: от несовершеннолетия к совершеннолетию суть самое плохое"⁵.

Но стихийный характер общественного развития, полагал Кант, не исчезает полностью с возникновением гражданского общества и правопорядка. Еще долгое время основными движущими силами общественного прогресса будут оставаться социальные антагонизмы, конкуренция между индивидами и государства-

⁵ См. Kant's gesammelte Schriften. — Hrsg. von der Preuss. Akad. d. Wiss. Berlin und Leipzig, Bd. V, N 1423, S. 621. О насилии как средстве создания правопорядка при переходе к гражданскому обществу Кант говорит и в "Метафизике нравов": "Искать свидетельства истории этого механизма бесполезно, т.е. обратиться до начального периода гражданского общества невозможно (ибо дикари не составляют никакого документа относительно своего подчинения закону, и уже из самой природы первобытных людей можно сделать вывод, что они начинали здесь с насилия)". Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 4, ч. 2, с. 266.

ми, войны и насильственные политические перевороты, грозящие всякий раз низвергнуть общество в пучину несправедливого состояния. Кант видел также и положительную сторону конкуренции между людьми, этой "необщительной общительности": ее итогом является совершенствование и развитие всех природных задатков человека, а также в конечном итоге прогрессивное развитие форм государственного устройства. Пока сохраняется состояние конкуренции, считал философ, неизбежны и элементы стихийности в развитии общества. Только полное торжество принципа республиканизма в государственно-политической практике может привести к тому, что общество будет развиваться без противоречий, как бы автоматически. Но нравственным долгом мыслящих существ, особенно обладающих властью, является обуздание этой стихийности, придание социальному прогрессу насколько это возможно разумного характера уже сегодня. Подобное понимание разумных и стихийных моментов общественного развития определило и кантовское отношение к реформе и революции.

Реформа, по мнению кенигсбергского мыслителя, предпочтительнее революции именно потому, что разумное, осознанное действие более достойно человека и скорее ведет к цели, чем действие, движимое аффектами. Реформа не противоположна революции по своим целям, она — лишь более совершенное средство достижения тех же самых целей в политической и социальной области. Важный признак, отличающий реформу от революции, состоит в том, что она осуществляется самой государственной властью, что обуславливает наличие в развитии путем реформы двух преимуществ перед революционным способом развития: мирный характер развития и сохранение, более того, укрепление законности и правопорядка. Своевременное проведение реформ, подчеркивал Кант, не только свидетельствует о государственной мудрости, но и является прямым долгом правителей: "Государственная мудрость... вменит себе в обязанность при настоящем положении вещей провести реформы, соответствующие идеалу публичного права..."⁶.

Являясь разумным, т.е. соответствующим требованиям практического разума средством общественного прогресса, реформистский путь развития предполагает наличие разума и в головах тех, кому моральный долг в первую очередь предписывает проведение реформ, т.е. государственных руководителей. Если

⁶ Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 6, с. 293.

же своевременно и разумно задуманные реформы оказываются неосуществленными, то все равно дело общественного прогресса не может остановиться и назревшие перемены рано или поздно будут проведены, но эти перемены могут иметь в таком случае природно-стихийный характер, приводить к ненужным жертвам и разрушениям. К сожалению, бедствия, вызываемые неудовлетворительным управлением и следующими за ним революциями, выпадают не только на головы нерадивых властителей, для которых они не более, как справедливое воздаяние, но и на массу ни в чем не повинных людей.

Истинная реформа, полагал Кант, в одном существенном отношении все же не должна уступать революции, а именно в радикальности проводимых преобразований. Реформа должна служить не для подновления или укрепления деспотического режима, а для коренного, качественного его изменения, должна служить средством перехода от деспотического к республиканскому устройству. Данное обстоятельство отмечено Э.Ю. Соловьевым: "Под реформами... Кант понимает структурные реформы в строгом значении этого слова, радикально-реформаторские действия власти"⁷. Цель реформы — ограничение, а в перспективе и полное устранение своеволия правящей олигархии, укрепление законности и правопорядка. Кант неоднократно подчеркивал, что лучшим политическим устройством является то, при котором правят не люди, а законы.

Как уже было отмечено, основное различие между реформой и революцией в политической философии Канта проводилось в зависимости от того, кто выступает субъектом социально-политического преобразования. Субъектом реформы должен быть только глава государства, а ее осуществление — дело правительства и государственной администрации: "изменения в (имеющем изъяны) государственном устройстве, которые иногда требуются, могут быть проведены только самим сувереном путем реформы, а не народом, стало быть, путем революции..."⁸.

Для Канта был достаточно сложным вопрос о сфере приложения реформы. Так в одном месте читаем: проводимые изменения "могут касаться лишь исполнительной власти, но не законодательной"⁹. Правильное понимание данного положения должно

⁷ Философия Канта и современность, с. 227.

⁸ Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 4, ч. 2, с. 244-245.

⁹ Там же.

учитывать сложное и не лишнее противоречий отношение Канта к проблеме суверенитета. Кант различает понятия ноуменального и реального суверенитета, но не всегда четко дифференцирует различное отношение к тому и другому со стороны подданных. Суверенитет вообще, для Канта, есть трансцендентальный принцип, в котором воплощается идеальная всеобщая воля, следовательно, — суверен — это ноуменальная личность, а не физическое лицо¹⁰. Последнее (монарх или другой носитель суверенитета) лишь представляет всеобщую волю граждан общества, но не может по своему произволу подменить ее. Суверенна лишь объединенная разумно-всеобщая воля всех, но не частная воля отдельного лица, поэтому понятно, что только по отношению к ноуменальному субъекту законодательной власти невозможно никакое физическое или моральное принуждение, ибо он сам — основа всякого правового принуждения и права. Различие между физическим и ноуменальным сувереном, проводимое Кантом, дает возможность предположить, что философ должен был бы допускать изменения и реальной законодательной власти. Но подобных допущений Кант не делал, что, видимо, объясняется тем, что, по мнению философа, осуществление законности в феноменальном мире предполагает отношение к существующему весьма несовершенному порядку вещей так как если бы этот порядок был идеальным. Поэтому реальная законодательная власть должна изменяться и совершенствоваться, но не в результате внешнего принуждения.

Следует отметить, что в данном пункте анализа отношения Канта к проблеме реформы можно выделить два способа, при помощи которых философ обосновывал необходимость осуществления реформ: политический и нравственный. С точки зрения кантовского учения о ноуменальном суверенитете действительность реального носителя законодательной власти ограничивается только одним, причем чисто моральным условием: "чего народ не может решить относительно самого себя, того и законодатель не может решить относительно народа"¹¹. Проведение политических реформ, таким образом, является нравственным долгом носителей реальной государственной власти и поэтому, полагал Кант, непозволительно, чтобы вместе с ликвидацией присущих этой

¹⁰ См.: Там же, с. 80, 83 (сноска). В одном из набросков к "Метафизике нравов Кант прямо отмечал: "Суверен суть идеальная личность и не имеет собственности". Kant's gesammelte Schriften. Bd. XIX, № 7540, Y. 450.

¹¹ Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 4, ч. 2, с. 96.

власти недостатков уничтожался бы и принцип законности, но умёнальный правопорядок, что весьма возможно, когда законодателя принуждают извне, физически.

Перед Кантом не мог не возникнуть вопрос о том, достаточно ли чисто моральных средств (морального убеждения) для осуществления нравственного прогресса? Философ достаточно трезво оценивал нравственный потенциал власть имущих, справедливо полагая, что нравственный облик правителя определяется спецификой политического управления как такового: "Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями, да этого и не следует желать, так как обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума"¹².

Размышления над ходом исторического развития и собственный политический опыт должны были побудить Канта к поискам политических средств осуществления реформ. Важную роль при этом играли события Французской революции. Они во многом убедили Канта в том, что народное возмущение способно порождать не только насилие, произвол и анархию, но и твердый и справедливый правопорядок¹³. Весьма важным для мыслителя было то обстоятельство, что народ имеет волю, непреклонное стремление уничтожить деспотический порядок. Что касается наделенного суверенной властью монарха, правящего деспотически, то здесь трудно рассчитывать не только на инициативу в проведении преобразований, не только на чувство гражданского долга, но и на элементарный здравый смысл. Даже под угрозой революционного взрыва деспотически действующая государ-

¹² Кант И. Соч. в 6-ти т. т. 6, с. 289.

¹³ Свообразие кантовского отношения к событиям Французской революции состояло в том, что он выдел в ней прежде всего фактор нравственного прогресса человечества. Этой же цели служит и воспитание личности. Содержанием того и другого, по мнению Канта, является переход человечества от "несовершеннолетия" к "совершеннолетию", к состоянию, в котором человек не только обладал бы духовной свободой, но и умел бы ею пользоваться. Кант был убежден, что духовное совершеннолетие личности может быть только ее собственным делом, только результатом ее собственных усилий. Всякое вмешательство извне, ограничивающее (даже из благих побуждений) духовную свободу личности, делает ее нравственно инфантильной, что влечет инфантилизм политический. Эта идея необходимости нравственной автономии личности оказала влияние и на отношение Канта к народу как политической силе.

ственная власть не решается на реформы, хотя они были бы необходимы прежде всего для ее собственного спасения. Политический реализм должен был побудить кенигсбергского мыслителя обратиться к поискам реальных условий проведения реформ, и надо отметить, что Кант в соответствии с главенствующей демократической установкой своего мировоззрения искал эти условия прежде всего в народной инициативе, которая могла бы носить правозаконный характер.

Ничто так не портит граждан государства, как бесконтрольное обладание властью, ничто их так не воспитывает, облагораживает и дисциплинирует, как контроль над исполнением законов и участие в принятии законодательных решений! Не "благоразумие" и "совестливость" государей, а инициатива подданных в рамках законности, использование гражданами так называемых "негативных" прав, "дух свободы" – вот что в конечном итоге побуждает государей на проведение назревших преобразований. Ближайшая цель реформы – увеличение духовной свободы, без которой, как был убежден Кант, невозможен никакой нравственный, политический и социальный прогресс. Но наличие духовной свободы: права выразить и защищать свое мнение, собственное понимание государственной политики в пределах, предусмотренных законом, одно из решающих, если не решающее условие успешности предпринимаемых реформ. Более того, власть имущие вообще не пойдут на реформы, если в обществе отсутствуют законные средства обратного воздействия (обратной связи, как сказали бы сегодня) граждан на систему правящей власти. Фиксируя внутренне противоречивый статус реформы в условиях феодально-деспотического режима, проявляющийся в том, что чем разумнее и желательнее представляется реформистский путь развития, тем менее он возможен, Кант весьма близко подходит к пониманию причин данного противоречия. Это понимание текстуально почти невыраженно, но оно отчетливо угадывается из общего контекста философско-исторических, политико-правовых и религиозных размышлений Канта. Этой общей причиной является отчуждение народа от политической жизни общества. Кант вполне определенно мог бы сказать, что, если в обществе политическая деятельность для огромного большинства народа попросту оказывается невозможной, поскольку законодательно не определено, что можно, а чего нельзя, и поэтому нет ни самодисциплины, ни уважения перед законом, ни элементарного порядка, то любое проявление "духа свободы" классифицируется как преступление, "повиновение же

без духа свободы, — подчеркивал Кант, — есть причина, вызывающая возникновение всех тайных обществ"¹⁴. Самое же печальное состоит в том, что люди, граждане общества, в такой ситуации тотального подавления лишаются всякого представления о каких бы то ни было нравственных и правовых критериях, определяющих меру социальной целесообразности, допустимости в политическом поведении. Парадокс заключается в том, что, когда "ничего нельзя", то на самом деле "все можно". Разгул насилия и социальная анархия являются оборотной стороной чрезмерной социальной регламентации. Социальный организм в подобной ситуации постоянно балансирует на грани политического коллапса. Внешне общество в течение какого-то (иногда достаточно продолжительного) времени может казаться вполне стабильным, поскольку политически аморфная масса угнетаемых подданных не способна осознать свои общие интересы и как-то организовать для совместных действий, а отдельные проявления недовольства легко пресекаются. Но концентрация политической деятельности в руках небольшой группы политической элиты делает систему уязвимой в отношении переворотов "сверху": государство в подобном случае напоминает айсберг, подводная часть которого размывает морскими течениями. С другой стороны, что еще более опасно для политической системы, нарастает угроза насильственно-анархического переворота снизу (не путать с революцией!) в результате общего ухудшения эффективности управления и следующего за этим падения жизненного уровня массы населения как следствия бесконтрольной монополизации государственной власти. Кант с полным основанием опасался подобных переворотов, в которых не только находит выход "законное" возмущение масс за причиненные страдания и лишения, но и проявляются определенные отрицательные стороны стихийных народных выступлений.

В поздних работах Канта, посвященных вопросам политики, истории, морали и религии, уже можно обнаружить осознание противоречивости социально-исторического прогресса. По мнению Канта, общество, в котором отсутствует или ослабевает дух свободы, рискует вернуться к состоянию первобытного насилия, что действительно может обернуться гибелью для всей человеческой культуры.

Достаточно ясно Кант показал и несостоятельность либеральных иллюзий применительно к феодальной социально-полити-

¹⁴ Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 4, ч. 2, с. 97.

ческой системе: ведь в условиях феодальной деспотии успешные преобразования общества путем реформы невозможны или чрезвычайно затруднены сверху именно потому, что их предпосылкой служит то, что должно быть следствием и целью — наличие системы гарантированных законом и обеспеченных авторитетом и силой государственной власти духовных, гражданских и политических свобод. В том случае, когда граждане могут пользоваться такими свободами, они своими активными действиями в рамках предоставленных им законом "негативных" прав побуждают правительство проводить необходимые улучшения. К числу таких действий относятся: несогласие с политикой правительства по тем или иным вопросам в парламенте ("народу в парламенте разрешается иногда не уступать требованиям исполнительной власти..."¹⁵); протесты и жалобы, с которыми подданные могут обращаться к верховной власти; наконец, обсуждение методов правительственной политики в публичной печати, причем такое обсуждение, подчеркивал Кант, является даже нравственным долгом каждого человека как мыслящего существа, хотя как гражданин государства он обязан беспрекословно подчиняться распоряжениям властей¹⁶.

Предпосылкой духовной свободы, молчаливо принимаемой кантом, является совпадение основных интересов подданных и государственной власти¹⁷. В случае такого совпадения, т.е. в том случае, когда государство реально выражает интересы большинства, что в условиях классово-антагонистического общества невозможно в принципе, обе стороны, государство и подданные, кровно заинтересованы в знании истинного положения дел. Поэтому особую роль в подготовке и проведении реформ должна, по мнению Канта, играть свободная печать, через которую народ информирует правительство о собственных нуждах и обсуждает принимаемые властями меры¹⁸. Обе стороны в усло-

¹⁵ Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 4, ч. 2, с. 245.

¹⁶ Эта мысль развивается Кантом в статье "Ответ на вопрос: что такое Просвещение?" См.: Там же, т. 6, с. 29-31.

¹⁷ "Всякий нестропчивый подданный должен иметь возможность допускать, что государь его не хочет поступать с ним несправедливо". Там же, т. 4, ч. 2, с. 95.

¹⁸ "В самом деле допускать, что глава (государства) никогда не может ошибаться или быть несведущим в каком-нибудь деле, значило бы считать его боговдохновенным и стоящим выше человечества. Поэтому свобода печатного слова есть единственный палладум праг народа — свобода в рамках глубокого уважения и любви к своему государ-

виях подобного диалога, полагал Кант, действуют сообща, так как преследуют одну и ту же цель - благо государства, т.е. такой порядок, при котором каждому гарантируется свобода искать счастья в пределах, установленных законом¹⁹.

Наличие духовной свободы дает возможность всем мыслящим гражданам обсуждать любые мероприятия правительства и вообще положение дел в обществе с целью его дальнейшего улучшения. Реформы, проводимые властью в таком случае, не только справедливы, но и встречают со стороны подданных единодушное моральное одобрение, без которого ни одно мероприятие государства вообще не может дать положительного результата.

Таким образом, реформы, как полагал Кант, могут стать эффективным средством социального и нравственно-правового развития общества лишь в том случае, если: 1) в обществе реально существует духовная свобода, позволяющая мыслить и высказывать свои мысли; 2) между государственной властью и подданными наблюдается совпадение основных интересов; 3) граждане активно используют в пределах, допускаемых законом, "негативные" права, противодействуют ошибкам и злоупотреблениям, которые допускают правительственные чиновники, путем открытого высказывания своего мнения в публичных дискуссиях достигается единство взглядов (формируется "общественное мнение") всех или большинства членов общества по наиболее существенным вопросам общественной жизни, что является важнейшей предпосылкой успешности проводимых правительством преобразований; 4) через печать подданные доводят до сведения правительства истинное положение дел в государстве, чем облегчают принятие справедливых и правильных решений; 5) наконец, мероприятия властей, направленные на укрепление правопорядка и пресечение всевозможных злоупотреблений, осуществляемые путем реформы, легально и законно, встречают моральную поддержку народа, что не только обеспечивает успех этим начинаниям, но и укрепляет авторитет власти.

Кант отдавал себе отчет в том, что развитие при помощи реформ может стать реальностью лишь в том случае, если власть имущие смогут обуздать собственное своекорыстие и в

ственному устройству, поддерживаемая либеральным образом мысли подданных, который оно внушает (и в этом те, кто ищут сами), ограничивают друг друга, чтобы не утратить своей свободы". Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 4, ч. 2, с. 96.

¹⁹ Там же, с. 88.

делах государственного управления начнут руководствоваться принципами разума. Надежд на то, что феодально-деспотическая политическая система самостоятельно проникнется духом нравственности и разума, у философа было очень мало (некоторые иллюзии, которые он питал на этот счет, развеялись после смерти Фридриха II), а революция во Франции и личный политический опыт конца века окончательно убедили Канта в том, что общество не может развиваться в соответствии с только добрыми пожеланиями философов, и самые разумные средства политической деятельности не всегда сразу находят применение в реальной истории. Поэтому неизбежны и необходимы и другие средства исторического прогресса — от социальных революций, до глубоких интеллектуально-нравственных преобразований, совершающихся в сознании каждой личности.

x x
x

В заключение хотелось бы остановиться на двух проблемах, связанных с кантовским пониманием реформы. Первая из них касается общей оценки взглядов философа на реформу, их исторической значимости, что предполагает выяснение того, чем отличается понимание социальной реформы у Канта от соответствующего марксистского понимания, вторая — определения места реформы в ряду других средств социального преобразования.

I. Важнейшее, на наш взгляд, различие касается понимания глубинных, прежде всего социально-экономических причин общественного развития, создающих объективную основу и предпосылки для осуществления социальных преобразований. В противоположность Марксу Кант усматривал необходимую причину таких преобразований в прогрессе нравственного сознания, который, по его мнению, является естественной целью развития человеческого общества, обусловленной природой человека. Именно данное обстоятельство определило в целом идеалистический характер кантовского учения о реформе, то, что это учение в общем-то осталось в рамках нравственно-правовой видимости социально-политических явлений. Данное обстоятельство объясняет характерное для немецкого либерализма представление о том, что преобразования, проводимые путем реформы, основываются на совпадении интересов правительства и подданных.

В своей политической теории Кант, несомненно, не сумел

подняться выше либерально-демократической точки зрения, но хотелось бы отметить, что он весьма близко подошел к осознанию ее ограниченности. Кантовские взгляды на реформу дают доказательства для подобного утверждения двоякого рода. Во-первых, философ рассматривал источник реформ не только в нравственном долге правителя, но и в активной гражданской позиции подданных, "напоминающих" правителям об их долге перед обществом. Во-вторых, Кант никогда не ограничивал свое представление о необходимых и желательных путях общественно-го развития только реформой.

2. Правильное понимание отношения мыслителя к социальным реформам возможно только на основе анализа всей совокупности его взглядов в области общественно-политического развития. При этом прежде всего необходимо подчеркнуть глубокое единство между революцией и реформой в политических работах Канта, на что уже было указано в начале статьи.

Политические реформы, полагал Кант, выступают средством эволюционного развития общества, их проведение возможно при наличии единства целей и интересов основных общественных групп, либо же как результат компромасса между ними. Благодаря реформам прогресс легальности приобретает непрерывный и необратимый характер. Следовательно, эволюционное развитие, по Канту, возможно лишь благодаря укоренению принципа республиканизма в государственной политике. В условиях деспотического правления неизбежны и необходимы (в смысле природной необходимости, по Канту) стихийные и во многом разрушительные выступления народных масс, приводящие к политическим революциям. Последние расчищают почву для создания более совершенного гражданского устройства, основанного на принципах республиканизма. Логика развития политической мысли Канта, следовательно, такова, что не может быть "разумных реформ" без "неразумной политической революции".

Дальнейший прогресс легальности возможен уже в результате плавного эволюционирования общества, которое обеспечивается своевременно проводимыми реформами. Но прогресс легальности, полагал Кант, сам по себе не приводит к достижению конечной и высшей цели человеческой истории - созданию "царства целей". Переход к последнему возможен, по глубокому убеждению мыслителя, лишь в результате качественного изменения нравственного сознания каждой разумной личности - нравственной революции. Таким образом, Кант полагал, а точнее говоря, предчувствовал, что в царство должного, в царство

разума и справедливости можно войти только через ворота революции, через качественное изменение самого человека. Абстрактно-идеалистическая форма, в которую неизбежно должна была быть облечена эта кантовская идея в силу неразвитости социально-исторической практики, не должна заслонить от нас ее животрепещущей актуальности и величия.

**"ОСНОВАНИЯ ВСЯКОЙ МЕТАФИЗИКИ" В.Я. БРЮСОВА
(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)**

С.К. Кульюс

Философия и эстетика русского символизма эпохи его формирования – существенная страница, без восполнения которой невозможно создание достоверной концепции русского символизма как специфического явления русской культуры конца XIX – начала XX веков. Исследователи далеко не исчерпали возможностей и материалов, непосредственно связанных с решением названной проблемы. Предлагаемая статья, посвященная достаточно частному вопросу – реконструкции одного из пунктов неосуществленного замысла "Философских опытов" В.Я. Брюсова – позволит расширить наши представления о "связях" символизма с философией и с характере "переработки" определенной философской традиции в культуре символизма. В.Я. Брюсов – один из наиболее крупных представителей течения, и его "философские" штудии 1890-х гг. существенны не только для понимания некоторых особенностей формирования его собственного мировоззрения и творческого сознания, но и философии и эстетики символизма в целом.

Пятый пункт замысла "Философских опытов", получивший название "Основания всякой метафизики", свидетельствовал, что В. Брюсов, возложивший на себя функции вождя "новой школы" и вставший перед необходимостью изложения ее теоретического кредо, прибегнул к уникальной попытке конструирования некоторой "идеальной" философии, универсальной по характеру и адекватной, с точки зрения будущего мэтра символизма, эпохе *fin de siècle*. Попытка эта была "подготовлена" и продиктована неудовлетворенностью В. Брюсова различными аспектами изучаемых им философских систем (Кант, Спиноза, Ницше, Шопенгауэр, Лейбниц, Бл. Соловьев)¹ и неудачными поисками "идеальной", максимально отвечающей нуждам символизма философии в истории мировой философской мысли.

¹ См.: Кульюс С.К. Формирование философско-эстетических взглядов В. Брюсова и его творчество 1890-х годов. Автореф. дис. канд. филос. наук. Тарту 1981.

"Основания всякой метафизики" почти не нашли никакого развития при разработке так и неосуществленного более общего замысла "Философских опытов"², однако, сохранившиеся наброски поддаются частичной реконструкции, и по тем штрихам, которые Брюсов набросал, можно восстановить контуры конструируемой "идеальной" философии. Общая "стратегия" поисков Брюсова сформулирована им самим в одной из записей 1897 г.: "В конце концов надо искать учение, у которого эти три основы - Абсолют<ная> Свободная Воля, Абсолютное Познание и Абсолютно обособленное я - положены в основу"³.

В набросках к "Основаниям всякой метафизики" Брюсов стремился вывести те "начала", на основе которых он считал возможным построение "метафизики". Наиболее существенной аксиомой мысли объявлялась свобода воли: "Прежде, чем я начну мыслить, я должен верить, что я есть, как нечто самодействующее, т.е. мы должны признать свободу воли"⁴. Исходный тезис Брюсова не случаен, он содержит в себе свидетельство преодоления "спинозианства", первого этапа на пути мировоззренческих исканий⁵.

В период 1891-1895 гг. Брюсов находился под сильнейшим воздействием идей детерминизма Спинозы, однако, к середине 1890-х гг. фаталистический характер антропологического учения Спинозы стал абсолютно неприемлем для Брюсова: негативная трактовка проблемы свободы воли и производная от нее этика вызвали отрицательное отношение, острую неудовлетворенность и противодействие Брюсова. Брюсов шел от спинозианства с его строгим детерминизмом к апологии независимой индивидуальности. Переоценке и переосмыслению подверглись и пантеистические системы в целом, как исключаящие, уничтожающие индивидуальность. Увлечение Спинозой в середине десятилетия сменилось глубоким интересом к системе Лейбница.

² О замысле "Философских опытов" см. Кулькс С.К. Формирование эстетических взглядов В. Брюсова и философия Лейбница (в печати).

³ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед.хр. 13, л. 20 об.

⁴ РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед.хр. 17, л. 5.

⁵ См.: Кулькс С. Валерий Брюсов и Спиноза. - Сборник трудов СНО филологического факультета. Русская филология. J. Тарту, 1977, с. 70-98.

Когда Брюсов задумал "Философские опыты", имя Спинозы уже не вошло в его состав; ни в плане, ни в набросках уже нет и следа былого спинозианства, напротив, постоянно чувствуется инерция отталкивания от его "Этики". К концу века Брюсов вообще пришел к убеждению, что детерминизмвозможен лишь как "теоретическое" утверждение. Эту убежденность он сохранил и в начале XX века: "Теоретически можно утверждать, что каждое явление обусловлено предыдущим, и моя мысль имела свою причину. Но в это верить нельзя"⁶.

Таким образом, Брюсов полагал, что необходимо безоговорочно принять положение о свободе воли, не сомневаясь в том, что всякий раз "я" действует исходя из собственного решения, не обусловленного какой-либо внешней необходимостью. Сознание самопроизвольности всякого действия было для Брюсова, по всей вероятности, чуть ли не стимулом к жизнедеятельности вообще. Он нуждался в неопровержимой уверенности в способности человеческого существа свободно выбирать свои поступки: "Нельзя вполне сознательно отрицать свободу воли. Тогда не будет побуждения ни к какой деятельности. Если я искренне верю, что каждое изменение во мне обусловлено заранее, то я сложу руки и не стану жить"⁷.

Последнее высказывание ярко свидетельствует о том, что каждое философское положение как бы постоянно "примеивалось" к себе, к определенной жизненной ситуации и фактически теряло статус принадлежности к "теоретической", "чистой" философии. Для Брюсова вообще была существенна не область "теоретической" философии сама по себе, а те следствия из нее, которые определяли область этического и эстетического.

Названная "аксиома" имеет и печать брюсовского увлечения Лейбницем, под знаком которого прошли 1895-1900-е гг. Подтверждение своего убеждения в необходимости признания свободы воли Брюсов нашел в учении Лейбница, система которого была воспринята им как "торжество принципа индивидуализации", как апология индивидуализма и свободной воли. Выведение тезиса о свободе воли восходило таким образом к субъективно истолкованному учению Лейбница⁸.

⁶ Брюсов В. Собр. соч. в 7-ми т., т. 6. М., 1975, с. 55.

⁷ Там же.

⁸ См.: Помирный Р.Б. Из идейных исканий Б.Я. Брюсова (Брюсов и Лейбниц). - Б.кн.: Брюсовские чтения 1971 года. Бриван, 1973.

Одно из следствий, которое, по Брюсову, вытекало из тезиса о свободе воли, заключалось в утверждении наличия именно своего "я" — "я есть, есть мое личное я" — и утверждении независимого и творческого характера этого "я"⁹.

Следствие это делает ощутимым еще один слой: оно содержит в себе следы чтения Вл. Соловьева. Оставляя в стороне значительную часть материалов, касающихся проблемы "В. Брюсов и Вл. Соловьев", остановимся лишь на одном существенном моменте, относящемся именно к замыслу "Основания всякой метафизики". Следствие, выведенное из первого "начала", было настолько важно для Брюсова, что оно нашло отражение в его программной статье "Истины. Начала и намеки". Интересующий нас тезис принял там следующий вид: "Начиная мыслить о чем бы то ни было, я должен, во-первых, верить, что это мысля я, по своей воле, по собственному желанию"¹⁰. Эта запись относит нас к статье Вл. Соловьева "Первое начало теоретической философии", прочитанной Брюсовым в ноябре 1897 г. Статья была одной из глав прерванного смертью исследования. Отдельные главы его были опубликованы в журнале "Вопросы философии и психологии" в 1897—1899 гг. Брюсов, очевидно, был знаком с первой из них, по крайней мере мы не располагаем никакими сведениями о чтении им последующих статей. По этой причине мы в дальнейшем будем, отвлекаясь от "объективного" Соловьева, акцентировать внимание на Брюсовском восприятии идей первой части его статьи.

Предметом внимания Вл. Соловьева стал анализ сложившегося в истории философской мысли убеждения в "самодостоверности наличного сознания". Соловьев доказывал, что эта самодостоверность еще не указывает на достоверность сознаваемых объектов и подвергал сомнению возможность "из этого сознания прямо заключать о подлинной реальности сознающего субъекта, как особого самостоятельного существа или мыслящей субстанции"¹¹. В этом отношении критике подвергался исходный пункт философии Декарта — cogito ergo sum. Необходимое для истинного мышления сомнение во всех догматах побуждало Вл. Соло-

⁹ РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед.хр. 17, л. 5 об.

¹⁰ Брюсов В. Собр. соч. в 7-ми т., т. 6, с. 55. Здесь и далее выделено Брюсовым.

¹¹ Соловьев Вл.С. Собр. соч., в 9-ти т., т. 8. Спб., о.г., с. 165. (Выделено Вл. Соловьевым — С.К.).

вьева распространить это сомнение не только на предметы и явления окружающего мира, как это сделал Декарт, но и на субъект "собственной душевной жизни"¹². По Соловьеву, картезианская формула не может быть взята за основу теоретических построений, ибо вопрос с неизбежностью упирается в необходимость определить, какому субъекту это сознание принадлежит. Вл. Соловьев упрекал декарта в неразличении "чистого" и "эмпирического" субъектов мышления, в создании третьего субъекта, "самозванца", занявшего престол философии нового времени.

Рассуждения Вл. Соловьева вызвали чрезвычайный интерес Брюсова, который был знаком с основными постулатами картезианства в изложении нескольких историков философии¹³. Наиболее подробная часть брюсовского конспекта относилась именно к ходу рассуждений относительно того, что "наличность" каких-либо осознаваемых ощущений, мыслей, чувств еще не указывает на реальное участие нашего "я" как настоящего субъекта¹⁴. Брюсов записал: "Подразумевается, что этот вопрос (вруб) указывает на реальное участие (...) нашего я. Но такой вопрос есть лишь выражение догматической уверенности в безотносительности и самоотжественном бытии единичных существ"¹⁵. Резюмируя рассуждения Вл. Соловьева, Брюсов записал: "От наличности мысли можно перейти к чистому субъекту

¹² Соловьев Вл.С. Собр. соч.. в 9-ти т.. т. 8. Спб., б.г., с. 182.

¹³ С философией Декарта Брюсов познакомился по "Истории философии от начала ее в Греции до настоящего времени" Д. Льюиса (Спб., 1889). Больше всего Брюсова-гимназиста поразила именно идея *cogito ergo sum*, утверждавшая, что можно подвергать сомнению все, кроме факта собственного существования и способности сомневаться во всем. Позже Декарт изучался по "Истории новой философии" К. Фишера. Ряд критических замечаний Брюсова-гимназиста (он сомневался, например, в истинности мысли Декарта о "конечности человеческих идей") был, вероятно, навеян именно чтением Фишера, указавшего на ряд антиномий картезианства, в том числе и на невозможность с позиций дуализма объяснить соотношение "конечного" и "бесконечного". В университетские годы Брюсов слушал лекции о Декарте Д.М. Лопатина, в семинаре которого он занимался.

¹⁴ См.: Соловьев Вл.С. Собр. соч., т. 8, с. 182-184.

¹⁵ Запись - неточная цитата из статьи Соловьева; ср.: Там же, с. 183. У Брюсова - РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед.хр. 13, л. 19.

мышления, который мыслит, а не к эмпирическому субъекту, к живой индивидуальности"¹⁶. Вл. Соловьев, полагая, что ни картезианство, ни лейбнизианская монадология не подтверждают убеждения в "сам тождестве" единичного существа, приходил к заключению, что теоретически можно и должно сомневаться в собственном существовании и что необходимо отказаться от попыток класть в основу теоретической философии формулировку, подобную декартовскому *cogito ergo sum*.

Интерес к идеям Вл. Соловьева был столь велик, что Брюсов, изложив их в письмах к своему другу М.В. Самыгину (Крипичский), предложил обсудить с ним основные положения статьи. Обсуждение состоялось. Любопытно, что в то время как конспект, довольно точно передающий ход мысли Соловьева, показывает, что Брюсову ход рассуждений Соловьева представлялся логически безупречным, переписка с Самыгиным свидетельствует, что идеи Вл. Соловьева не просто излагаются, но и подвергались определенной оценке и даже "дополнению". Именно письма демонстрируют и различие подходов Вл. Соловьева и Брюсова. Для первого важно стремление к безусловной истине, каков бы ни был ее результат, для Брюсова же эта безусловность больше связана с необходимостью "веры" в определенный постулат, отвечающий требованиям его собственных идейных исканий данного периода. Поэтому Брюсов, несмотря на признанную им неуязвимость логики Соловьева, тем не менее настойчиво твердит о противоположном - о неспровержимой никакой логикой необходимости сохранить именно представление об абсолютной достоверности своего "я" как личности, как индивидуальности: "Пусть перед Вл. Солов<евым> вечно носится проблема различения реального от кажущегося. Забудем это. Но вот вопрос, - сознает ли человек себя отдельной личностью, индивидуальностью? (...) этот субъект, можно ли о нем сказать, это я, именно я, не кто другой (...) как же мне спасти (это уже я говорю, а не Вл. С<оловьев>) мою личность, ибо я хочу знать, безусловно знать, что эта личность едина, обособлена, что я монада. Мне это необходимо (...). Чувствую ли я себя, как монаду, как единое я. Да чувствую, знаю это и верю"¹⁷.

Брюсов, таким образом, ищет "спасения" в монадологии Лейбница, наиболее ценная часть концепции которого, по Брюсову, заключалась в его учении о неидентичности монад, об

¹⁶ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед.хр. 13, л. 22 об.

¹⁷ РС ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед.хр. 14, л. 24 об.

уникальности и неповторимости каждой монады. Утверждение своего "я" как абсолютного, автономного от других существ, вера в отъединенность монад и в "неподменяемость" их сознаний для Брюсова — необходимость, подчеркнутая и в программных афоризмах статьи "Истины. Начала и намеки".

Специфика брюсовской позиции заключалась в том, что он полагал, что то, что не могло служить основанием для "теоретической" философии, могло быть основанием для т.н. "метафизики". Смысл оппозиции "философия"—"метафизика", сложившейся в конце 1890-х гг. и имевшей для Брюсова принципиальное значение, в подготовительных материалах к трактату "О искусстве" формулируется с достаточной отчетливостью: "Философ устанавливает высшие и окончательные источники всеобщности и необходимости (...). Метафизик же, как художник, пересказывает свою душу (...). Философ говорит: вот как должно мыслить воеленную, а метафизик: вот как ее представляю я"¹⁸. "Метафизика" приобрела для Брюсова характер авторефлексии, самоописания, особого философско-поэтического творчества, которому присущ субъективизм ("пересказывает свою душу", "свое представление о мире), "философия" же мыслилась как сфера чистой "теории", ориентированной на "объективизм". Представителями последней, по Брюсову, были Спиноза и Кант, оказавшиеся на полюсе, противоположном "метафизике", к которой причислялись Лейбниц и Шопенгауэр и к которой склонялся сам Брюсов, неслучайно назвавший свои наброски основаниями "метафизики". Философия, таким образом оказывалась "высшей наукой", способной уловить общие схемы, а "метафизика" мыслилась как способная захватить "корень мирового бытия". "Метафизика" оказывалась неожиданно сближенной с собственно "лирикой" и даже с "критикой", понимаемой как особый тип творчества, и была по сути дела своеобразным "синтезом" науки, философии и искусства. Этот специфический синкретизм может рассматриваться и как форма поиска методов не "научного", не "теоретического" познания мира, к которой мы вернемся чуть позже.

В построениях Соловьева Брюсов пытался найти и уязвимые места. Он видел слабость Соловьева в том, что он "исследует наше я лишь в бодрственн<ой> жизни и так<им> образом целая

¹⁸ РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед.хр. I7, л. 6 об.

треть человеческой> жизни остается не оцененной"¹⁹. Брюсов был убежден в необходимости обратить внимание не только на бодрствующую личность, но и на специфику ее ощущений в иных состояниях: во время сновидений, в состоянии гипноза, расстроенной психики и т.д. Эта идея отнюдь не принадлежала самому Брюсову, а была навеяна чтением книги Дю Преля "Философия мистики, или двойственность человеческого существа" (1895), основные положения которой и были использованы Брюсовым для восполнения "пробелов" Соловьева. В ряде глав книги Дю Преля стремился показать, что кантовские категории пространства и времени, в которых только и возможно восприятие вещей, оказываются действительными лишь для бодрствующего сознания. Он полагал, что необходимо принимать во внимание те ипостаси личности (гипноз, сомнамбулизм, раздвоение личности и пр.), в которых проявляются особые способности личности, свидетельствующие о "расширении психического субъекта" в этих состояниях. Одна из основных идей Дю Преля заключалась в утверждении, что самосознание "освещает" лишь часть нашего "я", оставляя в тени область бессознательного. Оценив книгу Дю Преля как "неглубокую", Брюсов тем не менее использовал ее положения как альтернативу постулатам Соловьева. То, что Дю Преля относил к недостаткам системы Канта, Брюсов полностью перенес на Соловьева. В плане задуманной статьи о Лейбнице появляется следующий тезис: "Ошибка Вл. Соловьева> относительно личности в том, что он полагает, что наше я = в самосознании"²⁰. Таким образом, волею за Дю Предем Брюсов считает, что в нашем самосознании отражен не весь субъект, а лишь "погруженное в феноменальный мир "я"". Идея эта отразилась в ряде положений Брюсовской статьи "Ко всем, кто ищет". Таков пласт ассоциаций, вызываемых первой Брюсовской "аксиомой" мышления.

Второй "аксиомой", выведенной в набросках замысла "Основания всякой метафизики", была возможность познания сущности вещей и явлений мира. Проблема познаваемости мира была одной из наиболее существенных для символизма проблем. Уникальность позиции Брюсова в этом вопросе очевидна: для большинства символистов в этот период было свойственно представле-

¹⁹ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед.хр. 13, л. 20. Этот упрек не справедлив. Ср. хотя бы статью Соловьева "О лирической поэзии", известную Брюсову.

²⁰ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед.хр. 13, л. 36 об.

ние о непознаваемости глубинной сущности мира. Поскольку вопрос о восприятии Брюсовым философии Канта никогда не становился предметом специального изучения, не представляется возможным оставить его в стороне, тем более, что брюсовские рефлексии по поводу системы Канта проясняют некоторые особенности его позиции в 1890-е гг. и позволяют более определенно судить о решении им существенных для символизма гносеологических проблем.

Учением Канта Брюсов впервые заинтересовался, вероятно, еще осенью 1891 г. В материалах для биографии "Моя жизнь", датированных 4 сентября 1891 г., находится первое известное нам упоминание о чтении Канта, в декабре - повторное²¹. Теорию Канта-Лапласа Брюсов пересказывал соклассникам еще в Креймановской гимназии²². В дальнейшем Брюсов знакомился с учением немецкого мыслителя на лекциях и семинарских занятиях проф. И.М. Лопатина, высоко ценившего систему Канта как величайшее достижение философской мысли. Брюсов вспоминал: "Под руководством того же Лопатина я достаточно хорошо изучил философию критицизма (Кант и некоторые его последователи)"²³.

Наиболее интенсивные занятия системой Канта приходится на последние университетские годы и особенно на 1897-1898 гг., о чем свидетельствуют многочисленные записи и пометы этих лет²⁴. Записи Брюсова, его выписки из трудов мыслителя говорят об интересе к решению гносеологических проблем в системе Канта. Кантовский анализ "мыслительной деятельности" и способностей человека в сфере мышления кажется Брюсову наиболее ценной частью его учения. Основопологающие труды изучаются им начиная с 1897 года, основной интерес сосредоточен на центральном труде Канта - "Критика чистого разума", прочитанной не ранее 1897 г.

В философии Канта Брюсова больше всего поразил основополагающий принцип его "Критики чистого разума" - мысль о том, что человеческие истины носят субъективный характер и не

²¹ РО ГИМ, ф. 386, к. I, ед.хр. 21, л. II и л. 18.

²² Станюкович В. Воспоминания о Б.Н. Брюсове. - В кн.: Валерий Брюсов. М., 1976 (Лит. наследство, т. 85).

²³ Брюсов В. Автобиография. - В кн.: Русская литература XX в. (1890-1910)/Под ред. С.А.Бенгеровой. 1.1, м., 1914. с. 108.

²⁴ Брюсов В. Дневники, 1891-1910. М., 1927, с. 21, 28, 33 и др.

имеют ничего общего с объективной природой вещей. Так, Брюсов записал в черновой тетради: "Круг мыслей, внушаемый чтением Канта, объясняет нам, что законы природы и все мироустройство (...) зависит и основано на трансцендентно субъективных свойствах нашего духа; следовательно, это человек предписывает законы природе, это человек есть центр, а весь мир только мое представление"²⁵.

Развитая Кантом в главе "Трансцендентальной эстетики первый раздел" мысль о том, что время и пространство - лишь априорные формы человеческого восприятия мира, сами же вещи существуют независимо от человеческого сознания, что пространственный и временной космос есть только человеческое "представление", - была принята Брюсовым как "истина" и в качестве таковой не только зафиксирована в черновых тетрадях, но и вошла в текст программной статьи "Истины. Начала и намеки"²⁶. Таким образом, субъективистская идея "мир есть мое представление", излюбленная Брюсовым на рубеже веков ("О искусстве", "Истины. Начала и намеки"), генетически восходит именно к Канту, а не к Шопенгауэру, как иногда указывают исследователи²⁷.

Склонившись "разумом" к доводам Канта, Брюсов, очевидно, не хотел принять их "сердцем" и, словно отстаивая верность своему субъективизму, писал в 1900 г. И. Коневскому: "Надо мной прошлое имеет особую власть. Время, возможность времени - несмотря на все доводы кенигсбергского старичка < т.е. Канта. - С.К. > - ужасна и невероятна. Значит, что и сейчас

²⁵ РС ГИЛ, ф. 386, к. 52, ед.хр. 17, л. 3. Ср.: ф. 386, Б.Я.Брюсов. Библиотека, ед.хр. 736. Пометы и подчеркивания в кн.: Кант И. Критика чистого разума. Вып. 1-2. СПб., 1897, с. 28, 57, 621, 625-626 и др.

²⁶ Брюсов В. Собр. соч., т. 6, с. 57-58. Интересно, что в статье источник мысли не указан, однако, почти дословное совпадение ее с черновой записью, сопровождающей чтение Канта, заставляет именно в учении последнего видеть исток данной мысли. Ср.: "Но круг мыслей, внушаемых идеалистической философией/!/, объясняет нам, что законы природы и все мироустройство..." и т.д.

²⁷ Ср.: Помирчий Р.Е. Из идейных исканий Б.Я. Брюсова ..., с. 165; Максимов Д.В. Поэтическое творчество Валерия Брюсова. - В кн.: Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1962, с. 13. Конечно, эта идея является основополагающей и для Шопенгауэра, однако он сам подчеркивал, что она была заимствована им у Канта (Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. СПб., 6.г., с. XII-XIV и с. 3. Ср.: Выховский Б.Ф. Шопенгауэр. М., 1975, с. 39; Нарский М.С. Кант. М., 1976, с. 24-25).

мгновения падают, что я побеждая их разумом, волей не побеждаю - и уйду, уйду..."²⁸.

Как известно, кантовскому разделению опыта на явление и "вещь в себе", а мира - соответственно - на феноменальный и noumenальный было присуще и различное решение вопроса о возможности их познания. Гносеология Канта отвергала способность разума проникать за пределы представлений. Разум, как показывал Кант в "Критике чистого разума", ведет к антиномиям и не способен заглянуть за "кору вещества", он способен лишь постигать феноменальную природу вещей.

Агностицизм Канта в отношении noumenального мира вызвал у Брюсова очень эмоциональную, и как это ни странно, негативную реакцию, хотя принятие исходного положения "мир есть мое представление" должно было приводить к аналогичным Канту выводам. Тем не менее здесь мы наблюдаем откровенно антикантовские настроения: при обдумывании "начал" метафизики Брюсов отталкивается от Канта, и вторая аксиома мысли приобретает антикантовский вид - "сущности постижимы"²⁹.

Некоторую беспочвенность агностицизма Брюсов, вероятно, склонен был видеть в неучтенности исторической перспективы. У него по крайней мере возникает мысль, что Кант не принимает во внимание нестатичность разума, возможность его "эволюции": "Кант находит категории. Вопрос: все ли они возникли в одно время - может быть было время когда в человеческом разуме неких из них не было? (...) Канту была чужда теория эволюции, но мы ее знаем, мы!"³⁰. Аналогичные претензии высказывались им и в адрес последователей Канта: "Для них рассудок есть нечто данное, а на него должно смотреть как на нечто образующееся. То, чего мы не могли мыслить вчера, его мы мыслим сегодня (...). То, что немислимо, еще нельзя считать невозможным. Все, о чем можно мечтать, что может мерещиться в тумане до сознания, - все это должно считать осуществимым в бесконечности бытия"³¹. Кроме того, основываясь на доводах Дю Прея, Брюсов считал критику Канта

²⁸ РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед.хр. 7, л. 4 об.

²⁹ РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед.хр. 17, л. 12.

³⁰ Брюсов В. Дневники, с. 21.

³¹ РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед.хр. 17, л. 13.

действительной лишь по отношению к бодрствующему сознанию³².

Брюсовское отношение к кантианскому агностицизму в известной мере сближало его позицию с позицией Вл. Соловьева, для которого агностицизм был скептицизмом, ведущим к неприятным для Соловьева идеям нравственного релятивизма и не раз становился объектом его философской полемики и сатирической поэзии³³. Если идеи нравственного релятивизма вполне устраивали Брюсова с позиций его плюрализма, то идея непознаваемости мира и скепсис в этом плане были ему чужды. Возможно, что именно агностицизм и явился тем "разочаровывающим" фактором, который проявился у Брюсова по отношению к учению Канта еще с 1895 г.³⁴.

Провозглашение тезиса познаваемости мира, однако, не означало для Брюсова отсутствия "ноуменального" вообще. Вопрос о границах человеческого познания в конце 1890-х - начале 1900-х гг. решался следующим образом: существование "ноуменального" мира признавалось, но оно выступало лишь в качестве стимулятора поисков методов проникновения "за грань", становилось импульсом для порываний в "запредельное", для приподнимания "завесы в вечность": "Нам близка и дорога сумрачная тень Канта, - писал Брюсов на заре нового столетия. - Он отрезал словно стеной непознаваемое и доступное познанию (...). Но этим только обострил нашу жажду, только сделал еще искустельнее искушение. Когда мы увидели явно, отчетливо, что познаваемое имеет свои грани, что за этими гранями есть непознаваемое, иное, мы не могли более не сгорать от желания этого непознаваемого"³⁵. Эпоха начала XX в. осмысливается как первый шаг к познанию сущности мира, причем, как это видно из контекста его исканий этого времени, Брюсов не отбрасывает до конца идеи возможности рационального познания мира. В статье "Истины. Начала и намеки" речь шла о возможности "мыслью постичь истину". В "Заметках о спиритизме",

32 РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед.хр. 15.

33 Милиц З.Г. К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и А. Блок) - Учен. зап./Лартуский гос. ун-т, вып. 266. Ларту, 1971, с. 154-156.

34 Ср.: "За Канта я взялся, как за откровение, но он более, чем разочаровал меня (ф.386, к.1, ед.хр. 13, л. 13).

35 РО ГБЛ, ф. 386, к. 53, ед.хр. 29, л. 6 об. Ср. почти дословное совпадение в статье "Ко всем, кто ищет: Брюсов В. Ко всем, кто ищет. - В кн.: миропольский А.Л. Лествица: Поэма в 7-ми гл. М., 1903, с. 12.

которые легли в основу его статьи "Ко всем, кто ищет", проводилась аналогичная мысль о попытках "озарить (...) дали силой умозрения, мысли"³⁶. Однако разум не представлялся ему достаточным для акта познания. В плане статьи о Лейбнице Брюсов поставил многозначительный пункт: "Моя основа: возможность познания. Ее тройкий корень: I. Свобода воли. II. Интуиция (ибо разум не всемогущ). III. Личность"³⁷. Оговорка "разум не всемогущ" знаменательна. Кризис позитивистской науки и - шире - научного познания вообще, породивший критическое отношение к нему, а порой полный скепсис в возможности рационального познания мира, разочарование в привычных рациональных методах и схемах коснулось и Брюсова. Кантовская мысль о том, что науке доступен лишь мир "явлений" в конце 1890-х гг., разделялась Брюсовым. Отдельным наукам он отводил роль собирателей фактов и сведений, которые могут дать описание "феноменального" мира. Но притязания позитивизма, например, стать общим мировоззрением Брюсов считал несостоятельными. Наиболее непримиримое отношение к позитивизму Брюсов занял именно в начале века, когда он особенно часто писал о кризисе позитивного знания, о конце господства позитивной науки, которая сошла "с неправо занятого трона", продемонстрировав неспособность к объяснению "тайного", "непознаваемого"³⁸. Однако для него это не означало дискредитации науки вообще. Рациональное познание оставалось для него все-таки одним из возможных (хотя и недостаточных) методов познания. Брюсов стремился найти иные методы, которые могли бы обеспечить постижение истины. Именно благодаря этому он сочувственно отнесся к идее интуитивной познаваемости мира у Эдгара По, которого он сопоставил с "трансценденталистом" Кантом. Определенные надежды Брюсова (и очень значительные) были связаны с неизвестными еще методами познания, тающимися в недрах таких загадочных и малоизученных явлений, как спиритизм, медиумизм, оккультизм.

Мировоззрение Брюсова, таким образом, формируется в эпоху осознанного всеми кризиса научного познания и в значительной мере - в борьбе с кантовским агностицизмом. Чем ближе к началу XX века, тем менее привлекателен для симво-

³⁶ РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед.хр. 29, л. 6 об.

³⁷ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед.хр. 13, л. 36 об.

³⁸ Брюсов В. Ко всем, кто ищет, с. 9-11.

листов агностицизм, тем интенсивнее поиски методов проникновения "за грань" вещей. Отказ от логического, "рационального" познания мира стимулировал попытки искать иные пути проникновения в скрытую сущность мира. Среди "младших" символистов это породило тенденцию к экспансии художественных методов познания в области, которые раньше были компетенцией науки и философии³⁹. Этот процесс заметен и у Брюсова, и даже раньше, по-видимому, чем он начал складываться в русле собственного символизма начала XX века, а именно с 1897-1898 гг. у Брюсова он принимает форму поиска идеальной "метафизики", которая, по сути дела, есть поиск методов художественного познания мира, синтеза философии (по целям) и искусства (по способам). Движение к идее художественных методов познания наметилось у него еще в набросках к замыслу "Философских опытов" и вылилось в ряде программных выступлений рубежа веков. Это был закономерный этап собственного пути, независимый от аналогичных явлений в "младшем" символизме, и даже в определенном смысле "предвосхищающий" некоторые особенности позиции "младших" символистов - ее подготовка в недрах "старшего" символизма. "Младшие" символисты на этом пути приходили к идее искусства как "глубинного аналога мира" и соответственно как лучшего средства познания. Аналогичная мысль была высказана самим Брюсовым в начале XX века, в период максимального сближения с мировоззрением "младших" символистов, в программной статье "Ключи тайн", в которой декларировалась идея познания мира "вне рассудочных форм", "вне мышления по причинности". Появление этой идеи было подготовлено размышлениями над особенностями системы Канта, с одной стороны, и Лейбница, с другой. Но если формирование ее имело самостоятельный генезис, то эстетизация гносеологии, свойственная для брюсовской позиции начала века, закрепляется уже под воздействием идеологии "младших" символистов.

Необходимо принять во внимание также то обстоятельство, что пафос возможности постижения сущности вещей у Брюсова в значительной степени сформировался под воздействием изучаемой им в 1890-е гг. философии Артура Шопенгауэра, который, приняв во внимание мысль Канта, что разум и "чувственность" не могут постичь "ноуменов", сделал из этого вывод о невоз-

³⁹ Минц З.Г. О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов. - В кн.: Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1978.

возможности рационального познания ноумена и пошел дальше, обратившись к идее познания сущностей иными путями. Восприняв пафос возможности познания, Брюсов в 1890-е гг. все-таки еще был далек от шопенгауэровской идеи сверхчувственной интуиции как средства познания мира: она актуализировалась для него лишь в начале XX века и легла в основу концепции "Ключей тайн".

Таким образом, позиция Брюсова конца XIX - начала XX вв., его склонность к "метафизике", вероятно, может расцениваться как специфический этап на пути отрицания возможностей только точного, рационального описания мира, приведшем позже к идеям художественных методов познания действительности. То, каковой мыслилась им "метафизика", сочетающая в себе "абсолютно свободные" - волю, познание и "я" - и тот способ синтеза различных учений в некоторое единое "идеальное" учение, отвечающее собственным исканиям, свидетельствует о способности Брюсова приспособлять системы к нуждам "новой школы", как он их понимал в данный момент.

Третьей "аксиомой" мышления Брюсов объявил необходимость принципа "множественности начал". Он постулировал необходимость признания по крайней мере двух начал возникновения жизни и мышления, которая может рассматриваться как одна из ранних попыток символизма осмысливать культуру в бинарных оппозициях, свойственных для более позднего развития науки: "Для мышления нужна множественность (...). Мысль, и вообще, жизнь возникает из сопоставления по меньшей мере двух начал. Единое начало есть несбытие, единство истины есть безмыслие. Не было бы пространства, не будь правого и левого; не было бы нравственности, не будь добра и зла. Множественность начал - вот третья аксиома мышления"⁴⁰.

Таков комплекс идей, связанных с реставрацией незавершенного замысла "Основания всякой метафизики". Брюсов забросил попытку продолжить изложение "основ метафизики", вероятно, ощутив грандиозность замысла, на осуществление которого понадобились бы годы размышлений, тем более, что по сути предстояло изложение собственной философской "системы". Брюсовская "система", основные контуры которой угадываются за набросками "Оснований всякой метафизики", неоспоримо свидетельствуют, что перед нами опыт не философа, а художника, охваченного стремлением удовлетворить теоретические нужды

⁴⁰ Брюсов В. Собр. соч., т. 6, с. 56.

нового литературного течения, в котором он видит "лучезарный венец" развития предшествующей литературы. Эклектичность этой системы в философском отношении очевидна. Однако за этим произвольным соединением, сочетанием элементов различных философских систем прошлого для выражения "нового" содержания эпохи fin de siècle стоит установка на переработку, усвоение и синтез различных культурных источников, которая была свойственна для символизма в целом на различных этапах его существования.

"МНЕНИЯ" И.Ф. КРУЗЕНШТЕРНА В ЗАЩИТУ ФИЛОСОФИИ

Б.В. Емельянов

Выдающийся мореплаватель, почетный член Петербургской Академии наук, Королевского общества, Геттингенского научно-общества, почетный доктор философии Тартуского университета Иван Федорович Крузенштерн (Adam Johann Krusenstern)^I известен в основном как руководитель Первой русской экспедиции вокруг света (см.: Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974). Менее известен он как реформатор и директор Морского кадетского корпуса (См.: Веселаго Ф.Ф. Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Спб., 1869). И почти совсем не известен как член Главного правления училищ Министерства народного просвещения. Вместе с тем деятельность его на этом посту в самые мрачные годы существования Министерства ознаменована рядом выступлений в защиту просвещения и науки от посягательств обскурантов и "гасителей" просвещения Магницкого, Рунича и им подобных.

В ЦГИА в фондах Министерства народного просвещения (Ф. 732) нами обнаружены следы этой деятельности в виде двух "мнений", высказанных И.Ф. Крузенштерном по поводу запрещения книги московского профессора философии И.И. Давыдова и "Относительно вредного преподавания философских наук".

Первое дело (ЦГИА, ф. 732, оп. 2, 1823, ед.хр. 196) возникло в 1823 г. по доносу попечителя Казанского учебного округа Л. Магницкого, усмотревшего в книге профессора И.И. Давыдова "Начальные основания логики для благородных воспитанников университетского пансиона" (М., 1821) "весь смысл разрушительной нынешней философии от Канта до Стефенса" (л. 1).

^I Научная и общественная деятельность Адама Иоганна (Ивана Федоровича) Крузенштерна была тесно связана с Тартуским (Дерптским) университетом. Почетный доктор университета, он был близким другом Г.-Ф. Паррота, оказывал активное содействие в обеспечении университета научным оборудованием и учебными пособиями. Во время своего пребывания в Англии Крузенштерн в качестве иностранного корреспондента представлял интересы университета. (См. статью Э.Куду Admiral A.J. Krusenstern ja Tartu Ülikool. - Eesti Loodus, 1982, Nr. 9).

Министр народного просвещения решил в феврале 1825 г. запросить мнение каждого члена Главного правления училищ об этой книге. 18 февраля 1826 г. такое мнение представил помощник директора Морского кадетского корпуса И.Ф. Крузенштерн. В отличие от других членов правления, требовавших ее изъятия и запрещения, И.Ф. Крузенштерн дает объективный разбор достоинств и недостатков книги, который, без сомнения, повлиял на относительно мягкое решение Главного правления училищ. Книга И.И. Давыдова не была запрещена.

В это же время Министерство народного просвещения в течение ряда лет обсуждало вопрос о "вредном преподавании философских наук" (ЦГА, ф. 732, оп. 2, 1825-1827, ед.хр.224). Поводом к этому послужил донос того же Магницкого, предложившего запретить преподавание философских дисциплин в российских учебных заведениях. И на этот раз министр потребовал мнение каждого члена Главного правления училищ. Большинство членов правления признали вредным преподавание философии в университетах российской империи. И только попечитель Дерптского университета граф И.С. Лаваль, а также члены правления И.М. Муравьев-Апостол и И.Ф. Крузенштерн выступили в защиту философии. "Мнение" последнего мы приводим с сохранением грамматических особенностей оригинала.

Понимая и не принимая антипросветительский характер деятельности Министерства народного просвещения, И.Ф. Крузенштерн вышел из состава его комитетов: в 1825 г. - из комитета по составлению цензурного устава, а в 1827 г. - из ученого комитета (ЦГА, ф. 732, оп. 1, 1826, ед.хр. 412).

М Н Е Н И Е

капитан-командора Крузенштерна по поводу препровожденного на рассмотрение членов Главного правления училищ представления попечителя Казанского учебного округа относительно повсеместного прекращения преподавания философских наук и проч.

Воспитан будучи в кадетском корпусе и проведя первые 20 лет службы моей на море, я не могу взять на себя ученое теоретическое изложение о пользе или вреде философских наук; но не входя в отвлеченное умствование насчет сего предмета, легко кажется доказать, что они необходимы в общем составе учебного круга, и что, следовательно, повсеместное у нас прекращение преподавания сих наук не только расстроит, но совершенно разрушит расположение утвержденного благотворным и мудрым правительством общего плана образования наших университетов.

Я не знаю, точно-ли, как полагает попечитель Казанского округа, все члены Главного правления училищ твердо в необходимости предлагаемой им меры убеждены, но что касается до меня, то доводы и причины, выставляемые господином попечителем в подкрепление мнения его, ни мало не убедительны для меня. Господин попечитель в том, что называет он философией, видит какое-то страшное все пожирающее чудовище, которое будто бы спокойно подрывает у нас алтари и трон. Я полагаю, что учение философии есть не что иное, как благотворное руководство к должному употреблению дарованного нам от бога разума на размышление и правильное заключение о предметах нас окружающих, так как на очищение и усовершенствование понятий наших по всем ветвям человеческих знаний.

Наука, имеющая столь благодетельную цель, не только не может почестся вредною, но напротив того есть необходимая для человека, который соответственно высокому его предназначению обязан всегда стремиться к вяшему нравственному образованию и усовершенствованию своему. У всех народов классической древности, отличавшихся своим образованием, учение философии принято было основанием всех прочих учений. Когда

по освобождении от ига гуннов и прочих варваров, поправших науки, оные паки восстановились, тогда философия в разных ее отраслях составляла один из главнейших предметов преподавания во всех без изъятия высших ученых заведений; но ни в древности, ни в средние века истинная философия не только не имела никаких вредных последований, а напротив того служила светилом и руководителем народам на стезе умственного и нравственного их усовершенствования.

Давно уже и часто повторяемо было, что просвещение произвело французскую революцию и что оно, следовательно, виною всех ужасов, того времени Европу постигших. Но государи российские иначе о том думали, уверены будучи, что истинное просвещение есть лучший и надежный оплот против ложных умствований и заблуждений ума человеческого; они в самое сие время обратили особенное внимание на распространение просвещения в отечестве нашем посредством бесчисленного множества учебных заведений; которые все почти получили существование свое в течение последних 40 лет и особенно в благословенное царствование государя императора. Просвещение в России распространялось быстрыми шагами, учение философии (существовавшее впрочем уже у нас в XIV веке) введено во всех наших университетах и высших училищах и благодаря бога народ русский пред всеми прочими отличается благочестием, приверженностью к престолу и любовью и повиновением к своему царю; незабвенный 1812 год служит тому непоколебимым доказательством. Напротив того мы видели в новейшие времена возникающие революции в Португалии, Гишпании, Италии, где конечно менее просвещения, менее философского учения, нежели в государствах Северной Европы, которые днесь наслаждаются тишиною, спокойствием и благоденствием. Германия, хотя и была на малое время потревожена действиями некоторых тайных союзов, стремившихся, как кажется, к нарушению установленного государственного порядка, однако кратковременные сии заблуждения были последованиями не учения философии, но последней всеобщей войны; борьба держав и народов для освобождения себя от постыдного иностранного ига возродила всюду всеобщий энтузиазм, который по окончании войны, приняв там и сям ложное направление, произвел те неурейства, кои однако благоразумными мерами правительств легко и скоро прекратились, в Германии все опять приняло прежнее устройство и нигде не обвиняли в народных беспорядках истинной философии и нигде не считали нужным истребить ее учение и учителей!

Что касается до статуты орден иллиминатов, которые со- общил нам господин попечитель Казанского учебного округа, то сие общество, хотя и существовало до начатия французской ре- волюции, но как оное было уничтожено уже в 1785 году, то и не понятно, почему бы ныне, по прошествии 40 лет надлежало нам опасаться какого-то влияния сего давно забытого общест- ва, почему бы оное было с особенным остервенением (по множе- ству причин) устремлено на Россию, это кажется приведено здесь только для того, чтобы основать как-нибудь на сем мне- ние господина попечителя, что иллиминатизм и философия суть одно и то же и что потому надлежит исключить сию последнюю из числа учебных предметов в России. Но можно ли допустить такое заблуждение? Можно ли допустить, чтобы наука, признан- ная всеми веками, всеми народами за полезную и необходимую, была отвержена, исключена нами потому только, что в некото- рые отрасли оной могут вкратся злоупотребления? Есть хотя какая-нибудь наука, которая бы более или менее не подавала к тому возможности злонамеренным? Сих последних опасаться у нас нет никакой причины, сколько по общему доброму духу в отечестве нашем существующему, столько же и по устройству наших университетов, при самом основании коих мудрою преду- смотрительностью благодетельного учредителя оных были уже указаны нужные меры для предупреждения зла. Но вместе с тем преподавание философских наук во всех их отраслях предписано как необходимое основание всего ученого образования.

Несмотря на все это господин попечитель, страшась фило- софии, требует решительно, чтобы учение оной исключено было из числа учебных предметов в России. Если бы требование гос- подина попечителя Казанского учебного округа могло быть исполнено когда-нибудь, то что тогда будут наши университеты? В низших даже учебных заведениях наших мудрыми учредителями оных предписано было преподавание логики, дабы помощью сей науки заблаговременно уже научать юношей правильно мыслить, правильно рассуждать и заключать о предметах их окружающих. А нам предлагают исключение сих наук в высших ученых заведе- ниях! Какой же успех, какую пользу для судьбы государю и отечеству можем мы ожидать от юноши, который готовясь быть судьей или занимать другое какое-либо место в государствен- ном управлении, не найдет в университетах наших необходимых способов для умственного своего образования? Как будет он в состоянии выполнить достойно обязанности свои, если те на- уки, на коих должны быть основаны положительные его знания и

которыми должен он руководствоваться при отправлении вверенного ему дела, остались ему чуждыми?

По словам господина попечителя кажется будто бы во Франции и некоторых других государствах Европы преподавание философских наук уже совершенно прекращено, но сего никогда не было. Франция, Австрия, Пруссия приняли, как я уже заметил, решительные твердые меры против лжеучения и вредных правил, рассеиваемых людьми злонамеренными или заблуждающимися; они обратили особенное внимание как на учебные книги в преподавании философии употребляемые, так и на самый образ ее преподавания, коему старались дать направление, соответствующее видам правительства и пользам народа. Но нигде еще не полагали исключить какую-нибудь науку из общего круга учености, ибо везде признают, что каждая наука в настоящем своем виде полезна, и что, следовательно, исторжением одной какой-либо из них более или менее разрушается основательность всего здания человеческих познаний.

Из всего мною сказанного заключаю я, что предлагаемое попечителем Казанского учебного округа безусловное повсюду прекращение преподавания философских наук никак не совместимо с основательным исполнением цели своей образования юношества, и что, следовательно, несообразное сие предположение принято быть не может.

Я не знаю, что именно разумеет попечитель Казанского учебного округа, говоря, что во все начальственные места, где откроются какие-либо вредные начала, следует избирать благонадежные лица, ибо я полагаю, что во все места должно избирать людей благонадежных, не ожидая того, чтобы где-нибудь оказывалось зло. Избранные таким образом попечители обще с ректорами и советом университетским суть блюстители доброго порядка, как учебного, так и нравственного в университетах; первые без сомнения всегда употребляли и употребляют всевозможную осторожность при избирании представляемых на утверждение господина министра профессоров, особенно таких, которые вызываются из чужих краев. Но возлагать на попечителей, как предполагает господин попечитель, личную ответственность за нравственность и поведение профессоров, считаю я несовместимым и даже невозможным, ибо при употреблении всевозможных мер осторожности случиться может, что определенный профессор в течение времени окажется не способным или недостойным сделанного ему доверия, но весьма бы несправедливо было обвинять за то попечителя; сверх того, если бы

возложить на него таковую личную ответственность, то нельзя и не представить ему права по собственному произволу удалять профессоров и преподающих, что, однако, кроме существенной несообразности совершенно противно смыслу высочайше утвержденных статуты университетам дарованным, по коим профессор не иначе как по представлению университетского совета от должности отрешен быть может. Я не вижу ни малейшей надобности в отмене правильного сего хода, коим с одной стороны ограждается профессор от следствий всякой личной ненависти, а с другой достойно обеспечивается правительством нашим нравственной благонадежности его, ибо никак не предполагать нельзя, чтобы сословие профессоров совет университета составляющих захотело терпеть между собою по правилам своим опасного человека и недостойного товарища. Я почитаю сохранение сего права университетам дарованного тем более важным, что в случае отменения оного, едва-ли какой-либо достойный уважения профессор захочет принять место, в коем существование его зависело бы от произвола одного лица, имеющего власть (винно или безвинно, но без суда) лишать его существования, пропитания и чести!

В определении директоров по университетам не предвижу я никакой необходимости, ибо наблюдение за порядком в университете будучи возложено высочайше утвержденными статутами, на попечителя и ректора, определение для той же цели еще одного третьего лица кажется мне совершенно излишним, оно даже в некоторых случаях может вредить единству необходимому во всяком деле, а паче всего в воспитании.

Присылку от университетов ежегодных конспектов и рассмотрение оных равно как и просмотр книг при преподавании употребляемых без сомнения нужны и полезны, но эта мера не новая, а уже давно предписанная, и только разве не всюду и не строго соблюдаемая. Славное правление училищ по назначению своему есть высшее место, представленное правительством для управления всем в учебной части в государстве относящимся; ему, следовательно, принадлежит предпочтительно наблюдение за ходом и духом публичного воспитания, а потому и не нахожу я никакой необходимости в учреждении при министре народного просвещения нового особенного для сего комитета, ибо таковой по распоряжению господина министра преобразован из членов Главного правления училищ и нужно бы только приобщить к оному, как полагает господин попечитель, нескольких сотрудников из ученых по разным частям наук. Действия сего ко-

митета сливаются с действиями Главного правления училищ, которое принимает положительные меры, какие по усмотрению обстоятельств за нужное сочтены быть могут. Если таковым образом в Главном правлении училищ и комитете одного рассматриваемы и одобряемы или исправляемы будут все конспекты учебных курсов, если не допустятся никакие учебные книги, кроме одобренных сим сословием, и если наконец попечениями одного по примеру Франции издана будет общая для всех университетов учебная книга для преподавания по одной философских наук по истинным началам от Главного правления училищ одобрены, то кажется сими мерами отвращена будет всякая опасность злоупотребления при учении философских наук в отечестве нашем.

Иван Крузенштерн

7 октября 1825 г.

МНЕНИЕ КОНТР-АДМИРАЛА КРУЗЕНШТЕРНА
О ЛОГИКЕ ПРОФЕССОРА ДАВЫДОВА

Начальные основания логики профессора Давыдова, присланные мне при выписке из журнала Главного правления училищ от 2 февраля 1825 года, я по препоручению читал и честь имею об оной донести следующее.

Книга господина профессора Давыдова не есть одно только начальное основание логики, она представляет весьма простое сочинение о сей науке, содержащее в себе много такого, чего в учебной книге кажется излишним и потому я согласен со всеми гг. членами Главного правления училищ, что книга сия не удобна для употребления в училищах, где первые начала философских наук должны быть преподаваемы с большою простотою и ясностью. Но от сего сочинение сие еще не теряет всего своего достоинства.

В сочинителе оного неоспоримо виден ученый, основательно изучившийся своей науке и знающий творения превосходнейших философов как-то: Канта, Рейгольда, Фихта, Шеллинга и других должны были быть ему известны, но мне кажется, что г. Давыдов во всяком случае лучше бы поступил, не вмешивая ничего из их теорий в свою книгу. Я весьма далек от того, чтобы почитать оных нечестивыми и возмутительными; до сих пор еще не один истинно ученый не отозвался о них таким образом. Однакож сии философы, желая распространить пределы своей науки, удалились от простоты и ясности, коими отличаются творения прежних немецких и нынешних английских и французских философов; сверх того и принятая ими терминология так темна, что самые их соотечественники не разумеют их, и ученые сего не одобряют. Посему г. профессор Давыдов сделал большую ошибку, употребив отчасти сию терминологию в своем сочинении, в чем и невозможно было успеть, когда на отечественном языке нет еще ни одного оригинального философского творения. Автор также должен бы был вовсе исключить свое предисловие, сие-то предисловие и подало повод к доносу г. члена М.Л. Магницкого против сочинителя.

Самое сочинение кроме немногих мест, занятых из теории

немецких философов, вовсе не содержит в себе ничего достойного порицания; напротив того оно доказывает, что автор основательно знает свой предмет и совершенно достоин занять кафедру, на которую он пять лет тому назад был избран и теперь только утвержден. При втором издании своей книги он конечно исключит все, что найдено противным и особенно воспользуется замечаниями, сделанными по сему случаю покойным академиком Н.И. Фусом, тогда сочинение сие будет весьма полезно для русского юношества, хотя оно собственно не принадлежит к учебным книгам, употребляемым в наших учебных заведениях.

Иван Крузенштерн

16 февраля 1826 г.

Авторы

- И.Н. Грязин - кандидат философских наук, и.о. доцента кафедры философии Тартуского гос. университета
- А.А. Ранникмяэ - аспирант кафедры философии Тартуского гос. университета
- Л.Я. Няпинен - аспирант кафедры философии Тартуского гос. университета
- Т.В. Лойт - кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ЭСХА
- Р.А. Вихалемм - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тартуского гос. университета
- Э. Грауберг - кандидат философских наук, доцент кафедры марксизма-ленинизма ЭГХИ
- В.Р. Блум - преподаватель кафедры философии Тартуского гос. университета
- Е.А. Голиков - кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии ЭСХА
- С.К. Кульяс - кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры русской литературы ТПедИ
- Б.В. Емельянов - кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии философского факультета Уральского университета

Содержание

И.Н. Грязин. О праве как феномене культуры	3
А.А. Ранникмяэ. К разработке понятия "стиль научного мышления"	16
Л.Я. Няпинен. О "неклассичности" синергетики (К вопросу об изменении концептуальной структуры науки в современной культуре)	29
Т.В. Лойт. Биологическое знание в системе современной научно-теоретической и методологической культуры.	44
Р.А. Вихалемм. К вопросу о специфике исторического познания (по поводу статьи Э.Н. Лосне)	53
Э. Грауберг. Понятие "возможных миров" и его познавательное значение (К вопросу о социально-практической детерминации логики).....	68
В.Р. Блум. Проблема субстрата культуры в психоанализе З. Фрейда	82
Е.А. Голиков. Кантовское понимание реформы как средства социально-нравственного преобразования общества	97
С.К. Кульяс. "Основания всякой метафизики" В.Я. Брессова (опыт реконструкции)	113
Б.В. Емельянов. "Мнения" И.Ф. Крузенштерна в защиту философии.....	129